

ЕЖЕГОДНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ

СЕЗОНЪ 1896-1897 Г.Г.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КНИГА 3-я

ЕЖЕГОДНИКЪ
ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Книга 3-я.

пІІІ/І

ЕЖЕГОДНИКЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

Сезонъ 1896—1897 гг.
(СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Книга 3-я.

РЕДАКТОРЪ
А. Е. Молчановъ.

ИЗДАНИЕ
Дирекціи Императорскихъ театровъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ, Моховая, 40.
1898.

Печатано по распоряженію Министра Императорскаго Двора.

Павелъ Степановичъ Мочаловъ

(въ роли Мейнау, въ драмѣ А. Коцебу «Ненависть къ людямъ и раскаяніе»).

Родился 3-го ноября 1800 г. † 16-го марта 1848 г.

Съ литографированнаго портрета, рисованнаго съ натуры художникомъ В. Карамзиковымъ, въ 1837 году, автографъ Авгурера и Гёшля (въ Вѣнѣ).

Павелъ Степановичъ Мочаловъ. (Біографія).

I.

О матеріалахъ для біографіи П. С. Мочалова.

Прошло пятьдесятъ лѣтъ со времени смерти Мочалова. Въ эти полвѣка пронесли цѣлые періоды общественнаго развитія, смѣнились два-три молодыхъ поколѣнія, крѣпла русская мысль, литература, театр. Образованное общество,—чѣмъ дальше, тѣмъ больше,—увеличивалось численно. И среди него никогда не забывалось имя Мочалова,—имя, не какъ звукъ пустой, а съ вполне опредѣленнымъ значеніемъ, съ яснымъ представленіемъ о томъ, кого оно именуетъ. Въ теченіе этого полу-вѣка Мочаловъ, какъ актеръ, въ общихъ чертахъ рисовался въ сознаніи образованнаго большинства ярче и рѣзче, чѣмъ кто-либо другой изъ представителей русской сцены за все время ея существованія. Даже Щепкинъ, первенствующій среди лицедѣевъ, по своему общественному и профессиональному значенію, уступаетъ Мочалову въ отношеніи, такъ сказать, посмертной извѣстности его имени между образованными людьми вообще, не говоря о людяхъ, преданныхъ исключительно интересамъ театра и литературы.

Съ перваго взгляда такое положеніе очень выгодно для біографа Мочалова: оно какъ-будто облегчаетъ его задачу. На самомъ же дѣлѣ это далеко

не такъ. Въ памяти потомства Мочаловъ рисуется, какъ необыкновенный талантъ, самобытный и симпатичный, одинъ изъ тѣхъ свѣточей, которые зажигаютъ сердца людей и ведутъ за собою въ міръ высокихъ духовныхъ наслажденій. Но этотъ образъ — скорѣе силуэтъ или даже отвлеченное понятіе. Знакомство же съ Мочаловымъ, какъ съ личностью, съ его жизнью и дѣятельностью, ограничивается почти-что нѣсколькими ходячими анекдотами и нѣсколькими критическими отзывами.

Не для того, чтобы, по обычію всѣхъ біографовъ, плакаться на равнодушіе потомства къ памяти великаго человѣка, но чтобы засвидѣтельствовать истину, замѣтимъ, что въ теченіе полувѣка не было сдѣлано почти ничего въ смыслѣ полной и подробной біографіи Мочалова ¹⁾. Главная основа всѣхъ сужденій о Мочаловѣ, какъ объ артистѣ,—статья о немъ Бѣлинскаго, давшего разборъ игры его въ «Гамлетѣ». Въ отрывкахъ изъ воспоминаній современниковъ также встрѣчаются данныя для характеристики трагика съ этой стороны, мало, однако, выясняющія его личность. Все, что могло бы характеризовать внутреннюю жизнь Мочалова,—его переписка, сочиненія, бібліотека и проч.,—все это исчезло куда-то вскорѣ послѣ его смерти, чуть-ли даже не въ тѣ дни, когда прахъ его не былъ еще преданъ землѣ. У единственной дочери трагика не сохранилось ни одного клочка бумажки съ словами, писанными Мочаловымъ, и ничего такъ или иначе близко напоминающаго его, кромѣ «Гамлета» съ автографомъ Н. А. Полевого, подарившаго книжку исполнителю заглавной роли ²⁾. Говорятъ, что гдѣ-то существуетъ это пропавшее наслѣдство Мочалова,—его бумаги и проч.,—говорятъ, что изъ нѣдръ букинистскихъ сараевъ оно перешло къ какому-то коллекционеру. Но какъ отыскать его, а, отыскавши, извлечь на свѣтъ Божій? Кому неизвѣстно, какъ коллекционеры ревниво охраняютъ свои сокровища...

Въ «нашъ просвѣщенный вѣкъ», когда газета проникла почти всюду, гдѣ есть грамотные, авторъ настоящей статьи нашелъ самымъ цѣлесообраз-

¹⁾ Единственнымъ сколько-нибудь цѣльнымъ очеркомъ жизни и дѣятельности Мочалова является краткая его біографія, составленная авторомъ настоящей статьи и напечатанная въ «Біографической бібліотекѣ», изданія Павленкова, гдѣ ей отведено 11 страничекъ («Жизнь замѣчательныхъ людей». М. С. Щепкинъ. Спб. 1893. Стр. 64—75).

²⁾ Книга эта была на выставкѣ, устроенной 26-го апрѣля 1898 года, въ Москвѣ, Обществомъ Любителей Россійской Словесности. Дарительная надпись Полевого сдѣлана внизу выходного листа книги; но уголокъ оторванъ и сохранились только слова: «...Мочалову, постигнувшему созданіе Шекспира и давшему... Москва, Мартъ...».

нымъ воззвать черезъ періодическую печать къ тѣмъ, у кого имѣется что-нибудь о Мочаловѣ и просить ихъ помочь ему, какъ біографу. Это «письмо въ редакцію» было гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, хотя его должны были прочесть по Россіи сотни тысячъ глазъ ³⁾. Пришлось довольствоваться тѣмъ, что давали доступные архивы, старая журналистика и разысканные устные источники. Архивныя данныя—«дѣло» о Мочаловѣ въ конторѣ Императорскаго Московскаго театра, благодаря пожарамъ и прежнему отношенію къ старинѣ, оказалось лишь отрывками изъ книги «служебнаго житія» трагика. Литературно-журнальныя свѣдѣнія даютъ очень мало, да и сами не легко даются въ руки ⁴⁾.

Почти весь печатный матеріалъ, касающійся Мочалова, перечисленъ мною въ особомъ бібліографическомъ списокѣ, помѣщенномъ ниже ⁵⁾. Всѣ литературныя данныя о Мочаловѣ можно раздѣлить на первоисточники и на пересказъ извѣстнаго уже ранѣе матеріала. Къ первому отдѣлу можно отнести различныя критическіе отзывы современниковъ объ игрѣ и талантѣ трагика, воспоминанія С. Т. Аксакова, А. Д. Галахова, В. И. Живокіни, С. П. Соловьева, М. П. Погодина, И. И. Панаева, Е. П. Шумиловой, Н. И. Куликова, П. И. Вейнберга и С. П. Стеріопуло. Изъ характеристикъ слѣдуетъ во главѣ поставить статьи Бѣлинскаго объ игрѣ и талантѣ Мочалова, Аполлона Григорьева объ общественномъ значеніи дѣятельности и личности Мочалова и о томъ же «Воспоминанія студента» (С. П. Жихарева) ⁶⁾. Общая характеристика достаточно подробна и ясна въ статьѣ Кублицкаго и въ нѣкоторыхъ некрологахъ и позднѣйшихъ біографическихъ очеркахъ о Мочаловѣ. Сочиненія актера-поэта,—стихотворенія его и драма «Черкешенка»,—къ сожалѣнію, слишкомъ немногочисленны, но они, несомнѣнно, имѣютъ значеніе для характеристики внутренней жизни ихъ автора. При отсутствіи для Московскаго театра

³⁾ Я получилъ два письма: одно анонимное, въ которомъ указывался адресъ коллекціонера, у котораго будто бы находятся бумаги Мочалова; другое — отъ провинціального артиста Н. И. Хавскаго-Ржевскаго, который сообщилъ, со словъ покойной артистки Сандуновой-Кони, разсказъ о Мочаловѣ. Письменное мое обращеніе къ коллекціонеру осталось безъ всякаго отвѣта.

⁴⁾ Въ московскихъ книгохранилищахъ Румянцевскаго и Историческаго музеевъ, гдѣ приходится работать автору настоящей статьи, журналовъ первой половины текущаго вѣка не хватаетъ не только годами, а цѣлыми десятилѣтіями. Опись «дѣла» о Мочаловѣ печатается въ приложеніи къ настоящей статьѣ.

⁵⁾ См. приложеніе V.

⁶⁾ «Отечественныя Записки», 1859, январь.

даже самой первоначальной разработки его лѣтописи, въ видѣ хотя бы хронологическаго указателя репертуара, нѣтъ возможности прослѣдить точно дѣятельность Мочалова въ отношеніи количества и качества сыгранныхъ имъ ролей. Комплекта афишъ за все время существованія Московскаго театра, — слѣдовательно, и за 20-е—40-е годы, — не существуетъ, а журнально-газетныя раскопки не могутъ дать полнаго репертуара, какъ бы долги и кропотливы онѣ ни были. Мнѣ удалось зарегистрировать до семидесяти ролей, о которыхъ достовѣрно можно сказать, что Мочаловъ ихъ игралъ. Общее же число сыгранныхъ имъ ролей въ теченіе 30-ти лѣтъ можно считать, по крайней мѣрѣ, въ полтора или два раза больше.

Литературный матеріалъ объ отцѣ Мочалова чрезвычайно скуденъ, какъ и о всѣхъ русскихъ актерахъ конца XVIII и начала XIX вѣка. А это неблагоприятствуетъ полнотѣ біографіи трагика, въ томъ смыслѣ, что лишаетъ ее подробныхъ страницъ о его дѣтствѣ.

Чествованіе памяти Мочалова по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія со дня его смерти вызвало рядъ статей, посвященныхъ біографическимъ свѣдѣніямъ объ артистѣ и его характеристикѣ. Большая часть этихъ статей и замѣтокъ является пересказомъ давно извѣстныхъ фактовъ и отзывовъ о трагикѣ, — иногда даже безъ должной компилятивной обработки, иногда небрежно составленныхъ. Статьи эти отмѣчены почти всѣ въ библіографическомъ списокѣ. Цѣнныхъ данныхъ или выводовъ во всемъ матеріалѣ, появившемся по поводу чествованія памяти Мочалова, очень мало. Изъ новыхъ фактическихъ свѣдѣній слѣдуетъ указать на очень немногія, какъ, напримѣръ, на установленный фактъ происхожденія отца трагика изъ дворовыхъ людей. Также мало новаго далъ этотъ матеріалъ и для характеристики Мочалова, какъ артиста. Выводы на эту тему сдѣланы были главнымъ образомъ на основаніи статей Бѣлинскаго. Цѣлый рядъ статей и замѣтокъ въ періодической печати большею частью варьировалъ прежде рассказанныя біографіи и сдѣланныя характеристики Мочалова ⁷⁾.

Къ сожалѣнію, и чествованіе памяти Мочалова Обществомъ Любителей Россійской Словесности не вызвало притока на устроенную по этому поводу выставку какихъ-либо писемъ, рукописей и вообще цѣнныхъ матеріаловъ для біографіи Мочалова. Можетъ быть, отчасти этому причиною было то обстоятельство, что желающіе принять участіе въ выставкѣ не были вызываемы

⁷⁾ На нѣкоторыя изъ нихъ будетъ указано въ текстѣ настоящей статьи.

черезъ публикаціи. Пожалѣтъ объ этомъ стоитъ потому, что другого такого случая не дожدهшься еще въ пятьдесятъ лѣтъ.

Рѣчи, произнесенныя на засѣданіи въ память Мочалова, также не дали ничего неизвѣстнаго ранѣе. Одна изъ рѣчей какъ-будто отличалась нѣкоторыми новыми выводами и оригинальностью характеристики, но, при ближайшемъ съ нею знакомствѣ, и то, и другое теряло свой блескъ новизны, обратившій на себя вниманіе слушателей въ устномъ изложеніи ⁸⁾). Объ этомъ также будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Выдержки изъ «дѣла» конторы Императорскихъ театровъ о Мочаловѣ являются въ печати впервые и представляютъ большой интересъ для характеристики служебнаго положенія трагика и его отношенія къ сценической дѣятельности.

Вотъ въ общихъ чертахъ весь матеріалъ, которымъ, при настоящемъ положеніи «литературы о Мочаловѣ», можетъ располагать біографъ трагика. Матеріалъ не обилень и односторонень, но добросовѣстное изученіе его все же можетъ дать возможность установить незыблемо нѣкоторые факты и сдѣлать правильно нѣкоторые выводы, воспроизводя вмѣстѣ съ тѣмъ, насколько это доступно, и подробный очеркъ жизни и дѣятельности Мочалова.

Авторъ настоящей статьи и взялъ на себя эту задачу, о выполненіи которой судить предоставляется читателямъ.

Вступленіемъ къ біографіи Мочалова является глава объ его отцѣ, — учителѣ и воспитателѣ сына для сцены и жизни.

II.

Степанъ Ѳеодоровичъ Мочаловъ.

Въ концѣ XVIII столѣтія на сценѣ Московскаго театра Медокса появился молодой актеръ Степанъ Ѳеодоровичъ Мочаловъ, по происхожденію изъ крѣпостнаго званія. Родился онъ, приблизительно, въ 1775 году; но какъ шла его жизнь до поступленія на сцену—неизвѣстно ⁹⁾). Изъ того, что Мочаловъ былъ дворовымъ человѣкомъ Демидова, можно вывести предположеніе, что и артистическая карьера его началась на помѣщичьей сценѣ. Затѣмъ,

⁸⁾ Рѣчь князя А. И. Сумбатова, отрывки изъ которой появились въ печати.

⁹⁾ Дата рожденія С. Ѳ. Мочалова выведена мною изъ надписи на могильномъ его памятникѣ. С. Ѳ. Мочаловъ погребенъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ. Могила его рядомъ съ могилою сына и другихъ родныхъ. На памятникѣ надпись: «Степанъ Ѳеодоровичъ Мочаловъ, 48 лѣтъ, въ супружествѣ жилъ 27 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ, умеръ 1823 года, іюня 28 дня».

какъ это тогда бывало, онъ могъ поступить, оставаясь крѣпостнымъ, къ Медоксу. Когда же, въ 1806 году, Московскій театръ перешелъ въ вѣдѣніе Императорской дирекціи, то на службу сюда перешелъ и Мочаловъ, отпущенный на волю ¹⁰⁾. Возможно также, что сдѣлаться актеромъ заставили Степана Ѳедоровича страсть къ театру и непреодолимое призваніе. Въ то время, несмотря на упадокъ антрепризы Медокса, въ Московской труппѣ блистали дарованіями такіе артисты, какъ, напримѣръ, Померанцевъ или Плавильщиковъ, которые были способны своимъ примѣромъ увлекать на сцену молодежь, пылкую и мечтающую о славѣ.

Въ первые годы своей дѣятельности Мочаловъ не выдѣлялся особенно въ труппѣ, хотя считался полезнымъ актеромъ. Определеннаго амплуа у него не было, и онъ игралъ и въ трагедіяхъ, и въ операхъ, и въ комедіяхъ. Современникъ въ своихъ отзывкахъ, относящихся къ 1805 году, такъ выражается о немъ: «Мочаловъ — Иванъ Царевичъ (въ оперѣ того же названія) хоть куда, игралъ и пѣлъ очень порядочно»; въ другомъ мѣстѣ: «Мочаловъ, малый видный, играетъ вездѣ, и нигдѣ, по крайней мѣрѣ, не портитъ» ¹¹⁾.

Черезъ нѣсколько лѣтъ въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ Мочалова характеризуютъ уже, какъ «разцвѣтающій талантъ, достойный особеннаго вниманія зрителей». Тутъ же выясняется и общая причина, почему Мочаловъ до сихъ поръ не выдвинулся: «Хорошій актеръ иногда остается

¹⁰⁾ Въ литературѣ мемуаровъ есть указаніе на то, что родъ Мочаловыхъ принадлежалъ къ крѣпостному состоянію. Въ «Воспоминаніяхъ изъ моей студенческой жизни» Я. И. Костенецкій утверждаетъ, что родной братъ Степана Ѳедоровича и дядя Павла Степановича былъ вольноотпущеннымъ Демидова («Русскій Архивъ», 1887, № 3, стр. 323 — 324). Документальное подтвержденіе этого находимъ въ статьѣ г. Якушкина («Русскія Вѣдомости», 1898, № 74). Авторъ статьи приводитъ изъ какого-то «театральнаго архива» выписку изъ «списка людямъ, составляющимъ Московскій театръ 1816 года». Въ этомъ спискѣ сказано: «На службу дирекціи С. Ѳ. Мочаловъ вступилъ 15-го марта 1806 года; былъ дворовымъ челоѣкомъ тайнаго совѣтника, дѣйствительнаго камергера и командора Николая Никитича Демидова; записанъ по пятой ревизіи Московской губерніи, Богородскаго уѣзда, при селѣ Сергіевскомъ, отпущенъ вѣчно на волю». Г. Якушкинъ, къ сожалѣнію, не указываетъ, изъ какого «театральнаго архива» заимствовалъ онъ приводимыя имъ свѣдѣнія. Здѣсь кстати замѣтить, что принимавшееся до сихъ поръ за фактъ — происхожденіе Мочалова изъ купеческаго званія возможно объяснить тѣмъ, что Мочаловы, получивъ волю, приписались къ купеческому сословію.

¹¹⁾ «Записки современника» (С. П. Жихарева). Ч. I. «Дневникъ студента». Спб. 1859. Стр. 22 и 179.

долго на ряду со всѣми потому, что не было пьесы, въ которой бы именно его дарованіе могло отличиться». Такими пьесами, выдвинувшими Мочалова были: «трогательная драма»—«Желѣзная маска» и «смѣлая трагедія»—«Разбойники», въ которыхъ для всѣхъ стала видна искра его дарованія. Къ тому же, примѣръ петербургскаго трагика Яковлева «много содѣйствовалъ развитію способностей» въ московскомъ актерѣ ¹²⁾; Мочаловъ, какъ говорить дальше критикъ, усердно подражалъ Яковлеву. Въ общемъ же, его игра характеризовалась такъ: «Къ живой и пламенной игрѣ Мочалова недостаетъ важности, необходимо нужной въ драмѣ. Онъ декламируетъ прекрасно, отдѣляетъ съ точностью мысли и выраженія, чувствуетъ каждое слово, обдумываетъ каждое положеніе, увлекается происшествіемъ и увлекаетъ за собою зрителей въ область правдоподобія, которая становится его областью. Такъ играетъ онъ, если не всегда, то, по крайней мѣрѣ, часто!» ¹³⁾.

Въ другомъ отзывѣ, того же приблизительно времени, талантъ и свойства игры Мочалова начинаютъ уже выясняться болѣе опредѣленно. Критикъ, разбирая игру артиста въ «Разбойникахъ» Шиллера, въ роли «атамана Роберта», находитъ исполненіе лишь мѣстами хорошимъ. Мочаловъ обнаруживалъ поспѣшность дикціи, «единообразную быстроту» рѣчи; между большими монологами онъ не дѣлалъ паузъ, какъ это слѣдовало бы для выразительности; въ игрѣ его были хорошо сказанные слова и обороты, прекрасные моменты, но въ общемъ не было «строгой рачительности» въ обработкѣ роли ¹⁴⁾.

Въ дальнѣйшихъ критическихъ замѣчаніяхъ еще ярче и рѣзче обрисовываются особенности игры Мочалова-отца.

Гранью, отдѣлявшей прошлое отъ того времени, когда Мочаловъ показлъ во всей силѣ свой талантъ, надо считать двѣнадцатый годъ,—какъ объ этомъ можно судить по авторитетному отзыву Кокошкина ¹⁵⁾. «Вы оставили Мочалова въ 12-мъ году весьма плохимъ актеромъ, но у него вдругъ открылся талантъ, и онъ сдѣлался любимцемъ публики»,—говорилъ Кокошкинъ Аксакову въ 1815 году ¹⁶⁾. Помимо естественнаго хода развитія та-

¹²⁾ Знаменитый трагикъ А. С. Яковлевъ игралъ на Московской сценѣ въ 1808 году.

¹³⁾ «Аглая», 1809, ч. V, мартъ, стр. 73—75, замѣтка: «Господинъ Мочаловъ».

¹⁴⁾ «Журналъ Драматической», 1811, ч. I, № 2, стр. 93—98, ст. С. III-а-на.

¹⁵⁾ О. О. Кокошкинъ—впослѣдствіи директоръ Московскаго театра и драматургъ.

¹⁶⁾ С. Т. Аксаковъ. «Разныя сочиненія. Литературныя и театральныя воспоминанія». М. 1858. Стр. 38.

ланта, на такое проявленіе дарованія могла повліять и его поѣздка въ Петербургъ. Передъ разгромомъ Москвы французами, Мочаловъ съ семьею уѣхалъ, по примѣру остальныхъ актеровъ, въ Костромскую губернію, а въ началѣ 1813 года появился въ Петербургѣ, гдѣ и дебютировалъ 14-го января. Здѣсь онъ пользовался большимъ успѣхомъ. Возобновивъ свое знакомство съ знаменитымъ Яковлевымъ, онъ близко съ нимъ сошелся и подружился ¹⁷⁾. Вполнѣ понятно, что и эта дружба, и въ особенности игра самого Яковлева не остались безъ вліянія на сценическіе успѣхи московскаго гостя.

Каковы же были свойства таланта и особенности игры С. О. Мочалова?

По краткой характеристикѣ одного современника, Мочаловъ «отличался физическими свойствами и сильнымъ выраженіемъ чувства» ¹⁸⁾. Внѣшніе данныя Мочалова были прекрасныя: высокій ростъ, красивое и благородное лицо, сильный голосъ ¹⁹⁾. Характеристикой же его дарованія и игры могутъ служить слова Кокошкина: «Талантъ у него точно есть, и большой, но искусства, искусства мало». Аксаковъ въ первый разъ увидалъ его въ «Мизантропѣ», гдѣ онъ игралъ Крутона, и нашелъ, что лучше Мочалова онъ не видѣлъ актера въ этой роли. Познакомившись съ артистомъ, онъ встрѣтилъ въ немъ очень добраго человѣка, любящаго свое дѣло, но понимающаго это дѣло только по инстинкту. Въ душѣ Мочалова таилось много чувства и огня, но выражались они иногда въ высшей степени не художественно. У него былъ одинъ пріемъ, всегда особенно ему удававшійся. Въ какомъ-нибудь патетическомъ мѣстѣ своей роли Мочаловъ бросался на аван-сцену и съ неподдѣльнымъ чувствомъ, съ огнемъ, вылетавшимъ прямо изъ души, скорымъ полушопотомъ произносилъ нѣсколько стиховъ или нѣсколько строкъ прозы—и обыкновенно увлекалъ публику. Въ первый разъ это былъ сценическій порывъ, избытокъ вскипѣвшаго чувства, пришедшійся кстати и, по справедливости, восхитившій публику. Мочаловъ, замѣтивъ успѣхъ, сталъ употреблять этотъ пріемъ чаще: сначала тогда только, когда чувствовалъ приливъ одушевленія, а потомъ уже безъ всякаго прилива и совершенно невпопадъ. Публика, которой онъ былъ любимцемъ, не замѣчала этого, однако, и продолжала ему рукоплескать.

¹⁷⁾ П. Н. Арановъ. «Лѣтопись русскаго театра». Спб. 1861. Стр. 218.

¹⁸⁾ П. Н. Арановъ. «Драматическій Альбомъ». М. 1850. Стр. LI.

¹⁹⁾ Судя по портрету Мочалова, который мнѣ случилось видѣть у его внуки, онъ дѣйствительно обладалъ красивою и благородною наружностью.

Къ этой характеристикѣ Аксакова можно прибавить и слова Н. А. Полевого: «Мочаловъ иногда закрикивался и, выражая ужасъ, разѣвалъ ужасно ротъ и стучалъ въ гнѣвъ каблуками». Кромѣ того, за нимъ водился и еще одинъ непростительный сценическій грѣхъ: онъ не твердо выучивалъ роли и часто не зналъ ихъ. Избалованный публикою, онъ не только не училъ новыхъ, но и забывалъ старыя роли, излѣнился, «загулялъ», по выраженію Аксакова, и началъ постепенно падать во мнѣніи той же публики. Въ это время его подняла и отрезвила роль Мизантропа, а потомъ роли въ «Гваделупскомъ жителѣ» и «Тонѣ моднаго свѣта»,—пьесахъ, которыя и тогда уже сходили со сцены ²⁰). Отъ исполненія Мочаловымъ этихъ ролей Аксаковъ пришелъ въ восхищеніе. Это было совершенство, какое-то чудо, превращеніе. По этимъ ролямъ можно было признать его за одного изъ первоклассныхъ, великихъ артистовъ; тогда какъ въ другихъ пьесахъ Мочаловъ являлся талантливымъ человѣкомъ, въ которомъ отсутствіе всякаго искусства, непониманіе представляемаго лица убивали его талантъ ^{21—22}).

Во всѣхъ приведенныхъ отзывахъ современниковъ С. О. Мочаловъ рисуется, какъ артистъ, одаренный прекрасными сценическими данными и выдающимся талантомъ, но мало заботившійся о развитіи и совершенствованіи природнаго богатства. Игра его была не ровна, роли не обработаны, на всемъ исполненіи не лежало печати труда. Его даже упрекали въ непониманіи ролей, хотя мѣстами онъ эти роли исполнялъ прекрасно, — и это наиболѣе доказательное свидѣтельство того, что онъ игралъ «по инстинкту». Отзывъ «Аглаи», восхваляющей Мочалова, нисколько въ сущности не противорѣчитъ такому опредѣленію Аксакова. Вѣдь и Аксаковъ готовъ былъ признать Мочалова за исполненіе двухъ ролей «первокласснымъ, великимъ артистомъ». При томъ же и критикъ «Аглаи» признается, что хорошо Мочаловъ игралъ «не всегда», а лишь «часто».

Благодаря этимъ отзывамъ людей, въ безпристрастіи которыхъ и въ ихъ пониманіи того, о чемъ они говорили, нѣтъ причинъ сомнѣваться, силуэтъ Мочалова-отца, какъ артиста, обозначается довольно ясными чертами на

²⁰) Кромѣ этихъ ролей, въ репертуаръ С. О. Мочалова входили, между прочимъ, еще слѣдующія: Фрицъ («Сынъ любви»), князь Тверской («Дмитрій Донской»), Крутонъ («Мизантропъ»), Видостанъ («Русалка»), Алексѣй («Семейство Старичковыхъ»), Эдипъ и Тезей («Эдипъ въ Афинахъ»), Фингалъ, графъ Вальтронъ, Гамлетъ, Робертъ («Разбойники»).

^{21—22}) Аксаковъ, стр. 38, 40, 51—53. — Н. А. Полевой. «Мои воспоминанія о театрѣ» («Репертуаръ», 1840, № 2, стр. 6—7).

туманномъ фонѣ театральнаго прошлаго. И даже не всматриваясь пристально въ эти черты, съ перваго взгляда, видно, какъ глубоко отразились онѣ въ Мочаловѣ-сынѣ, образъ котораго не такъ уже смутенъ и жизнь и дѣятельность котораго не такъ еще далеки отъ насъ.

III.

Дѣтство и юность П. С. Мочалова.

Степанъ Ѳедоровичъ женился въ ранней молодости, когда ему только что пошелъ третій десятокъ лѣтъ. Отъ этого брака у него было нѣсколько человѣкъ дѣтей, и въ числѣ ихъ будущій трагикъ ²³⁾.

Павелъ Степановичъ Мочаловъ родился 3-го ноября 1800 года. Годы его дѣтства и юности, къ большому сожалѣнію, покрыты мракомъ неизвѣстности. Какъ они прошли, подъ чѣмъ вліяніемъ росъ и развивался Мочаловъ, при какихъ условіяхъ и обстановкѣ провелъ онъ свою жизнь до поступленія на сцену? Всѣ эти крайне важные для біографа и крайне интересные для біографіи вопросы приходится обходить молчаніемъ или строить по поводу ихъ болѣе или менѣе правдоподобныя предположенія. Всѣ догадки, которыми можно до нѣкоторой степени заполнить столь существенный пробѣлъ въ біографіи Мочалова, основываются лишь на общихъ соображеніяхъ, на нѣкоторомъ, хотя очень недостаточномъ, знакомствѣ съ личностью Мочалова-отца и на тѣхъ выводахъ, которые можно сдѣлать о дѣтствѣ и юности Мочалова, судя по его характеристикѣ въ зрѣлыхъ лѣтахъ.

О матери Мочалова, въ особенной близости съ которой, конечно, прошли его дѣтскіе и юношескіе годы, не сохранилось свѣдѣній. Въ извѣстныхъ литературныхъ источникахъ по исторіи русскаго театра нѣтъ также указаній на то, была-ли мать Мочалова актрисой или нѣтъ. Трудно поэтому даже догадываться о томъ, какое вліяніе имѣла на воспитаніе Мочалова его мать.

Отецъ Мочалова, какъ человѣкъ, былъ очень добрый. Объ этомъ его качествѣ Аксаковъ упоминаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ два раза, — очевидно, твердо убѣжденный въ своей характеристикѣ.

Образованіемъ Степанъ Ѳедоровичъ не обладалъ: умственное и нравственное его развитіе не возвышалось надъ уровнемъ того круга, изъ котораго

²³⁾ Сыновья Платонъ и Василій и дочь Марья также служили на сценѣ. Платонъ похороненъ рядомъ съ своимъ братомъ—трагикомъ. Изъ надписи на могильной плитѣ видно, что онъ родился 18-го ноября 1801 года, умеръ 2-го августа 1829 года.

онъ происходилъ, и того, къ которому принадлежалъ по своей дѣятельности. Черты нравственно-умственной темноты, невѣжества и даже дикости, окутававшихъ ту среду, изъ которой происходилъ Мочаловъ-отецъ отразились, надо полагать, на его жизни и личности, что, однако, нисколько не мѣшало, ему быть добрымъ человѣкомъ. Общество актеровъ, къ которому принадлежалъ Степанъ Ѳедоровичъ по своей дѣятельности, тоже не могло похвалиться высокою уровня умственно-нравственного своего развитія. Часть изъ нихъ, до 1806 года, когда Московскій театръ сталъ Императорскимъ, принадлежала къ числу крѣпостныхъ людей. Положеніе ихъ не могло способствовать ихъ развитію. Будучи слугами Мельпомены, они не утрачивали, однако, всѣхъ своихъ крѣпостныхъ обязанностей, и налагаемая этими обязанностями печать проявлялась даже въ самыхъ мельчайшихъ чертахъ. Актеры изъ крѣпостныхъ людей обозначались, на примѣръ, на афишахъ только по фамиліямъ, безъ обычнаго Г., т. е. господинъ или госпожа. Служеніе искусству не избавляло актеровъ отъ тѣхъ строгостей, которыя обычно примѣнялись къ людямъ ихъ званія, и если, по выраженію современника, они «зашибались», то имъ дѣлался «выговоръ особеннаго рода» ²¹⁾. Такіе просвѣщенные актеры, какъ Плавильщиковъ, Сандуновъ или Зловъ, стояли особнякомъ среди своихъ товарищей и какъ исключеніе вращались въ кругу образованныхъ людей. Большинство же дѣятелей сцены обнаруживало ту неохоту къ просвѣщенію, то отвращеніе къ умственному развитію и ту склонность къ нравственной темнотѣ, которыя потомъ долго сопровождали дѣятельность русскаго актера, взятаго въ массѣ. Въ этомъ отношеніи артистическая среда въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ упорно соблюдала постоянство. Развѣ, на примѣръ, нельзя было напечатать въ недавнее сравнительно время, — напечатать съ полною основательностью, — эти строки, которыя мы читаемъ въ одномъ изъ журналовъ почти девяносто лѣтъ тому назадъ? «Любитель театра», просматривая имена подписавшихся на журналъ, — которыя тогда издатели имѣли обыкновеніе печатать въ самыхъ журналахъ, — не замѣтилъ ни одного имени изъ московскихъ актеровъ. Удивляясь такому ихъ равнодушію къ чтенію, тѣмъ болѣе, что въ журналѣ печатались замѣчанія объ ихъ игрѣ, «любитель театра» приводитъ по этому поводу свой разговоръ съ одной изъ актрисъ. «Мнѣ случилось», — рассказываетъ онъ, — «поздравить ее съ успѣхомъ, о которомъ было писано въ знаменитомъ нашемъ журналѣ «Вѣстникъ Европы». Я не читала, потому что мы ничего не читаемъ, — отвѣт-

²¹⁾ «Записки современника», стр. 20.

ствовала она съ равнодушіемъ и сухостью. Слово *мы* осталось у меня въ слухѣ и увѣрило разсудокъ, что актеры и актрисы наши, т. е. московскіе, не знаютъ ничего, кромѣ своихъ монологовъ. Не отъ этого-ли актеры и актрисы наши такъ монотонны?» ²⁵).

Любовь и поклоненіе публики не могли не развить въ Мочаловъ-отцѣ артистической гордости и самолюбія, которыя, вмѣстѣ съ сознаниемъ таланта, должны были, какъ это случается въ такихъ положеніяхъ, проникать въ его отношенія къ окружающимъ и придавать извѣстный колоритъ его личной жизни, его воззрѣніямъ на искусство и вообще всему его міросозерцанію. Одинъ анекдотическій разсказъ о Мочаловъ-отцѣ рѣзко рисуетъ его передъ нами. Послѣ дебюта сына, имѣвшего необыкновенный успѣхъ, Мочаловъ-отецъ, по возвращеніи домой, заставилъ жену свою снять сапоги съ сына.

— Чему ты удивляешься,—сказалъ онъ жснѣ своей, остолбенѣвшей отъ такого приказа,—сынъ твой геній, а генію служить почетно ²⁶).

Въ этомъ маленькомъ анекдотѣ, совсѣмъ не представляющемъ ничего невѣроятнаго и какъ дѣйствительный случай, характеризуются и самъ Мочаловъ-отецъ, и его отношенія къ семьѣ, и его воззрѣнія на талантъ и искусство. Если же ко всему сказанному прибавить, что одною изъ привычекъ его было «загуливать», то можно уже уловить и представить себѣ общія черты образа Мочалова-отца, какъ человѣка.

Таковъ былъ воспитатель Мочалова-сына, несомнѣнно, имѣвшій на него вліяніе, какъ примѣръ, какъ поучительный образецъ, которымъ сынъ долженъ былъ слѣдовать. И если даже отецъ относился совершенно равнодушно къ воспитанію сына и не старался внѣдрить въ его умъ и сердце частицу самого себя, то и тогда вліяніе отца не могло не отразиться на сынѣ черезъ пассивное воспріятіе всего того, что переживала его дѣтская душа, что видѣли его глаза, что слышали его уши,—не говоря уже о наслѣдственности. При характеристикѣ Мочалова-сына мы вспомнимъ объ этомъ и увидимъ, какая тѣсная органическая связь существовала между натурами и характерами отца и сына.

Какое образованіе получилъ Мочаловъ—въ точности неизвѣстно. По всей вѣроятности, оно было домашнее, при пособіи учителей. Изъ того, что старшая сестра трагика училась и кончила курсъ въ институтѣ, слѣдуетъ заключить о желаніи Степана Ѳедоровича дать своимъ дѣтямъ хорошее образо-

²⁵) «Аглая», 1810, ч. IX, февраль, стр. 51—54.

²⁶) *А. Д. Галаховъ*. «Литературная кофейня въ Москвѣ въ 1830 — 40 годахъ», воспоминанія («Русская Старина», 1886, № 4, стр. 190).

ваніе. Теперь стало достовѣрно извѣстно, что Мочаловъ учился во вновь откры- томъ тогда пансіонѣ братьевъ Терликовыхъ, по профессіи педагоговъ, вмѣстѣ съ которыми преподавалъ науки и И. И. Давыдовъ, въ послѣдствіи профессоръ Московскаго университета. Было это по возвращеніи семьи Мочаловыхъ изъ Костромской губерніи, въ 1813 году. Вмѣстѣ съ будущимъ трагикомъ учился и его младшій братъ ²⁷⁾. Сохранилось также извѣстіе, что Мочаловъ нѣко- торое время состоялъ слушателемъ Московскаго университета ²⁸⁾ и вышелъ оттуда, поссорившись съ однимъ изъ профессоровъ. Вѣрнѣе же всего, что его неудержимо потянуло на сцену, и онъ бросилъ ученье. Въ окружаю- щей же его средѣ, надо думать, не было никого, кто помогъ бы ему напра- виться на путь саморазвитія и неуклонно идти по немъ. Вращаться въ обще- ствѣ людей просвѣщенныхъ юношѣ не приходилось, да и слишкомъ ограни- ченъ былъ тогда этотъ кругъ людей, считавшихъ актера равнымъ себѣ суще- ствомъ; не только въ массѣ, но и среди болѣе образованнаго общества на актера смотрѣли презрительно.

Здѣсь кстати разсказать случай, въ которомъ Мочалову, еще мальчикомъ, пришлось познакомиться со взглядами на актеровъ. Убѣгая отъ француз- скаго нашествія, Степанъ Ѳедоровичъ пріютился сначала съ семьей въ подмосковной князя Долгорукаго; но потомъ, не желая стѣснять хозяевъ, вздумалъ отыскать себѣ квартиру на сосѣднемъ Лосинномъ заводѣ. Когда же здѣсь узнали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, то запретили давать Мочалову квар- тиру, «дабы Богъ не покаралъ всего завода за пріемъ актера въ свои ограды». Степана Ѳедоровича, конечно, возмутилъ такой приговоръ, и онъ, прибѣжавъ къ княгинѣ Долгорукой, «трагически вопіялъ противъ несправедливости». За- тѣмъ вскорѣ Мочаловы поѣхали въ Ярославль догонять отправившуюся туда изъ Москвы труппу ²⁹⁾.

Но ни подобные случаи, ни вообще тернія артистической карьеры не могли поколебать въ Мочаловѣ-отцѣ его горячей преданности и любви къ искусству. Онъ и самъ до конца прошелъ свой путь, и дѣтей своихъ напра- вилъ по немъ же. И дочь, и сынъ-трагикъ, и еще двое сыновей, дѣятель-

²⁷⁾ «Русская Старина», 1898, № 5, замѣтка Льва Поливанова: «Къ біографіи П. С. Мо- чалова», стр. 268.

²⁸⁾ М. Е. Кублицкій. «П. С. Мочаловъ» («Русскій Архивъ», 1875, № 12, стр. 493).

²⁹⁾ И. М. Доморукій. «Капище моего сердца» («Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древ- ностей Россійскихъ», 1873, сентябрь, № 2).

ность которыхъ осталась безслѣдной, пошли отцовскою дорогою. Отецъ самъ и готовилъ ихъ къ дебютамъ.

IV.

Первый дебютъ П. С. Мочалова на сценѣ.

«Въ 1817 году возшла новая звѣзда на горизонтѣ Московскаго театра: это былъ Павелъ Степановичъ Мочаловъ»,—разсказываетъ театральнѣйшій летописецъ. Мочаловъ дебютировалъ 4-го сентября ролью Полиника въ трагедіи «Эдипъ въ Аѣинахъ»³⁰⁾. Съ перваго же раза зрители замѣтили въ его игрѣ тѣ искры огня и вдохновенія, которыя потомъ разгорались въ ослѣпительный блескъ. Его «необыкновенный талантъ, бездна огня и чувства» поразили С. Т. Аксакова еще тогда, когда онъ до спектакля, по приглашенію Мочалова-отца, слушалъ у него дома чтеніе этой роли сыномъ.

Успѣхъ Мочалова былъ чрезвычайный, и на восходящую звѣзду любители театра смотрѣли, какъ на будущее свѣтило русской сцены. Съ первыхъ же шаговъ его на сценѣ слава окружила Мочалова своимъ ореоломъ, создала группы восторженныхъ поклонниковъ его таланта. Прошло около года со времени выхода Мочалова въ первый разъ на сцену, и уже современнѣйшій поэтъ изъ поклонниковъ таланта артиста сочиняетъ и печатаетъ посвященные ему стихи, чего удостоивались очень рѣдко лишь знаменитости театральнаго міра. Поэтъ взывалъ къ артисту:

Мочаловъ! сколь ты прекрасною игрой
Умѣлъ изобразить Танкреда предо мной!
Твой даръ, волшебный даръ, зоиловъ преживетъ,
И славы генія завистникъ упадетъ.
Теки своимъ путемъ, талантъ не умираетъ,
Онъ блещетъ, какъ луна надъ водной глубиной.
Того въ потомствѣ лавръ безсмертныхъ увѣнчаетъ,
Кто трогалъ здѣсь сердца волшебною игрой³¹⁾.

³⁰⁾ Существуетъ указаніе, что дебютъ этотъ состоялся 18-го августа 1817 года («Антрактъ», 1865, № 135). Но въ собственноручной записи Мочалова днемъ перваго дебюта значится 4-е сентября («Драматическій Альбомъ» *Арапова*, приложение). Это же подтверждается и объявленіемъ о дебютѣ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», 1817, № 70.

³¹⁾ «Благонамѣренный», 1819, ч. V, № 1, стр. 67. Стихотвореніе подписано такъ: «17-го декабря 1818 года. *Бередииковъ*». Это стихотвореніе слѣдуетъ за письмомъ о Мочаловѣ, приведенномъ ниже. По словамъ дочери Мочалова, стихотвореніе это написано *Глинкою*; въ текстѣ, сообщенномъ ею въ своихъ воспоминаніяхъ, четвертая строчка читается

Но поклонники Мочалова, увлеченные его игрой, не слѣпо преклонялись предъ его талантомъ. Для людей, любившихъ и понимавшихъ искусство, было ясно, что артистъ-юноша недостаточно подготовленъ къ сценѣ, что образованіе и усовершенствованіе въ драматическомъ искусствѣ для него необходимы, и необходимы именно теперь, пока онъ молодъ и не погрязъ въ рутинѣ и мелочахъ закулисной жизни. Они стараются заинтересовать по этому поводу общественное вниманіе и вмѣстѣ съ приведеннымъ выше стихотвореніемъ печатаютъ о Мочаловѣ «Письмо къ издателю» петербургскаго журнала. Въ этомъ письмѣ сообщается, прежде всего, «пріятное извѣстіе о появленіи на Московской сценѣ новаго трагическаго актера г. Мочалова, сына извѣстнаго актера того же имени». «О счастливомъ талантѣ» Мочалова отзывается съ великою похвалою. «Не только зрители-знатоки, но и сама любимица Мельпомены, г-жа Семенова, бывшая въ Москвѣ минувшей осенью»,—говоритъ авторъ письма,—«отдавали ему полную справедливость». Такое выдающееся явленіе въ жизни театра обратило, конечно, на себя особенное вниманіе любителей драматическаго искусства, и вотъ нѣкоторые изъ нихъ «согласились для окончательнаго образованія г. Мочалова отправить его на свой счетъ въ Парижъ». Далѣе выражалось желаніе, чтобы намѣреніе это осуществилось поскорѣе, и Мочаловъ познакомился бы съ славнымъ Тальмою. Побужденія, которыя руководили любителями искусства, были объяснены въ концѣ письма слѣдующими словами: «Благодѣтели найдутъ награду въ успѣхахъ Мочалова и совершенствѣ его таланта» ³²⁾.

Письмо это интересное, какъ біографическій фактъ, приводитъ къ тому заключенію, что Мочаловъ съ первыхъ шаговъ проявилъ уже тѣ недостатки, отъ которыхъ не избавился и впослѣдствіи. Лица, желавшія ему добра, прямо указываютъ на то, что необходимо Мочалову: «окончательное образованіе» и «совершенство таланта». Желая, чтобы онъ познакомился съ Тальмой, они тѣмъ самымъ рекомендуютъ юному артисту поучиться тому, чѣмъ славилась французская знаменитость: собственно сценическому искусству, внѣшней сторонѣ игры.

такъ: «И слава генія въ потомствѣ не умретъ». У Мочалова былъ экземпляръ «Танкреда» съ портретомъ артиста въ заглавной роли, и на этой пьесѣ были написаны приведенные стихи («Воспоминанія *Е. П. Шумиловой-Мочаловой*», подъ редакціею и съ примѣчаніями *А. А. Ярица*.—«Историческій Вѣстникъ», 1896, № 10 и 11).

³²⁾ «Благонамѣренный», 1819, ч. V, № 1, стр. 65—67, смѣсь, «Письмо къ издателю о г. Мочаловѣ», за подписью W., отъ 9-го января 1819 года, съ приложеніемъ стиховъ: «На игру г. Мочалова въ трагедіи «Танкредъ».

Поѣздка Мочалова за границу не состоялась. Произошло-ли это отъ того, что «нѣкоторые любители драматическаго искусства» раздумали «благодѣтельствовать» новоявленному таланту, или этого не захотѣлъ самъ Мочаловъ—неизвѣстно. Вѣроятно же всего, что причиной было послѣднее. Любители искусства, конечно, не шутили и хорошо обдумали свое предложеніе, разрѣшились выступить съ нимъ печатно. Безъ сомнѣнія, оно было сообщено и Мочалову. Но это оказалось, вѣроятно, такую же безплодную попыткой повліять на молодого артиста, какъ десятокъ лѣтъ спустя были безплодны попытки другихъ лицъ ввести Мочалова въ кругъ образованныхъ людей. Другой вопросъ—была-ли бы для Мочалова какая-нибудь польза отъ заграничной поѣздки,—и вѣрнѣе отвѣтить на это отрицательно, чѣмъ положительно. По натурѣ и характеру своему, Мочаловъ принадлежалъ къ числу людей, не поддающихся дисциплинирующимъ вліяніямъ,—объ это и разбивались благія намѣренія его доброжелателей. Достигнуть того, чего добивались любители искусства, т. е. «окончательнаго образованія» и «совершенства таланта», Мочаловъ могъ и не выѣзжая изъ Москвы. Мы знаемъ примѣръ другого великаго русскаго артиста, современника и сослуживца Мочалова,—примѣръ навсегда поучительный для русскаго актера. Мы знаемъ Щепкина, который, начавъ свое сценическое развитіе при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, на подмосткахъ провинціальныхъ и ярморочныхъ театровъ, явился въ Москву уже вполне сложившимся актерамъ, и въ зрѣломъ возрастѣ; но и здѣсь до глубокой старости стремился онъ къ тому «окончательному образованію», къ тому «совершенству таланта», которыя необходимы были для Мочалова, по мнѣнію любителей искусства. Мочаловъ же, по выраженію Бѣлинскаго, «съ молодыхъ лѣтъ имѣлъ несчастье пренебречь развитіемъ своего таланта и обработкою своихъ средствъ, ничего не сдѣлалъ во-время, чтобы овладѣть ими» ³³⁾. И это «несчастье» запечатлѣлось неизгладимыми чертами на всей жизни Мочалова. Оно же явилось и причиною того, что въ сценической дѣятельности Мочалова не было постепенныхъ переходовъ,

³³⁾ «Современникъ», 1848, апрѣль, смѣсь, стр. 162.—В. Бѣлинскій. Сочиненія ч. XII, стр. 186, некрологическая замѣтка. Въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго говорится о Мочаловѣ въ слѣдующихъ мѣстахъ: т. I, стр. 505—519 (ст. «Объ игрѣ г. Каратыгина»); т. II, стр. 477—587 (ст. «Гамлетъ драма Шекспира и Мочаловъ въ роли Гамлета»), стр. 587—588 (ст. «Каратыгинъ на Московской сценѣ»); т. III, стр. 131, 132 и 156 (Мочаловъ въ «Лирѣ»), стр. 134 (Мочаловъ въ «Иголкинѣ»), стр. 161 (Мочаловъ въ «Женѣ артиста»), стр. 162 (Мочаловъ въ «Цыганахъ»), стр. 177 (Сравненіе Мочалова съ Каратыгинымъ); т. XII, стр. 186—191 (некрологическая замѣтка).

непрерывнаго движенія впередъ,—ни внѣшняго, ни внутренняго характера. Уйдя со сцены послѣ перваго дебюта любимцемъ публики, онъ имъ и оставался до гробовой доски. Въ его служебной карьерѣ также не совершилось за тридцать лѣтъ значительныхъ переменъ: занявъ первое положеніе послѣ дебюта, онъ сохранилъ его на все время. Наконецъ, и первый, и послѣдній шаги его на сценѣ характеризовались одними и тѣми же свойствами геніальнаго дарованія, одними и тѣми же достоинствами и недостатками игры, исключая послѣдніе годы, когда, вмѣстѣ съ физическимъ упадкомъ силъ ослабѣвалъ и его талантъ. Вотъ потому-то съ этой точки зрѣнія не представляется ни интереса, ни значенія слѣдить хронологически за дѣятельностью Мочалова: мы не уловимъ въ ней признаковъ постепеннаго развитія таланта, не встрѣтимъ слѣдовъ работы надъ этимъ развитіемъ. Поэтому біографу остается, очертивъ общее состояніе драматургіи того времени, провести Мочалова въ воображеніи читателей, какъ исполнителя тѣхъ ролей, о которыхъ сохранились свидѣтельства современниковъ, а затѣмъ сдѣлать общую характеристику его таланта и игры и опредѣлить значеніе его артистической дѣятельности.

V.

Артистическая дѣятельность П. С. Мочалова.—Роли П. С. Мочалова въ комедіяхъ.

Мочаловъ вступилъ на сцену въ смутную эпоху нашей драматургіи. Нѣсколько литературныхъ теченій,—одни уже изсякавшія, другія только что пробивавшія себѣ русло,—смѣшивались и наводняли театръ. Главнымъ источникомъ ихъ были литературы иностранныя, преимущественно нѣмецкая и французская, откуда русскіе писатели черпали и сюжеты, и вдохновеніе, или просто переводили на родной языкъ, а то и «склоняли» на русскіе нравы драматическіе плоды чужеземной культуры. Псевдо-классическая трагедія отживала свои дни, а «мѣщанская» трагедія или «слезная» драма пока еще царила, причемъ вмѣстѣ съ нею первенствовала и «высокая» комедія. Безсмертная комедія Мольера, въ неуклюжихъ передѣлкахъ и переводахъ, не сходила со сцены съ самаго начала правильно организованнаго русскаго театра; на ряду съ нею входили въ репертуаръ и другія комедіи иностраннаго происхожденія. Водевиль, большею частью также привозной фабрикаціи, бойко пробирался на первое мѣсто, завоевывая себѣ поклонниковъ, утверждавшихъ, что «водевиль есть вещь, а прочее все—гиль». И среди этихъ-то теченій робко и одиноко пробивался ручеекъ національной комедіи. «Недоросль» и произведенія Княжнина, Плавильщикова и другихъ, пытавшихся

создать комедію въ «самобытномъ русскомъ вкусѣ», уступали мѣсто шумному рою твореній Шаховского, а за нимъ—Загоскина, Хмельницкаго и другихъ. Классическое «Горе отъ ума» уже созрѣвало въ замыслахъ автора, и близилось время зарожденія предшественницы художественнаго реализма—романтической драмы, сценическимъ выразителемъ и представителемъ которой считаютъ Мочалова.

За тридцать лѣтъ своего служенія русской сценѣ Мочалову пришлось выступать, какъ исполнителю, рѣшительно во всѣхъ родахъ произведеній драматической литературы, не исключая водевилей и даже оперъ, имѣвшихъ тогда форму драмъ или комедій съ пѣніемъ. Но его призваніемъ, въ зависимости отъ отличительныхъ свойствъ его дарованія, была драма, въ широкомъ значеніи этого слова,—была-ли то псевдо-классическая или Шекспировская трагедія, сентиментальная или романтическая драма.

Мы уже замѣтили, что для біографіи Мочалова не представляло бы ни интереса, ни особеннаго значенія прослѣдить послѣдовательно весь репертуаръ его ролей. Но если бы даже для исторической точности и взять на себя эту задачу, то выполнить ее было бы крайне затруднительно. Матеріаломъ для составленія репертуара въ этомъ случаѣ являются исключительно литературныя денныя. Собрать комплектъ афишъ за то время теперь врядъ-ли возможно; по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ прежде всего ихъ слѣдовало бы искать, — въ архивѣ Московской конторы Императорскихъ театровъ, — ихъ нѣтъ ³⁴⁾. Литературные же источники, т. е. періодическая печать того времени, даетъ по этому предмету самыя скудныя свѣдѣнія: и журналистика была тогда слабо развита, и въ журналистикѣ мало интересовались театромъ. Въ прилагаемомъ спискѣ читатели найдутъ перечень тѣхъ ролей Мочалова, о которыхъ сохранились извѣстія въ афишахъ, объявленіяхъ, въ критическихъ отзывахъ и мемуарахъ ³⁵⁾. Исполненіе Мочаловымъ нѣкоторыхъ изъ этихъ ролей мы опишемъ съ тѣми подробностями, которыя подмѣтили и записали современники.

Объ исполненіи Мочаловымъ ролей въ комедіяхъ сохранилось мало отзывовъ. Нѣсколько изъ нихъ находимъ въ воспоминаніяхъ и критическихъ статьяхъ С. Т. Аксакова. Возвратясь въ 1826 году, послѣ пятилѣтняго отсутствія, въ Москву, Аксаковъ попалъ какъ-то на репетицію комедіи князя Шаховского «Аристофанъ»,—одного изъ лучшихъ среди остальныхъ произве-

³⁴⁾ Афиши, какъ и часть документовъ, уничтожены пожарами.

³⁵⁾ См. ниже, приложение III, въ концѣ этой статьи.

деній плодovitаго драматурга. Уже на репетиціи поразилъ его и очаровалъ мелодическій, звучный, страстный голосъ Аристофана, въ которомъ онъ не сразу узналъ молодого Мочалова. На спектаклѣ артистъ привелъ его въ восхищеніе. Свои впечатлѣнія Аксаковъ передаетъ въ такихъ выраженіяхъ: «Сколько огня, сколько чувства и даже силы было въ его сладкомъ, очаровательномъ голосѣ! Какъ онъ былъ хорошъ собою и какія послушныя, выразительныя имѣлъ онъ черты лица! Всѣ чувства, какъ въ зеркалѣ, отражались въ его глазахъ. Греческій хитонъ и мантия скрывали недостатки его тѣлосложенія и дурныя привычки къ извѣстнымъ движеніямъ, которыя и тогда были въ немъ уже замѣтны». И тотъ же зритель въ критическомъ отзывѣ своемъ, черезъ два года, пишетъ: «Мочаловъ въ роли Аристофана не походилъ ни на Мочалова, ни на представляемое лицо. Всю роль онъ проговорилъ какимъ-то не своимъ, весьма дикимъ голосомъ, не одушевилъ самыхъ лучшихъ сценъ, отнялъ у роли сардоническій смѣхъ,—первый признакъ Аристофана,—и игралъ какъ-будто нехотя». Въ примѣчаніи къ этой замѣткѣ читаемъ: «Справедливость требуетъ сказать, что г. Мочаловъ прежде игрывалъ Аристофана прекрасно». Къ этому можно добавить, что онъ и послѣ «игрывалъ» Аристофана лучше; по крайней мѣрѣ, еще черезъ два года критикъ другого журнала находитъ игру Мочалова въ роли Аристофана тоже «прекрасной». Самъ авторъ «Аристофана» замѣтилъ, что Мочаловъ въ заглавной роли «не такъ уменъ, какъ Брянскій», игравшій ее въ Петербургѣ ^{36—39}).

Въ комедіи Шаховскаго «Урокъ женатымъ» Мочаловъ въ роли князя былъ просто нѣжнымъ супругомъ, какихъ не мало на свѣтѣ. Въ немъ не видно было селадона. Въ «Пустодомахъ» того же автора и тоже въ роли князя Мочаловъ бывалъ иногда неподражаемо хорошъ, удивляя и восхищая натурой, правдой, простотой, тонкостью въ малѣйшихъ изгибахъ, въ малѣйшихъ оттѣнкахъ человѣческой рѣчи, человѣческихъ ощущеній; и въ той же роли Мочаловъ бывалъ иногда невыносимо дурень ^{40—41}).

Объ исполненіи Мочаловымъ роли Волкова въ комедіи Шаховскаго «Ө. Г. Волковъ или День рожденія русскаго театра» есть короткій отзывъ Бѣлинскаго. Онъ говоритъ: «Мы не узнали Мочалова въ роли Ө. Г. Вол-

^{36—39}) Аксаковъ, стр. 94, 95, 100 — 102.—«Московскій Вѣстникъ», 1828, № 19 — 20, «Драматическое прибавленіе», № VII—VIII.—«Московскій Телеграфъ», 1830, № 9, май.—«Записки П. А. Каратыгина». Спб. 1880. Стр. 169.

^{40—41}) «Московскій Вѣстникъ», 1828, «Драматическое прибавленіе», №№ VI, VII и VIII.—Аксаковъ, стр. 128, 131.

кова. Жестикуляція его была напряженная, сильная до излишества, но одушевленія не было». А за десять лѣтъ передъ тѣмъ Аксаковъ писалъ: «Мочаловъ въ роли Волкова, кромѣ непріятныхъ тѣлодвиженій и неумѣстныхъ вскрикиваній, былъ превосходенъ. Говоря же о ботицѣ Петра и отвѣчая на вопросъ отчима: о чемъ онъ задумался,—Мочаловъ достигъ неподражаемаго совершенства» ^{42—43}).

Въ «Севильскомъ цирюльникѣ», въ роли Альмавивы, Мочаловъ, по отзыву критика, «игралъ слабо, безъ искусства» ⁴⁴).

Изъ двухъ классическихъ русскихъ комедій—«Горе отъ ума» и «Ревизора»—Мочаловъ игралъ только въ первой, роль Чацкаго, которая ему не удалась. По отзыву современной критики, «Мочаловъ, казалось, рожденный для роли Чацкаго, выполнилъ ее очень неудовлетворительно. Онъ представлялъ не свѣтскаго человѣка, отличнаго отъ другихъ только своимъ взглядомъ на предметы, а чудака, мизантропа, который даже говоритъ иначе, нежели другіе, и прямо идетъ на ссору съ первымъ встрѣчнымъ, тогда какъ у Грибоѣдова онъ невольно ссорится со всѣми, ибо не можетъ удержать кипѣнія души, пылкой, благородной и не гармонирующей со встрѣчными душами».

Въ одномъ изъ воспоминаній современника отмѣчается, что Мочаловъ былъ очень хорошъ въ 4-мъ актѣ комедіи, «несмотря на всю свою неуклюжесть во фракѣ». Другой современникъ выразился въ своемъ дневникѣ очень рѣзко объ игрѣ Мочалова въ роли Чацкаго: «Мочаловъ представлялъ какого-то трактирнаго лакея, и когда онъ сказалъ послѣднія слова своей роли: карету, мнѣ карету!—то раздался сильный аплодисментъ, по которому публика какъ бы желала скорого его отъѣзда». Но этотъ отзывъ былъ, во первыхъ, писанъ «для себя», а, во вторыхъ, авторъ его, инспекторъ репертуара Петербургскаго театра, А. И. Храповицкій, былъ очень не авторитетнымъ судьей, да и писалъ онъ во время гастролей Мочалова въ Петербургѣ, который вообще принялъ артиста сурово.

Но, во всякомъ случаѣ, Мочаловъ въ Чацкомъ не поддержалъ свою славу. Слѣдующій отзывъ даетъ еще больше возможности судить, въ чемъ заключались недостатки Мочалова въ исполненіи этой роли: «Эта роль по его таланту и средствамъ»,—говоритъ критикъ.—«Нельзя сказать, чтобы Мочаловъ не понималъ ее, однако, она исполняется имъ весьма неудачно»...

^{42—43}) Бѣлинскій, II, 617.—«Галатея», 1829, № 5.

⁴⁴) «Галатея», 1829, № 3.

«Тамъ, гдѣ юморизмъ Чацкаго переходитъ въ страстное одушевленіе, Мочаловъ очень хорошъ, мѣстами даже прекрасенъ. Но гдѣ ему должно быть спокойнѣе и обливаетъ свои остроты холодной желчью, тамъ онъ рѣшительно дуренъ. Сбиваясь постоянно на тривіальность, онъ представляетъ изъ себя трезваго Репетилова. Не обременяемъ уже его бесполезными требованіями ловкости и развязности, свойственной свѣтскому образованному человѣку; но не можемъ не пожаловаться, что въ роли Чацкаго онъ какъ будто нарочно уволилъ себя отъ всѣхъ приличій, предписываемыхъ людскостью. Хлопать себя по ногамъ, закидывать назадъ голову и, наконецъ, такъ небрежно разваливаться на креслахъ—нестерпимо! Замѣтимъ также, что и костюмъ его на вечерѣ былъ не очень приличенъ» ^{45—48}).

Относительно исполненія Мочаловымъ роли Чацкаго очень любопытны воспоминанія одного изъ современниковъ ⁴⁹). Въ разговорѣ съ артисткой Львовой-Синецкой, изъ котораго здѣсь приводятся лишь слова Мочалова, трагикъ утверждалъ, что ни за одну изъ своихъ ролей такъ не боялся, какъ за роль Чацкаго. «Вотъ, напримѣръ, съ самаго перваго дѣйствія я чувствую себя не въ своемъ амплуа, не на своемъ мѣстѣ. Эта развязность Чацкаго и игривая болтовня, смѣхъ, его язвительные сарказмы, блестящіе остротой, съ неподдѣльными веселостью и шуткой — да я никогда подобныхъ ролей не игралъ и не умѣю играть. Второе-то дѣйствіе особенно ставитъ меня въ тупикъ. Ну, какъ эта тирада: «А судьи кто?»—втянетъ меня въ трагическій тонъ? Тоже и въ остальныхъ дѣйствіяхъ, особенно въ 4-мъ, гдѣ Чацкій, какъ угорѣлый, мечется съ ругательствами на все и на всѣхъ; я съ своими трагическими замашками могу исказить безсмертное твореніе Грибоѣдова».

Тотъ же современникъ передаетъ свои личныя наблюденія относительно исполненія Мочаловымъ роли Чацкаго. Во второмъ дѣйствіи, въ разговорѣ съ Фамусовымъ, почти всѣ Чацкіе вскакивали съ мѣста, становились въ торжественную позу и кончали крикомъ: «Поютъ все пѣснь одну и ту же». Мочаловъ, напротивъ, раздосадованный неумѣстными похвалами Фамусова, всѣ ядовитыя свои выраженія дѣлаетъ хладнокровно, съ ироніей и затаенной злобой и желчью... И только разъ, увлекшись идеей о наукѣ и вообще объ образованности, съ искреннимъ чувствомъ говоритъ: «Теперь пускай одинъ

^{45—48}) «Московскій Телеграфъ», 1831, № 5, мартъ, стр. 130.—«Антрактъ», 1865, № 100, «Замѣтки о Московскомъ театрѣ 40-хъ годовъ».—«Русская Старина», 1879, № 2, «Дневникъ А. И. Храповицкаго», стр. 345.—«Телескопъ», 1831, ч. 5, кн. 5, № 20, стр. 593—594.

⁴⁹) Н. И. Куликовъ. Воспоминанія («Искусство», 1883, № 8).

изъ насъ» и проч. Но, видя передъ собою непонимающихъ и несочувствующихъ его увлеченію господъ, онъ съ прежней насмѣшкой кончаетъ: «Они тотчасъ разбой! Пожаръ! И прослывешь у нихъ мечтателемъ опаснымъ». Въ третьемъ дѣйствіи разговоръ съ Молчалинымъ замѣчателенъ по игрѣ лица и не скрываемому презрѣнію въ острыхъ, нѣсколько рѣзкихъ, но умныхъ отвѣтахъ, такъ что зритель вполне увѣренъ въ успокоеніи ревности Чацкаго, кончающаго весело:

Съ такими чувствами, съ такой душою!

Любимъ! Обманщица смѣялась надо мною!

Въ томъ же дѣйствіи, на вопросъ Софьи: «Что васъ такъ гнѣвить?» — Мочаловъ откровенно, какъ съ любимой дѣвушкой, не стѣсняясь, порядочно отдѣлываетъ свѣтское общество за страсть ко всему французскому и за презрѣніе къ родному. И все это высказано натурально и прекрасно. Въ четвертомъ же дѣйствіи всѣ почти Чацкіе, какъ опытные актеры, съ расчетомъ начинали и кончали послѣдній монологъ сперва слабо, сдержанно, потомъ все сильнѣе и сильнѣе, наконецъ, послѣднія слова произносили трагическимъ тономъ, стуча себя въ грудь:

Вонъ изъ Москвы! Сюда я больше не ѣздохъ!

Бѣгу, не оглянусь, пойду искать по свѣту,

Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ!...

и затѣмъ бѣжали черезъ всю сцену, крича: «Кар...рр...рету мнѣ! Карр...рету!» Мочаловъ же вотъ какъ обдумалъ, расположилъ и велъ эту послѣднюю сцену. Пораженный происшедшимъ передъ его глазами, онъ съ замѣтнымъ недоумѣніемъ на лицѣ говоритъ: «Не образумлюсь»; потомъ, какъ провинившейся школьницѣ, отечески или дружески выговариваетъ:

А вы кого себя избрали...

Когда подумаю, кого мнѣ предпочли... и проч.

Но, полагая, что ее не исправишь, начинаетъ, какъ повѣса или вѣтренная подруга, фамиллярно поощрять подругу:

Вы помиритеcь съ нимъ... и проч.

Подумайте: всегда вы можете его

Беречь и пеленать (*серьезно*) и посылать за дѣломъ... и проч.

Затѣмъ обращается къ Фамусову съ торжественнымъ упрекомъ, какъ власть имѣющій: «А вы, сударь, отецъ»... и проч. Наконецъ, вспомнивъ объ оскорбившемъ его обществѣ, послѣ словъ: «Не худо бъ было излить всю желчь и всю досаду» и т. д., начинаетъ просто ругаться, громко, скорорѣчисто,

пересчитывая толпу мучителей, враговъ, сплетниковъ, нескладныхъ умниковъ, зловѣщихъ старухъ, вздорныхъ стариковъ и кончая также сильно словами:

Вонъ изъ Москвы! Сюда я больше не ѣздки!

Бѣгу, не оглянусь!..—

вдругъ перемѣняетъ тонъ; затѣмъ, взглянувъ на Софью съ упрекомъ любви, говоритъ:

Пойду искать по свѣту,

Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ...

и идетъ, причемъ стоящему у дверей швейцару просто и спокойно приказываетъ: «Карету мнѣ, карету!» Несмотря на такое пренебреженіе эффектомъ, интеллигентная московская публика умѣла цѣнить умную и обдуманную игру артиста; да и Государь Николай Павловичъ, вообще чрезвычайно довольный исполненіемъ комедіи Грибоѣдова на Московской сценѣ, особенно отличалъ Мочалова, говоря: «Въ Петербургѣ Чацкій гораздо хуже!»

Эти наблюденія надъ исполненіемъ Мочаловымъ роли Чацкаго указываютъ на то, что артистъ и задумывался, и работалъ надъ сценическими воспроизведеніями характеровъ. Вообще же комедія не была его областью, и его слова, приведенныя выше, ясно рисуютъ причины этого.

VI.

Роли П. М. Мочалова въ псевдо-классической трагедіи, сентиментальной и романтической драмѣ.

О роляхъ Мочалова въ псевдо-классической трагедіи сохранилось мало отзывовъ и воспоминаній. Игру его въ этихъ пьесахъ называютъ «пламенной». Въ изображеніе ходульных фигуръ онъ вносилъ такъ сравнительно много простоты и жизненности, что современники, привыкшіе къ напыщеннымъ героямъ, съ удивленіемъ смотрѣли на исполненіе молодого артиста, пока онъ силою чувства и страсти не покорялъ ихъ своему обаянію. Онъ жилъ даже въ нѣмыхъ сценахъ, что было совѣмъ новостью для трагедіи того времени. Такъ, у него поразительною выходила нѣмая сцена, когда Полиникъ, замирая въ извѣстной позѣ, выслушиваетъ проклятія Эдипа.

Сентиментальная и романтическая драма стоитъ на первомъ мѣстѣ въ репертуарѣ Мочалова по количеству ролей. Изъ многочисленныхъ пьесъ Коцебу Мочаловъ особенно прославился въ драмѣ «Ненависть къ людямъ и раскаяніе». Роль Мейнау въ этой пьесѣ была одна изъ тѣхъ немногихъ, которыя онъ исполнялъ всегда болѣе или менѣе ровно и одинаково; и самъ

онъ такъ любилъ эту роль, что, какъ рассказываютъ, завѣщалъ положить себя въ гробъ въ костюмѣ Мейнау ⁵⁰⁾.

Какъ и вообще въ мелодрамахъ, а въ особенности въ этой, успѣхъ Мочалова зависѣлъ отъ того, что въ его изображеніи исчезали совершенно неестественность, пошлость, слащавость мелодраматическихъ героевъ, прини-
мавшихъ человѣческій образъ. «Пошлый Мейнау выросталъ у него въ лицо, полное почти Байроновской меланхоліи», — говоритъ Аполлонъ Григорьевъ. Мочаловъ игралъ роль мужа, обманутаго и покинутаго женою, которую онъ страстно любилъ. Въ роли мало эффектныхъ сторонъ, да онѣ, — замѣчаетъ современникъ, — и не нужны были Мочалову. Сосредоточенное горе, оскорбленное самолюбіе, душевная тоска, — все это передавалось не только его чуднымъ голосомъ и выраженіемъ лица, но даже походкой, — все было просто и глубоко трогательно. Особенно хорошъ былъ Мочаловъ въ первомъ и послѣднемъ актахъ. Въ первомъ актѣ, сидя на аванъ-сценѣ, молча, онъ слушаетъ, какъ старикъ рассказываетъ слугѣ про сына Мейнау. Выслушавъ рассказъ, Мочаловъ отдавалъ книгу слугѣ, и, когда тотъ уходилъ, оглядывалъ сцену, быстрыми шагами подходилъ къ старику, отдавалъ ему кошелекъ съ золотомъ и самъ поспѣшно скрывался. Въ послѣднемъ актѣ лучшей сценой была встрѣча съ другомъ и рассказъ о постигшемъ его несчастіи. Монологъ въ нѣсколько страницъ онъ передавалъ гениально. Онъ не возвышалъ голоса, не прибѣгалъ къ жестамъ, но каждое его слово тяжело падало на сердце слушателя, и мертвая тишина водворялась въ зрительномъ залѣ. Начиналъ онъ свой рассказъ спокойно и какъ бы равнодушно, но потомъ мало по малу поддавался охватывающему его чувству, которое сообщалось зрителямъ. Съ каждымъ словомъ сильнѣе и сильнѣе двигалъ онъ ихъ сердца изображеніемъ накопившейся душевной горечи и, наконецъ, не могъ удержать слезъ, — этихъ «нежданныхъ, давно не бывалыхъ своихъ знакомцевъ». Къ концу рассказа и на глазахъ зрителей, и на глазахъ актеровъ появлялись неуправляемыя слезы, и въ театрѣ слышались женскія рыданія. Выслушавъ рассказъ Мейнау, другъ уговариваетъ его пови-
даться съ женою. Мейнау сначала упорствуетъ, затѣмъ колеблется и, наконецъ, соглашается на это. Другъ уходитъ за женою, а Мейнау остается. Проходитъ болѣе минуты, Мочаловъ одинъ на сценѣ. Онъ молчитъ, блѣднѣетъ, волосы поднимаются у него на головѣ; онъ едва стоитъ и, слышавъ шаги жены, шатается и что-то шепчетъ, какъ-будто молитвы. Жена приходитъ и гово-

⁵⁰⁾ Извѣстный портретъ Мочалова, съ скрещенными на груди руками, снятый съ него въ этой роли художникомъ В. Каракалниковымъ, въ 1837 году, приложенъ къ этой статьѣ.

рить: «Мейнау!» При звукѣ любимаго голоса, въ немъ происходитъ страшная борьба, онъ медлитъ отвѣчать. Наконецъ, у него вырывается: «Что вамъ угодно, сударыня?» Это былъ какъ-будто не его голосъ. Когда жена умоляетъ его не говорить ей «вы», у него вылеталъ изъ груди вздохъ, слышимый всѣмъ театромъ. И снова передъ зрителями стоялъ прежній убитый горемъ Мейнау, спрашивавшій жену: «Что тебѣ надобно, Эйлалія?»... Сцена благороднаго порыва мужа, растроганнаго и прощающаго свою жену, проходила прекрасно ^{51—55}).

Необычайно сильное впечатлѣніе оставляла игра Мочалова во французской мелодрамѣ «Тридцать лѣтъ или Жизнь игрока», въ роли Альфреда Жермани. Мочаловъ держалъ всѣхъ въ постоянномъ нервномъ настроеніи, и нервныя дамы выходили изъ ложъ въ корридоры при потрясающихъ сценахъ. Въ концѣ второго акта онъ проявлялъ смѣлость, которая иногда овладѣвала имъ въ минуты воодушевленія, доходя, по выраженію одного изъ современниковъ, до дерзости. Здѣсь, послѣ выстрѣла, онъ пробѣгалъ всю сцену задомъ, какъ бы отступая отъ трупa. Въ третьемъ актѣ игрокъ, окончательно раззорившись, живетъ среди горъ, въ какихъ-то развалинахъ. Нищета сдѣлала его преступникомъ: онъ убилъ путника, ограбилъ его и воротился домой къ женѣ и малюткѣ-дочери. Дочь, подавая ему пить, замѣтила, что у него рукава въ крови. Надобно было видѣть лицо Мочалова, чтобы судить о его душевномъ состояніи въ этотъ моментъ. Онъ былъ ужасенъ. Бормоча: «Кровь! Кровь!», онъ судорожно обтиралъ рукава, а самъ, блѣдный, съ искаженнымъ лицомъ, улыбался какою-то страшной улыбкой. Петербургскій трагикъ Каратыгинъ игралъ эту сцену иначе. При словахъ дочери, онъ, для вящаго эффекта, падалъ на колѣни, забывъ, что чловѣку, укравшему ожерелье, заслужившему отцовское проклятіе, проигравшему все имущество своей жены и убившему изъ ревности друга дома, преступленіе не въ диковинку ^{56—59}).

Такое же сильное впечатлѣніе производилъ Мочаловъ и въ другой французской мелодрамѣ—«Графиня Кларъ д'Обервиль». Онъ игралъ здѣсь мужа,

^{51—55}) *Галаховъ*, стр. 191, 194.—*Кублицкій*, стр. 486. — *А. Григорьевъ*. «Великій трагикъ» («Русское Слово», 1859, № 1, смѣсь, стр. 19).—*Шумилова*, стр. 472. — *С. Соловьевъ*. «Изъ памятной книжки оставнаго режиссера» («Антрактъ», 1865, № 50, и «Ежегодникъ Императорскихъ театровъ», сезонъ 1895—1896 гг., приложенія кн. 1-я, стр. 119).

^{56—59}) *Костенецкій*, 117.—*Кублицкій*, 492.—*Галаховъ*, 191, 194.—«Московскій Вѣстникъ», 1830, № 1.

графа д'Обервиля, страстно любящего жену и отравляемого невидимой рукой. Въ немъ закрадывается подозрѣніе, что преступленіе совершаетъ его жена. Чудовищная мысль мучаетъ его. Драма довольно растянутая, и первыя дѣйствія проходятъ вяло, но послѣднее даетъ богатый матеріалъ исполнителю роли мужа. Въ одномъ изъ воспоминаній встрѣчается сравненіе игры Мочалова съ игрою въ этой роли извѣстнаго актера Фредерика Леметра, для котораго была написана и самая пьеса. Первыя три дѣйствія Леметръ велъ лучше нашего трагика, но лишь только сомнѣніе западаетъ въ душу мужа и наступаетъ нравственная борьба, Мочаловъ начиналъ выростать. Изъ груди его вылетало нѣсколько стонувъ, которыхъ не было у Леметра; постепенное ослабленіе и упадокъ силъ передавались Мочаловымъ и ярче, и трогательнѣе. Послѣдняя сцена отличалась поразительной красотой и увлекала зрителей до самозабвенія. Умирающій графъ, продолжая подозрѣвать жену, хочетъ, однако, оградить ее отъ наказанія суда. Старый, разбитый, онъ едва доходитъ до письменнаго стола и садится писать письмо, въ которомъ долженъ сказать, что онъ отравился самъ отъ разстройства своихъ дѣлъ. Передъ нимъ стоитъ зеркало. Нѣсколько минутъ д'Обервиль сидитъ въ задумчивости, какъ будто собираясь съ мыслями... И вдругъ глаза его случайно падаютъ на зеркало и онъ видитъ, какъ стоящій сзади его родственникъ и другъ подливаетъ ему въ лекарство ядъ. Онъ не вѣритъ тому, что видитъ, онъ сомнѣвается, колеблется, наконецъ, убѣждается въ страшной истинѣ, дрожитъ, блѣднѣетъ и становится бѣлѣ полотна. На лицѣ его вдругъ появляются и ужасъ отъ присутствія убійцы, и радость отъ дѣйствительной невинности жены. Съ страшною, почти сверхъестественною силой поднимается онъ съ кресла во весь ростъ и опирается руками на столъ. Въ рукахъ его судорожно замираетъ все, что попадаетъ на столъ. Онъ пристальнѣе смотритъ въ зеркало, потомъ высоко поднимаетъ надъ головою руки и мгновенно поварачивается къ убійцѣ. Глаза ихъ встрѣчаются... Надо было видѣть этотъ взглядъ... Убійца роняетъ стаканъ и спасается бѣгствомъ. Страшный крикъ вырывается изъ груди графа. Сбѣжавшимся домашнимъ д'Обервиль приказываетъ стать на колѣни передъ женою и умираетъ покойно, избавившись отъ тяготившихъ его сомнѣній.

Современники, вспоминая объ исполненіи Мочаловымъ этой роли, отказываются изобразить всю силу охватывавшихъ ихъ впечатлѣній. Зрители переживали тяжелыя минуты вмѣстѣ съ артистомъ, блѣднѣли и приподымались съ мѣстъ, будто пораженные электрическимъ токомъ ^{60—63}).

^{60—63}) С. Соловьевъ, «Антрактъ», 1865, № 68.—Кублицкій, 492.—Н. Вильде. «Изъ моихъ

Историческо-патріотическія драмы Кукольника, Полевого и другихъ авторовъ проходили почти всѣ съ участіемъ Мочалова. Изъ героевъ этихъ драмъ, не всегда отличавшихся жизненнымъ правдоподобіемъ, Мочаловъ творилъ живыхъ людей. Что онъ сдѣлалъ изъ Ляпунова въ «Скопинъ-Шуйскомъ»?—спрашиваетъ Аполлонъ Григорьевъ, и отвѣчаетъ: «Онъ уловилъ единственную поэтическую струю этого дикаго господина,—я говорю о Ляпуновѣ драмы, а не о великомъ историческомъ Прокопѣ Петровичѣ Ляпуновѣ,—онъ поймалъ одну ноту и на ней основалъ свою роль. Эта нота—стихъ: «До смерти мучься... мучься послѣ смерти!» Ну, и вышелъ поэтический образъ, о которомъ, вѣроятно, и не мечталось драмъ, разсчитывавшей совсѣмъ на другіе эффекты».

Современникъ, видѣвшій въ этой роли и Мочалова, и Каратыгина, замѣчаетъ, что петербургскій артистъ игралъ хорошо, т. е. эффектно, но холодно, безъ увлеченія; особенно вредилъ ему тембръ голоса, какъ бы надорваннаго, словно выходившаго изъ пустой бочки. Мочаловъ игралъ не эффектно, но производилъ глубокое впечатлѣніе въ нѣкоторыхъ сценахъ роли. Вотъ двѣ замѣтки объ этомъ очевидцевъ.

Монологъ, въ которомъ выражалось колебаніе патріота, неизвѣстность, чѣмъ кончится задуманный имъ планъ—успѣхомъ или неудачей, торжествомъ или паденіемъ отечества, онъ произносилъ мастерски. Но главный, потрясающій эффектъ произвела сцена съ докторомъ, у постели отравленнаго князя. Весь ходъ душевныхъ ощущеній Ляпунова, начиная съ подозрѣнія въ въ отравѣ и кончая увѣренностью въ справедливости подозрѣнія, развивался съ удивительной естественностью. Робкое появленіе врача, вопросы ему, на которые тотъ отвѣчалъ неудовлетворительно, его смущеніе, гнѣвъ, закипѣвшій въ груди Ляпунова—все это ведено было съ удивительнымъ искусствомъ и энергіей. Видно было, какъ докторъ болѣе и болѣе робѣлъ, готовый признаться въ преступленіи и какъ Ляпуновъ болѣе и болѣе приходилъ въ ярость: онъ задыхался отъ душившихъ его ощущеній, онъ не давалъ времени сознаться преступнику; какъ тигръ, не выпускалъ онъ своей добычи, а тащилъ ее, трепещущую, къ окну, изъ котораго и выбросилъ на расправу яростной толпѣ, закричавшей: «Любо! Любо!» Этому страшному крику вторилъ радостный, но столь же страшный хохотъ мстителя,—тотъ хохотъ, которымъ могъ потрясать зрителей только Мочаловъ. Всѣ были поражены силою трагическаго представленія.

записокъ» («Московскій Листокъ», 1888, 20-е декабря).— «Недѣля», 1878, № 8, стр. 269, ст. «Изъ текущей жизни».

Иную картину спектакля рисуетъ намъ другой современникъ въ критическомъ отзывѣ о гастрояхъ Мочалова въ Харьковѣ. Орывки изъ этой статьи мы приводимъ дословно: «Занавѣсъ открытъ. Гдѣ же Ляпуновъ, гдѣ Мочаловъ? А вонъ лежитъ въ сторонѣ, подъ этимъ деревомъ, въ красной рубашкѣ, синихъ шароварахъ и красныхъ сапогахъ. Мочаловъ всталъ, началъ говорить, потомъ шептать, потомъ кричать, дальше—сбросилъ съ себя сапоги, надѣлъ на шею веревку, замахалъ руками и ушелъ со сцены. Захлопали въ ладоши, и занавѣсъ закрылся. Это первое дѣйствіе». Жалость, грусть, тоска овладѣли критикомъ. «Что это такое? Ростъ маленькій, станъ неловкій, голосъ слабый, жесты странные, нерѣдко смѣшные... Боже мой, Боже! неужели это Мочаловъ? неужели онъ? Мнѣ говорятъ: погодите, разыграется. Да гдѣ же ему разыграться, когда онъ въ лучшихъ мѣстахъ роли былъ просто уродливъ. Надѣлъ на себя этотъ несчастный войлочный шлемъ и ходитъ, взявшись за бока?»... «Вотъ второе дѣйствіе проходитъ, и третье протягивается... Нѣтъ ничего! Конечно, два-три слова, иногда жестъ, иногда движеніе бровей на что-то намекаютъ великое... Но это молніи, которыя потухаютъ мгновенно и послѣ которыхъ становится еще темнѣе. Въ четвертомъ дѣйствіи, во всей сценѣ съ умирающимъ Михаиломъ Скопинымъ, Мочаловъ былъ хорошъ, и очень часто превосходенъ. Раздались тысячи рукоплесканій, всеобщихъ, согласныхъ, звонкихъ. Это былъ первый единодушный, трепетный восторгъ, пробѣжавшій электрическою искрой по сердцамъ всѣхъ зрителей. И у меня вспыхнула душа. Да и какъ ей не вспыхнуть? Мы всѣ русскіе, а Мочаловъ такъ хорошо, такъ вѣрно выразилъ эту прямодушную, горячую любовь русскаго сердца, эту крѣпкую привязанность къ доблестному князю, эту благодарную память за его добро... И какъ выросъ Мочаловъ, какъ перемѣнился, какая величественная осанка, какой взглядъ, голосъ, и это горестное, убійственное выраженіе лица!... Михаилъ умираетъ... Посмотрите, съ какимъ страшнымъ томленіемъ припалъ Мочаловъ къ одру его, и на своей широкой, мощной груди хочетъ согрѣть охладѣвающіе останки друга... Но вотъ... тихо—нѣтъ дыханія... «Умеръ»,—говоритъ онъ, и театръ замираетъ. Мочаловъ бѣжитъ къ окну, зоветъ, кричитъ... Напрасно!... «Онъ умеръ, а имъ какъ-будто и дѣла нѣтъ!»—И какъ сказалъ онъ эти слова, какой трескъ и гулъ раздался по всему театру!... Это было лучшее мѣсто во всей роли Мочалова. Послѣ, въ сценѣ съ лекаремъ, онъ упалъ, сталъ кричать, махать руками, бить себя въ грудь и проч... И ужъ ни въ этомъ, ни въ послѣднемъ дѣйствіи не подымался» ^{64—67}).

^{64—67}) «Литературныя прибавленія къ Русскому Ивалиду», 1839, № 25.—А. Григорьевъ.

Это описаніе спектакля и впечатлѣній противорѣчитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ первой замѣткѣ современника о той же роли. Въ этомъ, однако, нѣтъ ничего удивительнаго: мы уже знаемъ, что Мочаловъ одну и ту же роль въ разные спектакли игралъ различно.

Харьковскій критикъ въ своей большой статьѣ, посвященной девяти гастрольнымъ спектаклямъ Мочалова, разбираетъ его игру во всѣхъ роляхъ и разбираетъ правдиво и искренно. Онъ возмущается недостатками игры прославленнаго артиста, но чуть подмѣтитъ «Мочаловскую» минуту,—приходитъ въ восторженное настроеніе. Онъ анализируетъ исполненіе Мочаловымъ ролей: Нино въ «Уголино», Гюго Бидермана въ драмѣ «Смерть или Честь» купца Иголкина, Отелло, Гамлета, капитана во «Фрегатѣ Надежда».

Что касается до мелодрамъ, теперь уже окончательно сошедшихъ со сцены, какъ «Уголино», «Смерть или Честь», «Фрегатъ Надежда» и другія, то описаніе игры въ нихъ Мочалова не представляетъ существеннаго интереса, и мы ограничимся приведенными образцами.

VII.

Роли П. С. Мочалова въ трагедіяхъ Шиллера: донъ Карлосъ, Карлъ Мооръ, Францъ Мооръ, Мортимеръ, Фердинандъ и Миллеръ.

Въ репертуарѣ классическихъ произведеній Шиллера и Шекспира у Мочалова былъ рядъ ролей. Въ трагедіяхъ Шиллера онъ игралъ роли: донъ Карлоса, Карла и Франца въ «Разбойникахъ», Фердинанда и Миллера въ трагедіи «Коварство и любовь» и Мортимера въ «Маріи Стюартъ». Изъ ролей Шекспировскаго репертуара Мочаловъ игралъ Отелло, Ричарда III, короля Лира, Гамлета, Ромео и Коріолана.

«Донъ Карлосъ», въ переводѣ Ободовскаго, былъ поставленъ въ бенефисъ Мочалова, 3-го января 1830 года. Современный критикъ даетъ самый неблагопріятный отзывъ объ игрѣ Мочалова. Роль донъ Карлоса, по мнѣнію критика, создана по формѣ таланта трагика: порывы страстей, бурные восторги любви, благородный пламень чувствъ — характеристика донъ Карлоса и Мочалова. Отъ его игры можно было ожидать совершенства, но ожиданія не оправдались. «Кромѣ обыкновенныхъ пороковъ игры его, — впрочемъ, неизвинительныхъ, т. е. недостатка благородства, бѣгання по сценѣ, хлопанья руками по бедрамъ»,—замѣчаетъ критикъ,—«онъ до того неровно

«Великій трагикъ», 19.—«Замѣтки о Московскомъ театрѣ 40-хъ годовъ» («Антрактъ», 1865, № 100).—Галаховъ, 196.

игралъ, что, казалось, въ одной и той же сценѣ говорили за донъ Карлоса разные люди. Онъ впадалъ въ такую тривіальность, что многія выходки можно было назвать истинно комическими. Откуда взялъ онъ это приторное нѣжничанье, это псалмопѣвное завываніе?» ⁶⁸⁾

Карлъ Мооръ въ изображеніи Мочалова былъ не всегда одинаковъ. Мочаловъ игралъ Карла «прекрасно», нѣкоторыя явленія игралъ «превосходно», — отмѣчаетъ критикъ, а въ одно изъ слѣдующихъ представленій признается съ сожалѣніемъ, что Мочаловъ и игралъ не хорошо, и рукоплесканія у нѣкоторыхъ зрителей исторгалъ именно своими погрѣшностями. «Первое дѣйствіе было играно съ огнемъ и разными выходками для райка, второе лучше, въ третьемъ и четвертомъ онъ уже не находилъ въ себѣ чувства и огня и замѣнялъ ихъ неумѣстнымъ крикомъ, усиливая слабыя мѣста».

Въ замѣткѣ другого критика читаемъ объ исполненіи той же роли Мочаловымъ въ иное время: «Игра его была увлекательна, проста и натуральна». Роль Карла не была вообще изъ лучшихъ у Мочалова, и хорошія сцены у него попадались мѣстами. Особенно удавалась ему сцена свиданія съ отцомъ. Когда къ нему товарищи его, разбойники, вынесли изъ подземелья башни дряхлаго и едва живого старика, — вспоминаетъ одинъ изъ очевидцевъ, — и онъ, обращаясь къ нимъ, сказалъ, указывая на старика: «Это отецъ мой!»—то въ театрѣ, среди мертвой тишины, послышался вдругъ невольный стонъ всей публики.

Объ этой сценѣ упоминаетъ и Бѣлинскій, разбирая игру Каратыгина и въ иныхъ случаяхъ сравнивая ее съ игрой Мочалова. Каратыгинъ такъ игралъ эту сцену: «Онъ стремительно обратился къ спящимъ разбойникамъ; это движеніе и выстрѣлъ изъ пистолета были сдѣланы грозно и благородно, а вопль: «Вставайте!» былъ превосходенъ. Но что же онъ сдѣлалъ потомъ, какъ произнесъ лучший монологъ въ драмѣ? Онъ отвелъ за руки на край сцены троихъ изъ главныхъ разбойниковъ и, обратившись къ одному и, помнится, сжавши ему руку, сказалъ: «Посмотрите, посмотрите: законы свѣта нарушены!»—къ другому: «Узы природы прерваны!»—къ третьему: «Сынъ убилъ отца!» Оно и дѣльно—всѣмъ сестрамъ по серьгамъ, чтобы ни одной не было завидно. Нѣтъ, не такъ произносить иногда этотъ монологъ г. Мочаловъ: въ его устахъ это — лава всеувлекающая, это черная туча, внезапно

⁶⁸⁾ «Московскій Вѣстникъ», 1830, № 2, ст. Аксакова.

разражающаяся громомъ и молніею, а не придуманныя заранѣе театральныя штучки» ^{69—73}).

Объ исполненіи Мочаловымъ ролей Франца Моора и Мортимера подробностей не записано.

Роли Фердинанда и Миллера считались лучшими въ его классическомъ репертуарѣ. Мочаловъ любилъ роль Фердинанда и исполнялъ ее съ большимъ чувствомъ и увлеченіемъ, хотя тоже не всегда. Объ одномъ изъ неудачныхъ спектаклей говоритъ Бѣлинскій. Отдавъ должное искусству Каратыгина въ этой роли, критикъ выражаетъ свое недовольство игрою Мочалова въ роли Фердинанда: «Мочаловъ вышелъ въ мундирѣ гарнизоннаго батальоннаго командира, въ мундирѣ, разстегнутомъ и который, сверхъ того, сидѣлъ на немъ мѣшокъ мѣшкомъ. Потомъ игра, Боже мой, какая игра!... Конечно, было мѣста два, да вѣдь эти два мѣста продолжались двѣ минуты, а мы сидѣли въ театрѣ слишкомъ три часа».

Еще строже отзывался о выходѣ Мочалова въ роли Фердинанда знакомый намъ харьковскій критикъ. По его словамъ, Мочаловъ былъ «безобразенъ, смѣшонъ, жалокъ», а его игра—«ужасная, ѣдкая пародія на Шиллера и на все драматическое».

Но вотъ иные спектакли—и инья впечатлѣнія. Русскому путешественнику ⁷⁴), увидавшему въ Берлинѣ плохого Фердинанда, вспоминается «прекрасный и чудный Фердинандъ, игра котораго глубоко запала въ душу». Вотъ передъ нимъ, «вмѣсто зятянутого, причесаннаго, приглаженнаго Фердинанда-франта, стоитъ другой: онъ небольшого роста, нѣсколько сутуловатъ, въ старомъ поношенномъ мундирѣ, съ выставленными воротничками, чуждый манерности, онъ даже нѣсколько неловокъ; но глаза, большіе, черные глаза горятъ огнемъ вдохновенія, густые волосы разсыпались мелкими кудрями, голосъ, гармоническій и сильный, то заставляетъ вздрагивать, то влечетъ къ себѣ какою-то невѣдомою силою... На прекрасномъ и оживленномъ лицѣ выражаются всѣ оттѣнки чувства и страсти».

А вотъ и еще нѣсколько юношескихъ впечатлѣній отъ Мочаловскаго Фердинанда. «Я помню»,—вспоминаетъ современникъ, ⁷⁵)—«какъ Мочаловъ исполнялъ роль Фердинанда въ порѣ своей молодости, искренній пылъ,

^{69—73}) «Галатей», 1829, №№ 7 и 20.—«Репертуаръ», 1841, XI, стр. 33.—«Антрактъ», 1865, № 100.—*Костенецкій*, 117.—*Бѣлинскій*, I, 517.

⁷⁴) Извѣстному театру М. Е. *Кублицкому*.

⁷⁵) *А. Д. Галаховъ*.

который обнаруживался и въ сценахъ нѣжной любви, и въ сценѣ отчаянной ревности. Мы, студенты, знали почти наизусть всю эту роль, особенно въ послѣднемъ актѣ, хотя пьеса давалась по вольному переводу Смирнова (родственника профессора Мерзлякова) и хотя переводчикъ, ради нравственнаго пуризма, выбросилъ много мѣщанскихъ, неблагородныхъ выраженій и придалъ языку трагедіи какой-то риторическій тонъ, близкій къ языку трагедій французскихъ. Какъ выразительно произнесъ трагикъ тираду, когда Луиза развернула брошенное имъ письмо, возбуждившее его ревность, и лишилась чувствъ: «Блѣдна, какъ смерть! Какъ она хороша въ этомъ состояніи! Какъ она теперь мнѣ нравится! Исчезъ тотъ румянецъ, который могъ бы обмануть самихъ ангеловъ. Вотъ настоящій ея образъ... Обниму ее!»—и съ этими словами бросается къ ней. Потомъ, съ какимъ чувствомъ боязни и надежды онъ допрашивалъ ее, она-ли писала письмо, зная, что отъ отвѣта зависитъ спасеніе или гибель обоихъ. И когда она, какъ правдивая дѣвушка, отвѣчала: «Я!»,—онъ не хотѣлъ вѣрить: «Не можетъ быть! Ты сказала это изъ боязни, отъ того, что я допрашивалъ тебя рѣзко... Это неправда... Если жъ это правда... то солги мнѣ»... Эти: «обойму ее», «солги мнѣ» до сихъ поръ мнѣ памяты, до сихъ поръ возбуждаютъ они въ моемъ сердцѣ прежнія юношескія впечатлѣнія» ^{76—81}).

Въ роли Миллера, въ той же трагедіи, у Мочалова также бывали неподражаемыя мѣста и поразительные моменты. Онъ исполнялъ эту роль, между прочимъ, и въ томъ спектаклѣ, когда Луизу играла его дочь, выступившая въ первый разъ на сценѣ. Объ этомъ спектаклѣ артистъ В. И. Живокини въ своихъ воспоминаніяхъ рассказываетъ: «Никогда не забыть мнѣ какъ мы для дочери Мочалова ставили «Коварство и любовь». Я игралъ маршала фонъ Кальба. Мы репетировали особнякомъ гдѣ-нибудь въ уборной. Послѣдняя сцена отравленія идетъ у насъ очень хорошо. Кончили мы, Мочаловъ говоритъ:

— Хорошо, хорошо. Я, однако, только боюсь, я помѣшаю.

— Какъ помѣшаете, чѣмъ же вы можете помѣшать?—спрашиваемъ мы.

— Да, пожалуй, мнѣ придется хорошо играть; я буду лучше всѣхъ.

Ну, и дѣйствительно помѣшалъ. Богъ его знаетъ, что сдѣлалъ онъ изъ этой роли. Другого такого Миллера не видалъ я, да и не увижу. Онъ, на-

^{76—81}) Соловьевъ, «Антрактъ», 1865, № 50.—Кублицкій, 486.—«Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду», 1839, № 25.—Бѣлинскій, III, 130.—М. Кублицкій). «Очерки европейскихъ театровъ». М. 1848. Стр. 18.—Галаховъ, 191, 195.

примѣръ, ругнулъ президента словомъ «ваше превосходительство» такъ, что, кажется, не сыщешь на нашемъ русскомъ языкѣ ни одного браннаго слова, которымъ можно было бы выругать такъ сильно» ⁸²⁾). Въ этомъ спектаклѣ Мочаловъ былъ особенно нервно настроенъ: онъ выводилъ передъ публикою свою единственную дочь. Вотъ какъ она сама описываетъ моментъ своего выхода. «Какъ только я показалась, громъ рукоплесканій оглушилъ залу театра. Отецъ былъ на сценѣ. По его словамъ, сердце замирало у него, когда онъ договаривалъ свою послѣднюю фразу женѣ, а самъ посматривалъ на дверь, изъ которой должна была показаться 16-ти-лѣтняя Луиза въ первый разъ передъ тысячною публикой. Наконецъ, онъ видитъ, что рукоплесканія не умолкаютъ, говорить мнѣ не даютъ. Весь дрожа отъ волненія, онъ подходитъ ко мнѣ быстрыми шагами, беретъ меня за руку и ведетъ на аванъ-сцену. Что тутъ произошло — не выразить словами. Я думала, что Большой театръ рушится. Многіе изъ публики плакали, и отецъ мой заплакалъ... И когда я начала говорить: «Здравствуйте, батюшка!» — послѣ такого волненія начала, конечно, тихо, — слышу отецъ мнѣ шепчетъ:

— Говори громче, иначе я уйду со сцены!

А когда онъ вышелъ за кулисы, то тамъ сказалъ всѣмъ участвовавшимъ:

— Сегодня я васъ всѣхъ погублю!

И погубилъ!» ^{83—84)}.

VIII.

Роли П. С. Мочалова въ трагедіяхъ Шекспира: Отелло, Лиръ, Ричардъ III, Ромео.

Мочаловъ началъ выступать въ трагедіяхъ Шекспира въ то еще время, когда творенія гениальнаго поэта давались въ переводахъ съ французскихъ передѣлокъ, искажавшихъ и обезсмысливавшихъ оригиналъ. Первою его ролью была роль Отелло. Мѣтъ черезъ пять послѣ перваго дебюта Мочалова критика уже отмѣчала игру молодого артиста въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Г. Мочаловъ имѣетъ прекрасныя способности для трагедіи и въ его волѣ достигать чашъ отъ часу совершенства. Публика видѣла въ немъ пламеннаго, дикаго, страшнаго Отелло, и общій голосъ увѣнчалъ его справедливыми похвалами».

Еще лѣтъ черезъ пять Аксаковъ писалъ въ критическомъ отзывѣ о

⁸²⁾ В. И. Живокини. Воспоминанія («Антрактъ», 1864, 26-го марта).

^{83—84)} Шушлова, стр. 478—479. — Живокини. Воспоминанія («Антрактъ», 1864).

той же роли: «...Мочаловъ игралъ прекрасно, характеръ въ цѣломъ былъ выраженъ вѣрно. Нѣтъ сомнѣнiя, что, обладая сильнѣйшими физическими средствами, онъ могъ бы выполнить его превосходнѣе». Сравнивъ затѣмъ игру артиста съ игрою въ той же роли Яковлева, Мочалова-отца и Брянскаго, критикъ останавливается на отдѣльных мѣстахъ исполненiя. «Въ 4-мъ дѣйствiи въ двухъ мѣстахъ Мочаловъ превзошелъ себя. Это было торжество *одного* таланта. Никакое искусство не можетъ достигнуть такой степени совершенства, съ какимъ онъ сказалъ, по прочтенiи письма: «О, вѣроломство!» Слова же: «О, крови, крови жажду я!»—были произнесены въ неистовствѣ самимъ Отелло». Давъ такой отзывъ, критикъ сейчасъ же дѣлаетъ оговорку, что говорить о спектаклѣ удачномъ, а это не всегда бывало.

Лѣтъ черезъ семь послѣ того у Бѣлинскаго читаемъ такой отзывъ объ игрѣ Мочалова въ «Отелло»: «Роль, какъ обыкновенно, была дурно выдержана, но за то было нѣсколько мѣстъ, отъ которыхъ всѣ предметы, всѣ идеи, весь мiръ и я самъ слились во что-то неопредѣленное и составили одно цѣлое и нераздѣльное, ибо я слышалъ какiе-то ужасные, вызванные со дна души, вопли и прочелъ въ нихъ страшную повѣсть любви, ревности, отчаянiя, и эти вопли еще и теперь раздаются въ душѣ моей. Я даже понималъ, отчего такъ дурно была выдержана цѣлость роли: давали «Отелло», какъ и всегда пошлой фабрики варвара Дюсиса, а г. Мочаловъ въ своей игрѣ живетъ жизнью автора, и тотчасъ умираетъ, какъ скоро умираетъ авторъ; чуть несообразность, чуть натяжка и онъ падаетъ».

Мочаловъ игралъ и «настоящаго» Отелло, послѣ того, какъ появился переводъ трагедiи. Но въ провинцiи онъ игралъ по Дюсису, за что харьковскiй критикъ винитъ артиста и негодуетъ. «Мочаловъ, Бога не боясь, вздумалъ насъ морить этою варварскою пьесой. Я не могъ совладѣть съ собою»,—пишетъ онъ,—«вовсе не смотрѣлъ на сцену, а когда въ четвертомъ дѣйствiи довелось нечаянно увидѣть въ игрѣ его что-то истинное громадное и страшное, я съ досадою потупилъ взоръ и не участвовалъ ни въ рукоплесканiяхъ, ни въ вызовѣ. Мнѣ было больно, что человѣкъ съ такимъ великимъ дарованiемъ актера, какъ Мочаловъ, унижаетъ себя старанiемъ дать человѣческiй образъ безпутнѣйшей изъ пьесъ».

Весною того же 1839 года, когда лѣтомъ Мочаловъ игралъ въ Харьковѣ, И. И. Панаевъ видѣлъ его въ Москвѣ, исполняющимъ ту же роль Отелло, и исполняющимъ плохо. Только въ сценѣ второго акта, когда Дездемона встрѣчаетъ Отелло на островѣ Кипрѣ, Мочаловъ обнаружилъ такую

искреннюю нѣжность, такую безконечность любви къ своей супругѣ, что по этой сценѣ можно было догадываться, какимъ бываетъ онъ въ лучшія вдохновенныя свои минуты на сценѣ. Голосъ его поражалъ своею симпатическою мягкостью, выраженіе лица глубокимъ и искреннимъ чувствомъ.

Сохранились сравненія между Мочаловымъ и двумя трагиками всемірной извѣстности, также исполнявшими роль Отелло. Эти сравненія, являющіяся пересказомъ пережитыхъ впечатлѣній, не даютъ возможности установить во всѣхъ подробностяхъ, какъ игралъ Мочаловъ Отелло, но они помогаютъ достигнуть этого до нѣкоторой степени. Первый трагикъ, о которомъ идетъ рѣчь—Ольриджъ, второй—Томазо Сальвини, оба пожинавшіе лавры и въ Россіи. Первое сравненіе принадлежитъ театралу и поклоннику Мочалова—Кублицкому, второе еще болѣе восторженному поклоннику—Аполлону Григорьеву.

Въ игрѣ Ольриджа пріятно поражала первая сцена, даже самый первый его выходъ. Онъ былъ рѣзокъ и даже нѣсколько ходуленъ. Герой возвращается съ побѣдой, но онъ счастливъ своею любовью. До его появленія на сценѣ другія дѣйствующія лица уже познакомили насъ съ характеромъ Отелло. Мы знаемъ, что онъ благороденъ, великодушенъ и простъ. Разсказъ въ сенатѣ, гдѣ его упрекаютъ въ колдовствѣ, отличался у Ольриджа какою-то торжественностью; онъ зналъ, что республика въ немъ нуждается, поэтому позволялъ себѣ повелительный тонъ и смѣлый жестъ. Повѣсть своей любви, въ сенатѣ, передъ лицомъ дожа, Мочаловъ передавалъ просто, скромно, но необыкновенно нѣжно. Задушевный голосъ и теплое чувство мирили съ похищеніемъ Дездемоны, и зрителю становилось ясно и понятно, за что и какъ эта скромная молодая дѣвушка полюбила пожилого, толстогубаго, чернокожаго мавра. «Дездемона слушала мои разсказы о моихъ приключеніяхъ, путешествіяхъ, опасностяхъ, и когда она узнала мою исторію, то открыла мнѣ свое сердце. Я сказалъ: она полюбила меня за опасности, перенесенныя мною; я полюбилъ ее за участіе, которое возбудили въ ней мои страданія. Вотъ все мое колдовство».

Отелло по натурѣ своей великодушенъ и довѣрчивъ; онъ любитъ, онъ любимъ, онъ счастливъ; и до тѣхъ поръ, пока ядъ ревности не пролитъ въ его сердце искусною рукою Яго, всѣ страстные порывы преждевременны. Но когда ревность охватила все существо мавра, онъ самъ чувствуетъ, что идетъ къ гибели. «О, теперь прости навсегда спокойствіе души моей! Прости самодовольствіе! Простите блестящіе строи и ты гордая война, превращающая

честолюбіе въ добродѣтель. О, простите навсегда, прости ржущій конь, и звукъ трубъ, и громъ барабана, пробуждающій мужество! Простите царственное знамя, величіе и торжественность благородной войны! И вы орудія смерти, въ которыхъ громовыя уста вопіють, какъ гласъ Бога безсмертнаго. Простите, простите: назначеніе Отелло совершилось!» Этотъ блестящій монологъ прощанія со всѣмъ, что до любви было дорого воинственной душѣ мавра, Мочаловъ читалъ съ грустнымъ отчаяніемъ, а Ольриджъ съ отчаяніемъ свирѣпымъ. Но оба производили большое впечатлѣніе. Сцену ревности оба знаменитые актера вели почти одинаково. Тяжелая сцена задушенія кроткой голубицы представлялась этими артистами нѣсколько различно: у русскаго актера было видно какое-то колебаніе, какая-то искра сожалѣнія; Ольриджъ душилъ Дездемону быстро и безжалостно. Минута эта у Ольриджа была страшна и производила рѣзкое впечатлѣніе.

У Григорьева мы не находимъ собственно сравненія исполненія извѣстныхъ сценъ обоими трагиками. Но общее впечатлѣніе отъ ихъ игры по силѣ и характеру было тождественно, и мы коснемся его при характеристикѣ Мочалова ^{85—91}).

Лиръ въ изображеніи Мочалова являлъ собою трогательный образъ. Игра Мочалова была большею частью выдержана во всей пьесѣ, а не блистала только отдѣльными мѣстами. Бѣлинскій, бывшій на второмъ представленіи «Лира», писалъ: «Въ игрѣ его видны были обдуманность, соображеніе,—словомъ, изученіе, искусство; но не было того пламеннаго одушевленія, которое составляетъ отличительный характеръ игры Мочалова. Такъ, напримѣръ, то мѣсто, гдѣ Лиръ, ударяя себя въ голову, говоритъ: «О, Лиръ! Лиръ! стучи въ эти ворота»—не произвело на насъ никакого дѣйствія. Несмотря на то, въ игрѣ была общность, цѣлость и отчетливость, что очень рѣдко бываетъ въ игрѣ Мочалова, и было нѣсколько мѣстъ истинно превосходныхъ. Самые пламенные почитатели таланта Каратыгина и противники таланта Мочалова единодушно отдали преимущество послѣднему передъ первымъ въ роли Лира». По рассказамъ современниковъ, въ первомъ дѣйствіи Каратыгинъ превосходилъ московскаго трагика величавостью своей фигуры и мастерствомъ костюмироваться; это былъ показной Лиръ. Но лишь только неблагодарность дѣтей начинаетъ смущать и раздражать слабого, но страстнаго и капризнаго

^{85—91}) «Московскій Вѣстникъ», 1828, «Драматическое прибавленіе», № 2.—«Вѣстникъ Европы», 1823, № 19.—Бѣлинскій, I, 515.—«Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду», 1839, № 26.—И. И. Панаевъ. «Литературныя воспоминанія». Спб. 1876. Стр. 211.—Кублицкій, 487.—А. Григорьевъ, 37.

короля, Мочаловъ начиналъ расти. Послѣ монолога проклятiя, который передавался Мочаловымъ съ крайнею раздражительностью, вы уже предчувствуете его помѣшательство: «Услышь меня природа! Возлюбленное божество, услышь меня! Если ты предназначала сдѣлать это созданiе плодотворнымъ, отмѣни все предназначенiе» и проч. Въ сценѣ, когда Корделiя сидитъ надъ своимъ больнымъ отцомъ, пробужденный поцѣлуями дочери, старый король призываетъ разсудокъ и память, чтобы узнать дочь; онъ боится ошибиться, признать мечту за дѣйствительность. Эта борьба отцовскаго инстинкта съ безумiемъ глубоко трогательна. Московскiй трагикъ передавалъ ее съ необыкновенною мягкостью и нѣжностью; онъ кидался предъ оскорбленной дочерью на колѣни, цѣловалъ ея глаза, сосалъ ея слезы».

Смерть Лира печальна и тягостна. Лишь только онъ приведенъ въ разсудокъ нѣжными попеченiями Корделiи, какъ лишается снова дочери; держа въ своихъ слабыхъ рукахъ ея трупъ, онъ вспоминаетъ, что у ней былъ тихiй голосъ, отгонявшiй отъ отцовскаго слуха докучливое нашептыванiе безумiя; онъ узнаетъ Регану и Гонерилью, въ отчаянiи лишившихъ себя жизни. Дуракъ, никогда не покидавшiй его, тоже умеръ. Вокругъ него все трупы. Нѣтъ жизни. «Собака живетъ, лошадь живетъ, крыса живетъ, а въ тебѣ нѣтъ дыханiя жизни: ты не будешь жить никогда, никогда! Разстегните мнѣ воротникъ! Душати!» Чтобы передавать подобные моменты, отъ актера требуется много чувства и много искусства. Мочаловъ въ этой сценѣ никогда не стоялъ ниже трудной задачи.

По другимъ воспоминанiямъ, сцена Лира надъ трупомъ Корделiи была превосходна. У Каратыгина эта сцена была сходна съ тѣмъ, какъ изображали ее Олриджъ и Самойловъ. Жизнь Лира пропала вмѣстѣ съ Корделiею. Послѣдняя вспышка силъ Лира была задушенiе того, кто повѣсилъ Корделiю, и затѣмъ уже почти умершiй являлся Лиръ на сцену съ трупомъ Корделiи; силъ уже у него не было, и онъ тихо умиралъ, устремивъ послѣднiй взглядъ на Корделiю. Мочаловъ исполнялъ иначе. Эта сцена была послѣднею вспышкою силъ Лира, и эта вспышка отчаянiя была страшная. Упреки Лира-Мочалова, что собака, кошка, мышь — живутъ, а она, его Корделiя, мертва, были ужасны и подымали у зрителя волосъ дыбомъ; и когда отчаянiе душило Лира-Мочалова, и онъ говорилъ страшнымъ задыхающимся отъ страданiя голосомъ: «Разстегните, разстегните!» — становилось жутко, и морозъ подиралъ по кожѣ ^{92—94}).

^{92—94}) Бѣлинскiй, III, 132.—Кублицкiй, 488.—«Антрактъ», 1865, №№ 98, 119.

Одною изъ лучшихъ ролей въ трагедіяхъ Шекспира была у Мочалова роль Ричарда III. Если бы, по выраженію современника, снять съ Мочалова портретъ въ любой изъ моментовъ этой роли и показать его не выдавшимъ трагика въ «Ричардѣ», то всякій бы сказалъ, что это—Ричардъ III. Особенно хорошо выходила сцена, когда Ричардъ соблазняетъ Анну у гроба короля Генриха. Надо было видѣть Мочалова, чтобы повѣрить возможности этой сцены. Только его голосъ, способный ко всѣмъ переживаниямъ и идущій прямо къ сердцу, могъ передать такъ увлекательно, такъ соблазнительно тѣ слова, которыми Ричардъ побуждаетъ Анну. И потомъ какая страшная перемена, когда онъ удаляется.

Григорьевъ рисуетъ такую картину этого момента: «Безобразный, какой-то полиняло-бланжевый костюмъ Мочалова, и декораціи, которыя такъ же могли представлять Парижъ, Флоренцію, даже Пекинъ, какъ и Лондонъ, и несчастнѣйшій Бокингемъ, выступающій гусинымъ шагомъ, и Клеренсъ, котораго, видимо, вытрезвляли цѣлыя сутки, и леди Анна такая, что лучше фигуры нельзя было бы желать для жены Гоголевскаго портного въ «Шинели»... И изъ-за всего этого вырисовывается мрачная, зловѣщая фигура хромого демона, съ судорожными движеніями, съ огненными глазами... Полиняло-бланжевый костюмъ исчезаетъ, малорослая фигура растетъ въ исполнскій образъ какого-то змѣя-удава. Именно змѣя: онъ, какъ змѣй-преlestитель, становился съ леди Анною; онъ магнетизировалъ ее своимъ фосфорически-ослѣпительнымъ взглядомъ и мелодическими тонами своего голоса».

Въ лицемѣрной сценѣ отказа принять корону у Мочалова была замѣчательна игра фizioноміи; у него въ этотъ моментъ было два лица: одно для представителей парламента, другое—для публики.

Такое же сильное впечатлѣніе производила послѣдняя сцена. Обставлена она была, какъ и вся пьеса, очень плохо. Поле битвы наполнялось десяткомъ статистовъ, которые очень дурно дрались старыми шпаженками. Все дѣлалось для того, чтобы отнять всякую иллюзію у зрителя и расхолодить его. Но лишь раздавался еще за сценой крикъ Ричарда: «Коня, коня, все царство за коня!»—все измѣнялось. Мочаловъ вбѣгалъ на сцену усталый, растерянный; правая рука крѣпко сжимала рукоятку меча; ноги его путались, какъ-будто шли по неровному полю. Онъ приносилъ съ собою всю бурю брани, весь ужасъ пораженія. Зритель чувствовалъ, что въ эту минуту королю дороже всего конь. Онъ утомленъ, онъ хромъ, армія его разбита; королю нужнѣ всего убѣжать съ поля битвы. На другой день онъ спосо-

бенъ отмстить за пораженіе десятками побѣдъ; но теперь ему нуженъ только конь. Зрителю невольно вѣрилось, что, будь только у Ричарда конь, онъ завоевалъ бы весь міръ.

Григорьевъ въ стихотвореніи, о которомъ рѣчь будетъ дальше, даетъ такой обликъ Ричарда-Мочалова:

..... Тиранъ-гіена и змѣя
Съ своей язвительной улыбкой,
Съ челомъ безстыднымъ, съ рѣчью гибкой,
И безобразный, и хромой,
Ричардъ—коварный, мрачный, злой.
Его я вижу съ леди Анной,
Когда, какъ рая древній змѣй,
Онъ тихо въ слухъ вливаетъ ей
Ядъ обаятельныхъ рѣчей
И самъ надъ сей удачей странной
Хохочетъ долго смѣхомъ злымъ,
Идя поговорить съ портнымъ.
Я помню сонъ и пробужденіе,
Блуждающій и дикій взглядъ,
Потъ на челѣ, въ чертахъ мученье,
Какое только знаетъ адъ,
И помню, какъ въ испугѣ дикомъ
Онъ леденилъ всего меня
Отчаянья послѣднимъ крикомъ:
«Коня, полъ царства за коня!» ^{95—100}

Роль Ромео Мочаловъ началъ исполнять уже въ зрѣломъ возрастѣ, выступивъ въ ней въ первый разъ для своего бенефиса, въ 1841 году. Это несоотвѣтствіе возраста было отчасти причиной, почему Мочаловъ не имѣлъ успѣха въ «Ромео». Къ тому же, близилась пора вообще упадка его артистическихъ силъ. Критикъ «Москвитянина», профессоръ Шевыревъ, обрушился на артиста безпощаднымъ отзывомъ, и объ исполненіи этой роли, и вообще. «Бенефициантъ въ роли Ромео»,—писалъ критикъ,—«былъ тѣмъ же, чѣмъ является онъ во всѣхъ своихъ роляхъ. У г. Мочалова есть теперь двѣ краски, которыми онъ берется на подрядъ выражать всѣ великія созданія Шекспира: Гамлета, Отелло, Ромео и проч. Эти краски на языкѣ сценическаго искусства

^{95—100}) «Антрактъ», 1865, № 98.— Григорьевъ, стр. 17.— Кублицкій, стр. 488.— Д. В. Аверкіевъ. «О драмѣ». Спб. 1893. Стр. 205.—А. Григорьевъ. «Искусство и правда» («Москвитянинъ»), 1854, № 3—4, февраль, книга 1-я и 2-я, смѣсь, стр. 76).

называются тихимъ голосомъ и крикомъ. Вотъ два орудія, которыми г. Мочаловъ сработаетъ любую трагическую роль. Обыкновенно начинаетъ онъ тихимъ голосомъ; цѣлыя сцены, иногда цѣлые акты передаетъ этой краской. Въ это время почти никогда нельзя понять ни одного стиха, выходящаго изъ устъ г. Мочалова. Онъ все говоритъ глухимъ, однообразнымъ голосомъ, иногда странно распѣвая. Тогда и та публика, которая любитъ г. Мочалова, бываетъ обыкновенно спокойна и какъ-будто утомлена его монотонной рѣчью. Но вдругъ неожиданно артистъ приходитъ въ бѣшенство, начинается крикъ, дрожаніе головы, уста расширяются, руки бьютъ по бедрамъ... Эти внезапные переходы электрически дѣйствуютъ на публику, которая любитъ г. Мочалова; она просыпается вмѣстѣ съ нимъ, и театръ оглашается рукоплесканіями. Рѣдко, рѣдко сквозь это монотонное, погребальное чтеніе или сквозь неистовые крики, поражающіе только неопытныхъ внезапностью перехода, выдаются немногіе стихи сказанные съ вѣрнымъ чувствомъ. Въ этихъ рѣдкихъ звукахъ отзывается душа артиста, тутъ мелькаютъ еще развалины врожденнаго таланта, испорченнаго пренебреженіемъ къ искусству. Такъ, врѣзался въ нашей памяти одинъ стихъ, сказанный съ необыкновенной вѣрностью чувства, когда кормилица принесла кольцо Юліи изгнанному Ромео:

Какъ оживилъ меня подарокъ этотъ!

Но куда вообще дѣвалась естественность г. Мочалова? Нѣтъ слова безъ гримасы, безъ ужимки, безъ какого-то страннаго повышенія и пониженія голоса противнаго природѣ... Иногда бросаются въ уши и ошибки противъ русскаго выговора: то вдругъ слышите вы «небосклонъ» съ удареніемъ на первомъ о, или «падлецъ» съ особеннымъ протяженіемъ на а. Что за Венволио, Монтегю, Ансельмъ, Валенціо? Что за смѣсь французскаго съ нижегородскимъ! Не худо бы актеру заботиться и о своемъ туалетѣ, особенно въ роли молодого красавца Ромео, который однимъ взглядомъ побѣдилъ сердце Юліи. Мы, смотря на наружность нашего Ромео, не постигали того чуда, какимъ Юлія могла въ него такъ скоро влюбиться».

Этотъ отзывъ былъ, конечно, отчасти продиктованъ тѣмъ предубѣжденіемъ противъ Мочалова, которое царило въ извѣстныхъ кружкахъ публики и журналистовъ. Но значительная доля истины заключалась въ этомъ критическомъ разборѣ. Когда лѣтъ черезъ двадцать пять возникла по поводу этой статьи полемика между двумя театрами современниками Мочалова, одинъ изъ нихъ, защищавшій трагика, и самъ сознавалъ, что въ игрѣ его были крупные недочеты. Первая ошибка Мочалова, тогда уже сорокалѣтняго,

состояла въ томъ, что онъ мало вниманія обратилъ на свою наружность,— его обычная погрѣшность. Началъ онъ свою игру монотонно и вяло. Затѣмъ, первый взглядъ на Джульетту, первый порывъ страсти передавались имъ съ рѣдкимъ совершенствомъ. Лицо его оживилось, грудь поднялась, глаза загорѣлись. Слова: «Творецъ, какъ сіяетъ она!» были произнесены и съ жаромъ молодости, и съ страстью юга. Послѣ этой сцены Мочаловъ опять падалъ до разговора съ Лоренцо. Впадая въ отчаяніе отъ разлуки съ возлюбленной и передавая о своихъ страданіяхъ монаху, Мочаловъ, взглянувъ на покойныя черты своего слушателя, съ необыкновеннымъ искусствомъ говорилъ: «Старикъ, ты не поймешь меня!» Также въ чисто Шекспировскомъ духѣ проходила сцена съ аптекаремъ; отличительной ея чертой была тонкая пронія, соединенная съ необыкновенною грустью. ^{101—103}).

IX.

Постановка на Московской сценѣ «Гамлета».

22-го января 1837 года на сценѣ Московскаго театра поставлена была въ первый разъ, въ бенефисъ Мочалова, трагедія Шекспира «Гамлетъ», переведенная Полевымъ. Это представленіе составило выдающееся событіе и въ исторіи русской сцены, и въ исторіи артистической дѣятельности Мочалова.

Отношеніе русской литературы къ произведеніямъ Шекспира даетъ, по замѣчанію одного изъ историковъ словесности, почетное свидѣтельство, какъ прирожденной намъ силѣ эстетическаго чувства, такъ и нашей способности серьезно понимать предметы художественнаго міра. А русская сцена всегда служила отраженіемъ интересовъ литературы, и потому появленіе на театрѣ твореній англійскаго поэта всегда слѣдовало за появленіемъ ихъ въ литературной обработкѣ. «Гамлетъ» былъ первой изъ трагедій Шекспира, съ которой познакомилась русская литература еще за восемь лѣтъ до учрежденія русскаго театра. Знакомство это было, однако, весьма отдаленное, такъ какъ «россійскій Расинъ»—Сумароковъ лишь «подражалъ» Шекспиру, и матеріалъ для своего подражанія заимствовалъ изъ французскихъ источниковъ. По его мнѣнію, навѣянному воззрѣніями Вольтера, въ Шекспирѣ было много «и хорошаго, и худого», а потому надо было обработать трагедію такъ, чтобы въ ней оста-

^{101—103}) *Кублицкій*, 489.—«Антрактъ», 1865, №№ 118, 121.—«Москвитянинъ», 1841, ч. I, кн. I, № 2, стр. 596.

лось лишь одно хорошее, т. е. сдѣлать изъ нея драму псевдо-классическаго образца. Гамлету придана одна страсть—любовь къ Офеліи. Завязка трагедіи—въ борьбѣ съ этой любовью и местию за смерть отца. Гамлетъ—воплощенная добродѣтель, которая борется съ порокомъ, олицетворяемымъ матерью Гамлета и Клавдіемъ. Съ самимъ собою въ немъ нѣтъ никакой борьбы. Тонъ трагедіи важный, соотвѣтствующій высокому положенію дѣйствующихъ лицъ, которымъ въ силу того же даны каждому наперсницы и наперсники. Фантастическій элементъ былъ совершенно отброшенъ, и духъ отца Гамлета замѣненъ сномъ, мечтой. «Гамлетъ» Сумарокова былъ представленъ еще кадетами на придворномъ театрѣ, въ 1750 году, а съ учрежденіемъ публичнаго русскаго театра вошелъ и въ его репертуаръ.

Слѣдующій «Гамлетъ» былъ передѣлкою Висковатова, поставленной на Петербургской сценѣ въ 1810 году. Эта передѣлка тоже, собственно говоря, представляла собою лишь далекое отъ подлинника подражаніе трагедіи Шекспира. Все было измѣнено и передѣлано, не исключая и положенія дѣйствующихъ лицъ. Такъ, напримѣръ, Гамлетъ являлся царствующимъ королемъ, всюду преслѣдуемымъ мечтой, т. е. тѣнью убитаго отца; Клавдій — его родственникомъ и главою заговора; Офелія — дочерью Клавдія. Конечъ также измѣненъ: Клавдій убиваетъ Гертрудю; Гамлетъ закалываетъ Клавдія, между тѣмъ, самъ остается живъ, но не женится на Офеліи.

Съ такими «Гамлетами» и съ подобными же «Королемъ Лиромъ» и «Отелло» были знакомы и читатели, и посѣтители театровъ; на нихъ же воспитался и Мочаловъ, какъ артистъ. Первый опытъ передачи Шекспира не въ изуродованномъ видѣ сдѣлалъ Вронченко, въ 1828 году. Но его «Гамлетъ», хотя и отличался близостью къ подлиннику и сохраненіемъ характера творчества англійскаго драматурга, не былъ, однако, приспособленъ для сцены. Тогда-то вскорѣ и появился другой «Гамлетъ», которому суждено было нѣсколько десятковъ лѣтъ оставаться въ репертуарѣ русскаго театра.

Какъ-то на сценѣ Большого театра собрались артисты, въ ожиданіи репетиціи. Тутъ были Мочаловъ, Щепкинъ, Орловъ, Самаринъ и другіе. Между ними шли разговоры о бенефисныхъ новинкахъ, — тема всегда жгучая въ закулисныхъ бесѣдахъ.

— А я хочу дать въ свой бенефисъ «Гамлета»,—сказалъ Мочаловъ.

При этихъ словахъ Щепкинъ быстро вскочилъ, точно его сдернуло со стула, и началъ скорѣе кричать, нежели говорить:

— «Гамлета», ты хочешь дать «Гамлета»?! Ты, первый драматическій

актеръ, любимецъ московской публики, и хочешь угостить ее Дюсисовскою дрянью! Да это чортъ знаетъ что такое...

— Да ты не кипятись, а выслушай. Я хочу дать...—началъ было Мочаловъ, но Щепкинъ его не слушалъ; онъ почти бѣгалъ по сценѣ и кричалъ:

— Возобновлять такую отвратительную пьесу! Да я бы этого подлеца Дюсиса повѣсилъ на первой осинѣ! Осмѣлится передѣлывать Шекспира! Да и ты, братъ, хорошъ. Хочешь вытащить изъ театральнаго хлама эту мерзость, стыдъ и срамъ!

— Да я хочу дать другого «Гамлета»!—почти прокричалъ Мочаловъ.

— Другого?—спросилъ Щепкинъ, остановясь.

— Да, другого, котораго перевелъ съ англійскаго Полевой.

— Ты бы такъ и сказалъ,—проговорилъ Щепкинъ.

— Я и хотѣлъ сказать, да ты ничего не слушалъ.

— Ты пьесу читалъ?

— Нѣтъ, Полевой пригласилъ меня къ себѣ и читалъ самъ. Вещь превосходная! И слогъ такой легкій, разговорный...

Н. А. Полевой началъ переводъ «Гамлета» вскорѣ послѣ прекращенія своего «Московского Телеграфа», обезсмертившаго его имя, какъ журналиста. Съ 1835 года онъ уже усердно работалъ надъ переводомъ. Въ своихъ запискахъ о жизни и дѣятельности брата К. А. Полевой такъ передаетъ исторію знакомства переводчика «Гамлета» съ будущимъ Гамлетомъ. Когда переводъ былъ конченъ, «Николай Алексѣевичъ призвалъ къ себѣ актера Мочалова и предложилъ ему свой переводъ даромъ, для представленія въ его бенефисъ. Мочаловъ былъ актеръ съ дарованіемъ, съ сильнымъ чувствомъ, но человѣкъ грубый, необразованный, неспособный собственными силами понимать Шекспира, потому что былъ совершенный невѣжда, и начитанность его ограничивалась ролями, которыхъ игралъ онъ безчисленное множество. При первомъ предложеніи моего брата, онъ попытлся, почти испугался и сталъ повторять общее тогда мнѣніе, что Шекспиръ не годится для русской сцены. Братъ мой старался объяснить ему, что онъ ошибается, польстилъ успѣхомъ самолюбію его, которое было неизмѣримо, прочиталъ съ нимъ Гамлета и отдалъ ему свою рукопись для изученія. Черезъ нѣсколько времени Мочаловъ явился къ нему, сталъ декламировать нѣкоторые монологи «Гамлета», и братъ мой увидѣлъ, что онъ вовсе не понимаетъ назначенной ему роли. Братъ толковалъ ему, что тутъ надобно не декламировать, не бѣсноваться, а объяснять мысль и чувства, вложенныя авторомъ въ слова. Онъ самъ началъ прочитывать ему

каждое явленіе, со всѣми возможными коментаріями, выслушивалъ его чтеніе, поправлялъ, указывалъ, что и какъ должно быть произнесено, и, наконецъ, пробудилъ въ этомъ даровитомъ человѣкѣ чувство и сознаніе. Мочаловъ, артистъ неподдѣльный, охотно приходилъ къ нему совѣтоваться во всемъ, касательно роли Гамлета, и слѣдовалъ его совѣтамъ, конечно, потому, что находилъ отголосокъ имъ въ своей душѣ. Все лѣто 1836 года занимался такимъ образомъ Николай Алексѣевичъ съ Мочаловымъ и, наконецъ, былъ доволенъ имъ, общая ему блистательный успѣхъ. Принятіе «Гамлета» на сцену не могло встрѣтить препятствій, потому что директоромъ Московскаго театра былъ добродушный Загоскинъ, тогда искренній пріятель Николая Алексѣевича, а душою театральнаго управленія былъ Алексѣй Николаевичъ Верстовскій, самъ художникъ и образованный цѣнитель изяшнаго» ¹⁰⁴).

Въ этомъ отрывкѣ воспоминаній фигура Н. А. Полевого совершенно заслуживаетъ Мочалова, начиная съ сообщенія о томъ, что переводчикъ «Гамлета» «призывалъ актера Мочалова», какъ будто послѣдній былъ ему лицомъ подвластнымъ или совсѣмъ ничтожнымъ. А затѣмъ и въ изученіи роли Гамлета Мочаловъ отходитъ на второй планъ, какъ-будто неопытный актеръ, не отмѣченный искрою дарованія. И общая характеристика Мочалова, какъ круглаго невѣжды, неспособнаго своимъ разумѣніемъ понимать Шекспира, слишкомъ очевидно клонится къ тому, чтобы на счетъ одного возвеличить другого. Мочаловъ, уже двадцать лѣтъ восторгавшій зрителей своими сценическими созданіями, влагавшій въ свое творчество неизсякаемый родникъ бившаго ключемъ чувства, Мочаловъ—самъ поэтъ въ душѣ, воспроизводившій уже на сценѣ образы гениальнаго поэта, — этотъ Мочаловъ является передъ Полевымъ какимъ-то тупицей, робкимъ ученикомъ, въ которомъ «наконецъ-то» Полевой пробудилъ «чувство и сознаніе». Неправдоподобіе и невѣроятность такого положенія ясны безъ особыхъ доказательствъ.

Совмѣстныя занятія Полевого и Мочалова надъ изученіемъ роли Гамлета были, конечно, очень полезны трагику, но не отъ этого зависѣлъ тотъ успѣхъ, который встрѣтилъ трагедію и главнаго исполнителя при первой постановкѣ. Игра Мочалова, легкость, поэтичность и другія достоинства перевода и толки критики создали этотъ успѣхъ. Съ тѣхъ поръ начинается устойчивое усвоеніе русскою сценой произведеній Шекспира и ознакомленіе съ ними публики въ самомъ широкомъ значеніи.

И для Мочалова, какъ артиста, постановка «Гамлета» имѣла роковое

¹⁰⁴) К. А. Полевой. Записки («Историческій Вѣстникъ», 1887 № 8).

значение. Въ его артистической дѣятельности наступила передъ тѣмъ полоса, «паденія во мнѣніи публики», какъ характеризуетъ ее Бѣлинскій. «Мы», — говоритъ онъ, — «т. е. любящіе и понимающіе искусство, способные цѣнить высокія дарованія, — мы смотрѣли на дорованіе Мочалова, какъ на сильное, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и нисколько не развитое, а вслѣдствіе этого, искаженное, обезсиленное и погибшее для всякой будущности. Возможность разубѣдиться въ этомъ представлялась намъ мечтою сладостною, но несбыточною». Какъ же его должна была понимать публика, которая ходитъ въ театръ «не жить, а засыпать отъ жизни, не наслаждаться, а забавляться?» Во мнѣніи такой публики, неспособной довольствоваться лишь минутами художественнаго наслажденія, Мочаловъ все падалъ и падалъ, и «наконецъ, сдѣлался для нея какимъ-то пріятнымъ воспоминаніемъ, и то сомнительнымъ». Эта публика поклонялась уже другому плоду — «изваянному, живописному, граціозному, всегда себѣ равному, всегда находчивому, всегда готовому изумлять ее новыми, неожиданными и смѣлыми картинами и рисующимися положеніями». Этотъ идолъ былъ петербургскій соперникъ Мочалова — Каратыгинъ, и хотя публика чувствовала, что «восторгъ ея натянутъ», но отъ этого не легче было ся прежнему любимцу. «Публика становилась къ нему холоднѣе и холоднѣе, и только не многія души, страстныя къ сценическому искусству и способныя понимать всю безцѣнность сокровища, которое, непризнанное и непонятое, таилось въ огненной душѣ Мочалова, скорбѣли о постепенномъ упадкѣ его таланта и славы, а, вмѣстѣ съ ними, и о постепенномъ упадкѣ самого театра, наводненнаго потокомъ плоскихъ водевилей»...

И вотъ этотъ актеръ, съ его недостатками, «съ большимъ талантомъ, съ минутами высокаго вдохновенія, но никогда и ни одной роли не выполнившій вполнѣ, не выдержавшій въ цѣломъ ни одного характера, съ талантомъ, назначеннымъ для ролей только пламенныхъ и изступленныхъ, рѣшается выйти на сцену въ роли Гамлета, — въ роли глубокой, сосредоточенной, меланхолически-желчной и безконечной въ своемъ значеніи»... Было чего стараться, когда можно было надѣяться увидать двѣ-три минуты вдохновенія, а въ общемъ — пародію на Гамлета. Но опасенія оказались обманчивыми. «Въ игрѣ Мочалова мы увидѣли», — говоритъ критикъ, — «если не полного и совершеннаго Гамлета, то потому только, что въ превосходной вообще игрѣ у него осталось нѣсколько невыдержанныхъ мѣстъ; но онъ бросилъ въ глаза нашихъ новый свѣтъ на это созданіе Шекспира. Мы только теперь поняли, что въ мірѣ одинъ драматическій поэтъ — Шекспиръ, и что только

его пьесы представляют великому актеру достойное его поприще, и что только въ созданныхъ имъ роляхъ великій актеръ можетъ быть великимъ актеромъ».

Х.

П. С. Мочаловъ въ роли Гамлета.

Мочаловъ вышелъ побѣдителемъ, торжество его было полное, слава снова осыпала его своими крылами. Но какъ досталась ему эта побѣда, какимъ художественнымъ созданіемъ подарилъ его геній русскую сцену, что представлялъ изъ себя «его» Гамлетъ? Если вообще образы, созданные сценическимъ геніемъ крупнѣйшихъ представителей драматическаго искусства, переходятъ въ потомство, при посредствѣ описаній, крайне неясными, то тѣмъ болѣе такъ должно быть съ созданіями Мочалова. Рѣдки были случаи, когда онъ выдерживалъ какую-нибудь роль отъ начала до конца, а потому его созданія не отличались цѣльностью, законченностью. Кромѣ того, образы, создаваемые имъ, не отличались устойчивостью, и въ разные спектакли являлись передъ зрителями съ разными подробностями очертаній. Иногда же бывали спектакли, когда въ исполненіи Мочалова нельзя было уловить и общаго духа изображаемаго имъ типа или характера.

Все это относится и къ Гамлету. Правда, подробный анализъ игры Мочалова въ «Гамлетѣ», сдѣланный Бѣлинскимъ, рисуетъ намъ Гамлета первыхъ представленій, и только первыхъ. Съ третьяго же спектакля начались измѣненія въ игрѣ трагика, доходившаго до того, что онъ являлся на сценѣ обыкновенною посредственностью. И Бѣлинскій, и цѣлый рядъ зрителей-современниковъ свидѣтельствуетъ объ этомъ. Во всякомъ случаѣ, важно познаться съ тѣмъ Гамлетомъ, котораго воплощалъ въ себѣ Мочаловъ во время спектаклей, оживленныхъ его вдохновеніемъ. Это возможно, благодаря статьѣ Бѣлинскаго, отзывамаъ другихъ критиковъ и воспоминаніямъ современниковъ.

Можно было бы по этимъ матеріаламъ прослѣдить шагъ за шагомъ игру Мочалова въ «Гамлетѣ», внеся варианты и поправки къ отдѣльнымъ сценамъ и мѣстамъ, какъ вносилъ ихъ, вольно и невольно, и самъ трагикъ въ свое исполненіе. Но этотъ очень длинный пересказъ, имѣющій, конечно, свой серьезный спеціальный интересъ, скорѣе утомитъ вниманіе читателей, чѣмъ возсоздастъ въ ихъ воображеніи обликъ датскаго принца, какимъ онъ являлся въ лицѣ Мочалова. Поэтому мы соберемъ для выводовъ лишь общія

впечатлѣнія и характеристики, а также записанныя очевидцами впечатлѣнія отъ отдѣльныхъ сценъ «Гамлета».

Начнемъ съ Бѣлинскаго, который своею статьею о Гамлетѣ-Мочаловѣ упрочилъ славу трагика въ потомствѣ ¹⁰⁵⁾.

Характеризуя игру Мочалова на первомъ представленіи, Бѣлинскій въ его исполненіи видитъ Гамлета, художественно-созданнаго великимъ актеромъ,— слѣдовательно, Гамлета живого, дѣйствительнаго, но не столько Шекспировскаго, сколько Мочаловскаго. Мочаловъ придалъ Гамлету гораздо болѣе силы и энергіи, нежели сколько можетъ быть у человѣка, находящагося въ борьбѣ съ самимъ собою и подавленнаго тяжестью невыносимаго для него бѣдствія. Онъ далъ ему грусти и меланхоліи гораздо менѣе, нежели сколько долженъ ее имѣть Шекспировскій Гамлетъ. Онъ показалъ болѣе огня и дикой мощи своего таланта, нежели умѣнія понимать игруемую имъ роль и выполнять вслѣдствіе вѣрнаго о ней понятія. Словомъ, онъ былъ великимъ творцомъ, но творцомъ субъективнымъ, хотя это и касалось только отдѣльныхъ мѣстъ роли.

Впечатлѣнія Бѣлинскаго послѣ второго спектакля были еще сильнѣе. Кромѣ монолога и одной сцены, «все остальное было выше всякаго возможнаго представленія совершенства». Затѣмъ слѣдовали спектакли, въ которыхъ Мочаловъ игралъ мѣстами превосходно, мѣстами плохо; случилось, что едва можно было высидѣть три акта, дожидаясь вдохновенной минуты артиста. Наконецъ, девятый выходъ Мочалова Бѣлинскій характеризуетъ такъ: Мочаловъ вполне постигъ тайну характера Гамлета и вполне передалъ ее своимъ зрителямъ. Характеръ игры его разнился значительно отъ первыхъ представлений: чувство грусти, вслѣдствіе сознанія своей слабости, не заглушало въ немъ ни желчнаго негодованія, ни болѣзненнаго ожесточенія, но преобладало надъ всѣмъ этимъ. И все-таки критикъ насчитываетъ шесть сценъ и моментовъ, когда игра Мочалова была слабѣе, чѣмъ въ первыя два представленія. Несмотря на это онъ утверждаетъ, что невозможно вѣрнѣе ни постигнуть идеи Гамлета, ни выполнить ее.

На субъективность въ исполненіи Мочаловымъ Гамлета указываетъ и

¹⁰⁵⁾ Начало статьи «Гамлетъ, драма Шекспира, и Мочаловъ въ роли Гамлета» помѣщено въ «Сѣверной Пчелѣ», 1838, № 4; полностью же статья напечатана въ «Московскомъ Наблюдателѣ», 1838, и въ собраніи сочиненій, изд. 1861, т. II, стр. 477—590. Подробно слѣдитъ за игрою Мочалова въ «Гамлетѣ», сцена за сценой, также и харьковскій критикъ, о которомъ упомянуто выше.

Григорьевъ. «Какъ великій инстинктивный художникъ»,—говоритъ онъ,— «Мочаловъ создавалъ портреты въ своей манерѣ, въ своемъ колоритѣ, и, переходя въ жизнь представляемаго лица, игралъ всетаки собственную душу». «Уныло зловѣщее, что есть въ Гамлетѣ, явно пересиливало всѣ другія стороны характера; въ иныхъ порывахъ вредило даже идеѣ о безсиліи воли, которую мы привыкли соединять съ образомъ Гамлета». Другими словами Григорьевъ повторялъ характеристику Бѣлинскаго, находившаго въ Мочаловѣ-Гамлетѣ излишекъ «энергіи и силы».

Мочаловъ,—говоритъ одинъ критикъ,—давалъ «рѣзкій колоритъ начальной неопредѣленной тоскѣ, роковому предчувствію и потомъ гибельному желанію Гамлета отмстить за смерть своего отца». Въ тѣхъ сценахъ «гдѣ бѣда его была съ самимъ собою, въ откровенныхъ изліяніяхъ души, пораженной невыносимымъ горемъ, онъ былъ неподобенъ; тутъ не было притворства, — душевная боль замѣтно выливалась въ каждомъ его словѣ, кровавая рана его растерзаннаго сердца была передъ глазами зрителей». «Въ 3-мъ дѣйствіи», — говоритъ тотъ же современникъ, — Мочаловъ разразился адскимъ хохотомъ, онъ прынулъ, какъ кровожадный левъ, поймавши нить ужаснаго преступленія, и во всемъ монологѣ потомъ онъ бросалъ страшные перуны проклятія и отчаянія».

Другимъ особенно бросались въ глаза въ игрѣ Мочалова выраженіе безконечной грусти, поэтической задумчивости, которыя заставляли публику рукоплескать прежде, нежели Гамлетъ начиналъ рѣчь свою съ королемъ и матерью. Слова его мѣстами дышали ироніей, растворенной жалостью и любовью къ Офеліи, на которую онъ смотрѣлъ съ грустью и сожалѣніемъ, какъ на прекрасное, чистое созданіе, уже подвергавшееся гибельному вліянію окружающихъ.

Перечитывая отзывы объ игрѣ Мочалова въ «Гамлетѣ» и описанія впечатлѣній, вынесенныхъ зрителями, замѣчаешь однообразіе оттѣнковъ, которое онъ придавалъ тѣмъ или инымъ мѣстамъ роли датскаго принца. Слова по этому поводу одного изъ современниковъ кажутся вполне справедливыми: «Мочаловъ въ этой многосторонней роли попадалъ то на одну, то на другую сторону Гамлетовскаго характера, и въ одно представленіе преимущественно изображалъ эту сторону, а въ другое—другую; и хотя цѣлаго, полного олицетворенія Гамлета въ игрѣ Мочалова не было, но за то страшно-геніально, чудно-прекрасно передавались Мочаловымъ мѣста этой роли, та или другая сторона Гамлетовскаго характера». Въ такіе моменты,—по выраженію другого

современника, — въ осанкѣ Мочалова, во взглядѣ, въ выраженіи лица, въ голосѣ, наконецъ, въ дѣломъ Мочаловѣ было столько высокой истинны и красоты, что, казалось, передъ зрителями воскресалъ самый пламенный и возвышенный идеалъ драматическаго міра» ^{106—111}).

ХІ.

Свойства таланта П. С. Мочалова.

Рядъ воспоминаній и отзывовъ объ исполненіи Мочаловымъ наиболѣе выдающихся и прославившихъ его ролей и отдѣльныхъ сценъ уже познакомилъ читателей съ свойствами таланта трагика. Дѣлая по этому поводу заключеніе, приходится, прежде всего, согласиться съ Бѣлинскимъ, что для Мочалова было дѣйствительнымъ, непоправимымъ несчастьемъ—«пренебречь съ молодыхъ лѣтъ развитіемъ своего таланта и обработкою своихъ средствъ и ничего не сдѣлать во-время, чтобы овладѣть ими». Это «несчастье» проходитъ яркою, все окрашивающею полосою черезъ всю дѣятельность Мочалова, отражается на обстоятельствахъ его жизни, вліяетъ на образованіе его характера.

Въ чемъ же коренилась причина этого «несчастья»? Главнымъ образомъ въ воспитаніи. Оно не укрѣпило волю Мочалова, не развило въ немъ сознанія необходимости подчинять разсудку движенія чувствъ и страстей; оно не дало ему опоры въ образованіи, не приучило его къ работѣ надъ самимъ собою и къ упорному труду на томъ поприщѣ, которому онъ посвящалъ свою жизнь. Онъ росъ, почти вѣкъ тому назадъ, въ той средѣ, гдѣ воспитаніе дѣтей вообще велось какъ попало, безъ всякой системы, безъ всякой дисциплины. Можетъ быть, къ тому же, онъ былъ и балованнымъ сыномъ у родителей, особенно если съ отроческихъ лѣтъ обнаруживалъ задатки дарованій. А оно, вѣроятно, такъ и было. Въ двѣнадцать лѣтъ Мочаловъ, какъ рассказываетъ одинъ изъ его родственниковъ, уже публично, гдѣ-то на вечерѣ, выступалъ съ декламацией и имѣлъ такой успѣхъ, что слышавшій его герой Отечественной войны, атаманъ Платовъ, восхищался юнымъ чтецомъ и предсказывалъ ему блестящую артистическую будущность ¹¹²).

^{106—111}) Бѣлинскій.—Григорьевъ. «Великій трагикъ».—«Репертуаръ», 1840, № 8, стр. 6.—«Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду», 1839, № 25—26.—Галаховъ 191, 193.—«Антрактъ», 1865, № 8, и др.

¹¹²) А. А. Ярецъ. «Воспоминанія о П. С. Мочаловѣ» («Московскія Вѣдомости», 1897, № 351).

Воспитателемъ и живымъ образцомъ для Мочалова былъ его отецъ. Онъ же явился для сына и учителемъ сценическаго искусства. Отъ отца Мочаловъ перенялъ и усвоилъ тѣ дурныя приемы игры, которые потомъ вредили ему, тѣ понятія объ искусствѣ и его значеніи, о талантѣ, съ которыми и жилъ, и умеръ Степанъ Ѳедоровичъ. По этимъ понятіямъ, служителю искусства, а тѣмъ болѣе талантливому, не было нужды трудиться, а слѣдовало лишь ждать вдохновенія. Передъ талантомъ все должно было преклоняться, и мать должна была считать за честь стаскивать съ геніальнаго сына сапоги. Для Мочалова и его таланта было губительно пробыть дѣтство и юность подъ вліяніемъ этихъ воззрѣній и, выступивъ на сцену, съ перваго же дебюта имѣть успѣхъ, отъ котораго закружилась бы голова даже у взрослого и опытнаго артиста. Передъ юношей, пылкимъ и слабовольнымъ, едва онъ взглянулъ въ лицо жизни, уже стояли толпы поклонниковъ, куря еиміамъ его таланту. Передъ нимъ открывались «врата славы», куда онъ, безсмертный, входилъ, увѣнчанный лаврами потомства, обѣщанными ему современнымъ поэтомъ. И все это за то, что онъ обладалъ «волшебнымъ даромъ трогать сердца людей». А «даръ» этотъ не пріобрѣтался цѣною какихъ-нибудь жертвъ или усилій,—онъ былъ данъ извнѣ,—и юноша не могъ оцѣнить его, не съумѣлъ дорожить имъ. «Талантъ не умираетъ»,—говорилъ ему стихотворецъ,—и «волшебный даръ» казался молодому артисту неистощимымъ богатствомъ, которое можно безумно тратить и нѣтъ надобности охранять и приумножать.

Очевидно, это было такъ, если современникъ, увлекавшійся Мочаловымъ и наблюдавшій его,—черезъ нѣсколько лѣтъ, когда громы рукоплесканій и восторги публики укрѣпили юношескія мечтанія артиста,—могъ сказать про него: «Онъ не любилъ безкорыстно искусства, а любилъ славу; онъ не вѣрилъ въ трудъ, въ науку» ¹¹³⁾.

Въ цѣломъ рядѣ критическихъ отзывовъ, начиная съ письма по поводу поѣздки Мочалова за границу, продолжая современными рецензіями его игры и кончая некрологической замѣткой Бѣлинскаго и воспоминаніями очевидцевъ, всюду или прямо проводится, или мелькаетъ мысль о пренебреженіи трагика развитіемъ своего таланта. Отсюда уже вытекали указанія на его недостатки, какъ слѣдствіе этого пренебреженія.

Въ чемъ же заключались эти недостатки и какъ они отражались въ сценической дѣятельности Мочалова?

По характеристикѣ Бѣлинскаго, Мочаловъ «по огромности таланта былъ

¹¹³⁾ Аксаковъ, стр. 172.

исобыкновеннымъ феноменомъ; но этотъ талантъ былъ чисто природный, нисколько не развитый ни наукою, ни искусствомъ, всегда зависѣвшій отъ вдохновенія». Также опредѣляютъ свойства таланта Мочалова почти всѣ его критики и современники-зрители. И это опредѣленіе, выраженное столь категорически, приходится принять, сдѣлавъ лишь нѣкоторыя оговорки.

Въ одномъ изъ отзывовъ критики, относящемся къ первымъ годамъ дѣятельности Мочалова, встрѣчается такое выраженіе: «Г. Мочаловъ имѣетъ прекрасныя способности къ трагедіи и въ его волѣ достигать часть отъ часу совершенства» ¹¹⁴). Въ этихъ словахъ слышится уже упрекъ артисту, работающему на сценѣ шесть лѣтъ, но мало прибѣгавшему къ усиліямъ своей воли, чтобы достигать совершенства. Разказы Аксакова рисуютъ Мочалова въ этомъ отношеніи приблизительно въ ту же эпоху. Блестящій, ослѣпительный и увлекательный талантъ Мочалова,—говоритъ онъ,—проявлялся всегда неожиданно. Онъ приводилъ зрителей то въ восторгъ, то въ отчаяніе. Князь Шаховской, опытный въ дѣлѣ сценическаго искусства, боялся давать ему совѣты и говорилъ: «Бѣда, если Павелъ Степановичъ начнетъ разсуждать; онъ только тогда и хорошъ, когда не разсуждаетъ, и я всегда прошу его только объ одномъ, чтобы не *старался* играть, а старался только не думать, что на него смотритъ публика. Это геній по инстинкту; ему надо выучить роль и сыграть; попалъ—такъ выйдетъ чудо, а не попалъ — такъ выйдетъ дрянъ».

Случай, относящійся къ тому же времени, иллюстрируетъ правдивое замѣчаніе Шаховского. Однажды давали комедію Шаховского «Пустодомы». Авторъ пріѣхалъ въ театръ и, чтобы не смущать Мочалова, не показывался ему на глаза. Мочаловъ игралъ, какъ говорится, спусти рукава, но былъ неподражаемъ, и Шаховской то бѣсновался отъ восторга, то умилялся до слезъ. По окончаніи пьесы, въ уборной, гдѣ переодѣвался Мочаловъ, восхищенный авторъ едва не бросился предъ артистомъ на колѣни. Шаховской обнималъ, цѣловалъ въ голову удивленнаго, недовольнаго собою Мочалова и дрожащимъ отъ радости голосомъ говорилъ: «Тальма?... Какой Тальма! Тальма въ слуги тебѣ не годится: ты былъ сегодня Богъ!». Черезъ нѣсколько дней послѣ этого спектакля, когда Шаховской находился еще въ упоеніи отъ игры Мочалова въ роли князя Радугина, пріѣхалъ въ Москву изъ Петербурга какой-то значительный господинъ, знатокъ и любитель театра, пріятель князя. При первомъ разговорѣ о театрѣ, петер-

¹¹⁴) «Вѣстникъ Европы», 1823, № 19, октябрь, стр. 232.

бургскій гость выразился какъ-то съ неуваженіемъ о талантѣ Мочалова. Шаховской вспыхнулъ, превознесъ московскаго актера похвалами и, чтобы совершенно убѣдить своего стариннаго пріятеля, упросилъ Кокошкина повторить «Пустодомовъ». Отъ Мочалова скрыли причину скорого повторенія комедіи, но онъ какимъ-то образомъ узналъ, что его будетъ смотрѣть важная особа изъ Петербурга, узналъ, что Шаховской хочетъ похвастаться его игрой и—*постарался*: онъ былъ невыносимо дурень ¹¹⁵).

Разсказываютъ, что какъ-то Грибоѣдовъ пришелъ въ театръ посмотреть игру Мочалова. Трагикъ узналъ объ этомъ и игралъ очень плохо. Въ другой разъ, Пушкинъ былъ въ театрѣ. Мочалову объ этомъ не сообщили, и онъ, играя по своему, былъ великолѣпенъ ¹¹⁶).

Проходили годы, и такіе случаи не переставали повторяться, чѣмъ дальше, тѣмъ больше усиливая паденіе таланта.

ХІІ.

Свойства игры П. С. Мочалова.

Это отсутствіе въ талантѣ Мочалова необходимой цѣльности и устойчивости придавало одностороннее значеніе его игрѣ и ея вліянію на зрителей. Мочаловъ давалъ зрителямъ минуты высокихъ эстетическихъ наслажденій, но онѣ зависѣли отъ вдохновенія, и потому были отрывочны и не полны, прерываясь вмѣстѣ съ угасшимъ сценическимъ порывомъ артиста. Онъ, по характеристикѣ Бѣлинскаго, всегда находился въ зависимости отъ расположенія своего духа: найдетъ на него одушевленіе—и онъ удивителенъ, безподобенъ; нѣтъ одушевленія—и онъ впадаетъ даже не въ посредственность, а въ пошлость и тривіальность. Ему никогда не удавалось выполнить свою роль ровно отъ начала до конца. Въ воспоминаніяхъ современниковъ рисуется много безотрадныхъ картинъ, которыя проходили передъ глазами зрителей въ игрѣ Мочалова. Случалось имъ сидѣть въ театрѣ по нѣсколько часовъ, чтобы дождаться немногихъ вдохновенныхъ минутъ его игры, случалось чуть не поминутно переходить отъ наслажденія превосходнымъ исполненіемъ какой-нибудь роли къ той скукѣ, которая овладѣваетъ зрителемъ при видѣ на сценѣ бездарности. Бывали и спектакли сплошь неудачные. А смотрѣть Мочалова въ тѣ моменты, длившіеся иногда часами, когда онъ самъ чувствовалъ, что играетъ дурно, когда онъ желалъ насильственно возбудить въ

¹¹⁵) Аксаковъ.

¹¹⁶) Кублицкій, стр. 494.

себѣ вдохновеніе, кричалъ, кривлялся, ломался, хлопалъ себя руками по бедрамъ,—что же могло быть непріятнѣе для тѣхъ, кого онъ дарилъ минутами прекраснѣйшихъ, неизгладимыхъ впечатлѣній? Любители искусства и поклонники Мочалова, случалось, пріѣзжали въ Москву изъ Петербурга или изъ провинціи, чтобы посмотрѣть своего любимца въ его лучшихъ роляхъ, бывали на нѣсколькихъ спектакляхъ, но ни разу не видали вдохновеннаго трагика во всей красотѣ художественной игры, во всей силѣ его таланта. Мало того, что въ одинъ и тотъ же вечеръ онъ превращался изъ генія въ бездарность, но и относительно каждой роли у него не было определенной интерпретаціи. Онъ не только всю роль игралъ лучше или хуже, но и отдѣльныя мѣста одной и той же роли въ разные спектакли исполнялъ различно и даже противоположно.

Эта неровность игры вполне понятна въ такомъ артистѣ, какъ Мочаловъ. Свою игру онъ ставилъ въ полную зависимость отъ вдохновенія, отъ тѣхъ порывовъ чувства и страсти, которые не приходятъ къ человѣку по его желанію. Они стихійны, и потому случайны, а въ искусствѣ, вѣчномъ и подчиненномъ строгимъ и постояннымъ художественнымъ законамъ, нѣтъ мѣста случайностямъ. Если въ игрѣ Мочалова эти случайные порывы производили неотразимое дѣйствіе истинно художественныхъ впечатлѣній, то это свидѣтельствуетъ о необыкновенной силѣ и глубинѣ его таланта. Не только современники, записавшіе свои впечатлѣнія по свѣжему ихъ слѣду, но и многіе изъ оставшихся въ живыхъ зрителей игры Мочалова помнятъ и теперь, въ преклонной старости, тѣ счастливыя минуты наслажденій, которыя неизгладимыми чертами врѣзались въ ихъ душѣ. И теперь черезъ шестьдесятъ лѣтъ, когда въ ихъ памяти оживаютъ картины и впечатлѣнія молодости, Мочаловъ, какъ свѣтлое видѣніе, проносится передъ ними,—и загораются ихъ гаснушія очи, и рѣчь становится быстрѣе, и кровь какъ-будто приливаетъ къ ихъ слабѣющему сердцу. «Несмотря на преклонность моихъ лѣтъ»,—говоритъ одинъ изъ нихъ,—«при малѣйшемъ воспоминаніи объ игрѣ Мочалова въ тѣхъ или другихъ пьесахъ, душа моя снова испытываетъ тѣ мощныя и вмѣстѣ сладостныя впечатлѣнія, которыя онъ возбуждалъ въ зрителяхъ». И такъ говорятъ всѣ, кто вспоминалъ о трагикѣ.

Власть Мочалова надъ зрителями проистекала изъ той могучей силы чувства и страсти, которую проявлялъ онъ въ вдохновенныя минуты. Онъ заставлялъ зрителей переживать и страданія, и радость изображаемаго имъ лица, заставлялъ зрителей участвовать въ спектаклѣ не только глазами и

умомъ, но и всею душою, и сердцемъ. Выраженіе внутреннихъ движеній отличалось у Мочалова поразительною силою, оно увлекало, ужасало, очаровывало зрителей. Обаяніе артиста было неотразимо и доводило ихъ до восторга, до самозабвенія. Они готовы были сидѣть въ театрѣ «томительнѣйшіе часы, подвергать свое эстетическое чувство, свою горячую любовь къ прекрасному всѣмъ оскорбленіямъ, всѣмъ пыткамъ со стороны бездарности аксессуарныхъ лицъ и тшетныхъ усилій главнаго,—и все это за два, за три момента его творческаго одушевленія, за двѣ, за три вспышки его могучаго таланта, которыя западали въ душу и никогда уже въ ней не изглаживались».

Сила чувства создавалась въ Мочаловѣ тою необыкновенно развитою фантазіей, источникъ которой надо искать въ его исключительно-чувствительной нервной организаціи. Воображеніе его доходило до иллюзіи чувствъ и внѣшнихъ ощущеній. Любопытный разсказъ по этому поводу извѣстнаго театрала С. А. Юрьева, къ сожалѣнію, единиченъ. Во времена своей молодости, Юрьевъ, тогда студентъ Московскаго университета, не разъ прогуливался съ Мочаловымъ въ часы зимней лунной ночи по Кремлю. Въ одну изъ такихъ прогулокъ, въ самомъ разгарѣ бесѣды о захватѣ Кремля поляками въ 1611 году, Мочаловъ вдругъ остановился, прервалъ собесѣдника и, указывая на Красное крыльцо, измѣняясь въ лицѣ, сказалъ: «Видишь этихъ двухъ бояръ на ступенькѣ Краснаго крыльца и поляка на верхней? Какъ онъ нагло смотреть и крутить свой усь» и т. д.

Способность Мочалова къ глубокимъ и сильнымъ чувствамъ подъ вліяніемъ фантазіи отличалась у него, по словамъ того же Юрьева, тою удобоподвижностью, при которой артистъ могъ подъ вліяніемъ своей воли и фантазіи быстро и искренно переходить изъ одного состоянія чувствъ въ другое и изъ совершенно спокойнаго состоянія въ сильно возбужденное и страстное ¹¹⁷⁾.

Въ этой способности, исключительно развитой у Мочалова, въ его страстныхъ порывахъ, въ общей силѣ впечатлѣнія крылась причина его обаянія на зрителей. Даже на тѣхъ изъ нихъ, которые не могли сознательно слѣдить за игрою Мочалова, это обаяніе отражалось какъ какое-то неизвѣстно откуда налетѣвшее вѣяніе, какъ инстинктивное ощущеніе. Вотъ по этому поводу характерный разсказъ современника ¹¹⁸⁾. «Мочаловъ игралъ

¹¹⁷⁾ С. А. Юрьевъ. «Нѣсколько мыслей о сценическомъ искусствѣ». М. 1889. Стр. 58, 91.

¹¹⁸⁾ Каратыгинъ, стр. 239—240.

какъ-то Фердинанда, и очень неудачно; но въ одномъ мѣстѣ вдругъ весь театръ разразился оглушительнымъ взрывомъ аплодисментовъ. Мой сосѣдь-купчикъ прыгалъ на своихъ креслахъ, билъ въ ладоши, стучалъ ногами и бѣсновался пуще всѣхъ. Фраза, вызвавшая такой шумный восторгъ, была произнесена Мочаловымъ шопотомъ, такъ что я никакъ не могъ ее уловить. Я обратился къ моему восторженному сосѣду и спросилъ его:

— Что такое сказалъ Мочаловъ?

Мой сосѣдь немного сконфузился и наивно отвѣчалъ мнѣ:

— Не слышалъ, батюшка, извините; но играть-то вѣдь какъ, злодѣй, чудо, чудо!»

Мочаловъ, какъ артистъ, представлялъ собою почти полную противоположность другой сценической знаменитости того времени, петербургскому трагику Каратыгину. Изъ сравненія между ними яснѣе всего видно, какими основными достоинствами и недостатками отличалась игра Мочалова, что такое было его вдохновеніе. По картинному опредѣленію горячаго поклонника Мочалова, А. А. Григорьева, «Каратыгинъ—изящно распланированный садъ съ чистыми аллеями, роскошными клумбами и бархатными лужайками, природа, подчиненная требованіямъ искусства, умытая, подстриженная, выхоленная. Мочаловъ — лѣсъ дремучій: тутъ и громадная сосна, и плачущая береза, и дубъ великанъ растутъ себѣ въ перемежку, сплетаясь и корнями, и сучьями, словомъ, — природа-матушка!». Смыслъ этого опредѣленія очень понятенъ: игра Каратыгина была вся проникнута искусствомъ, вся построена на обдуманности и изученіи; игра Мочалова не только не отличалась этимъ, но даже не подчинялась часто самымъ необходимымъ условіямъ сценическаго искусства. По мнѣнію Бѣлинскаго, Мочаловъ былъ талантъ невыработанный, односторонній, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сильный, самобытный, а Каратыгинъ — талантъ случайный, не призванный, успѣхъ котораго зависѣлъ отъ огромныхъ природныхъ средствъ, т. е. роста, осанки, фигуры, крѣпкой груди, и потомъ отъ образованности ума, чаще смѣтливости, а болѣе всего смѣлости.

Сравненіе Мочалова съ Каратыгинымъ имѣетъ еще и тотъ интересъ, что рисуетъ намъ тотъ идеалъ актера, который дало бы соединеніе этихъ двухъ артистическихъ величинъ въ одну. Не станемъ здѣсь разсуждать о томъ, возможно-ли это теоретически,—въ исторіи же русской сцены такого случая въ области трагедіи и драмы еще не было, но онъ былъ въ области комедіи, въ лицѣ М. С. Шепкина.

ХІІІ.

Сценическая работа П. С. Мочалова.

Было бы, однако, совершенно неправильно заключать изъ сказаннаго, что Мочаловъ, какъ артистъ, былъ тѣмъ самымъ «лѣсомъ дремучимъ», тою самую «природою-матушкой», о которыхъ говоритъ Григорьевъ,—безъ всякихъ ограниченій, безъ всякихъ исключеній. Нельзя сказать, что Мочаловъ совершенно не вносилъ въ свою игру труда. Этого не могло быть уже и потому, что въ той или другой степени, но для сценическаго дѣятеля работа безусловно необходима. И тотъ же Бѣлинскій, упрекавшій Мочалова въ пренебреженіи къ труду, находилъ, напримѣръ, въ исполненіи имъ короля Лира и «общность», и «цѣлость», и «отчетливость». Тоже замѣчаетъ онъ и про «Отелло»: «Мочаловъ работалъ чудесно», онъ умѣетъ «перемѣнить по свойству играемой роли и свой видъ, и лицо, и голосъ, и манеры». Чтобы художественно исполнять даже отдѣльныя мѣста такихъ ролей, надо было понимать типы и характеры изображаемыхъ лицъ, а для этого необходимо было изученіе. Оно могло быть поверхностнымъ, — постигать же глубину характеровъ помогаль ему художественный инстинктъ, а обрабатывать ихъ для сцены помогаль ему талантъ.

Одинъ изъ современниковъ Мочалова дѣлаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ интересное, но явно несостоятельное замѣчаніе по поводу «пониманія» трагикомъ роли Гамлета ¹¹⁹⁾. Онъ говоритъ: «Въ настоящую минуту, озираясь на Мочалова, въ Гамлетѣ по преимуществу, я ничѣмъ другимъ не умѣю объяснить магическаго дѣйствія его игры, кромѣ его неспособности понимать Шекспира во всемъ его объемѣ». Далѣе, современникъ даетъ цѣлое разсужденіе о талантѣ Мочалова, общій выводъ изъ котораго таковъ, что онъ тогда былъ хорошъ на сценѣ, когда роль совпадала съ его личнымъ характеромъ и натурой. Послѣ подробнаго разбора игры Мочалова въ Гамлетѣ, сдѣланнаго Бѣлинскимъ, бездоказательнымъ является отзывъ современника, что Гамлетъ представлялъ для Мочалова лишь много «блистательныхъ случаевъ высказать собственную необузданность» и что артистъ «искалъ не воспроизведенія извѣстнаго поэтическаго образа, а только наиболѣе удобнаго случая показаться передъ публикою во всю ширь своей духовной безшабашности».

Бѣлинскій, напротивъ, утверждаетъ, что Шекспиръ имѣлъ особенное значеніе для Мочалова: въ трагедіяхъ гениальнаго поэта у артиста пропадала

¹¹⁹⁾ А. А. Фетъ. Воспоминанія («Русское Обозрѣніе», 1893, № 1, стр. 14—17).

его «субъективность», «одноманерность». Очевидно, онъ понималъ Шекспира, если способенъ былъ перерождаться, играя его творенія.

Въ ходульных пьесахъ, которыми былъ переполненъ репертуаръ во времена Мочалова, трагикъ изъ блѣдныхъ, неестественныхъ и напыщенныхъ фигуръ создавалъ живыя лица,—и это свидѣтельствуеъ и о пониманіи, и объ изученіи имъ ролей. Въ такихъ пьесахъ, по выраженію Бѣлинскаго, Мочаловъ дѣйствовалъ одинъ, безъ участія автора,—авторъ лишь мѣшалъ ему, безпрестанно вязалъ его. И, такимъ образомъ, плохія пьесы получали значеніе, интересовали публику и жили въ репертуарѣ, благодаря Мочалову.

Художественное чутье, чувство границы не оставляло Мочалова въ минуты вдохновенія,—и въ этомъ, помимо самообладанія, сказывалось пониманіе и изученіе роли. А у него именно, какъ у игравшаго по вдохновенію, бывали въ исполненіи чрезвычайно рискованныя моменты. Вотъ для примѣра одинъ случай, рассказанный очевидцемъ перваго представленія «Гамлета». Послѣ сцены съ актерами, сознательно или безсознательно, по расчету-ли заранее придуманному, или по невольному душевному порыву, Мочаловъ, сидѣвшій на полу у ногъ Офеліи, вскочилъ и въ припадкѣ истерической радости началъ прыгать по сценѣ, хохоча и требуя музыки, флейтчиковъ. Незамѣтной чертой разграничивалось здѣсь ужасное отъ смѣшного: трагикъ могъ произвести второе ощущеніе—и тогда бы все погибло; но онъ произвелъ первое—и выказалъ въ себѣ великаго артиста ¹²⁰⁾.

Другой современникъ подтверждаетъ, что старательная обработка не только крупныхъ, но и мелкихъ подробностей, явственно сказывалась всякому свѣдущему и опытному глазу въ игрѣ трагика даже въ «Мочаловскія» минуты. При увлеченіи его до самозабвенія, сколько было въ игрѣ строжайшей обдуманности, какая артистическая отдѣлка мелочей, какіе явственные слѣды тщательнѣйшей работы ¹²¹⁾.

Смѣлость и самообладаніе на сценѣ, проявлявшіяся у Мочалова, тоже не могли быть исключительно слѣдствіемъ опытности, безъ пониманія и изученія ролей. Также слѣдуетъ сказать и объ артистической настойчивости, которая вообще служитъ стимуломъ для сценическаго дѣятеля. Вотъ, напри-
мѣръ, Мочаловъ отказывается играть роль Ляпунова. Затѣмъ, онъ присут-

¹²⁰⁾ П. И. Вейнбергъ. «Изъ моихъ театралныхъ воспоминаній. I.—М. С. Щепкинъ и П.—П. С. Мочаловъ» («Ежегодникъ Императорскихъ театровъ», сезонъ 1894—1895 гг., приложенія книга 1-я, стр. 80, 83).

¹²¹⁾ Галаховъ.

ствуешь на спектаклѣ, въ которомъ эту роль играетъ Каратыгинъ, и слышишь въ публикѣ сожалѣніе, что, съ отъѣздомъ петербургскаго артиста, пьесу снимутъ съ репертуара, потому что играть Ляпунова некому, — «Мочалову эта роль не по силамъ». Послѣ того же спектакля Мочаловъ проситъ у автора роль Ляпунова, потомъ разучиваетъ ее, играетъ — и выходитъ побѣдителемъ ¹²²⁾.

Итакъ, въ игрѣ Мочалова мы видимъ слѣды и пониманія, и изученія, и работы. Но это именно только слѣды. Онъ не достигалъ въ нихъ совершенства, — того совершенства, о которомъ напоминали ему еще въ юности. Его трудъ не былъ упоренъ, его изученіе не шло далеко, — все остальное доканчивалъ талантъ. Въ минуты вдохновенія — его работа выдѣлялась рѣзко, а въ минуты апатіи и меланхоліи — она не была столь тщательной и столь усвоенной, чтобы поддержать падающій духъ артиста.

XIV.

Приемы игры и сценическія средства П. С. Мочалова. — Отношеніе его къ искусству и къ сценической дѣятельности.

Природа не излила на Мочалова съ полною щедростію всѣхъ своихъ даровъ, но она дала ему многое для сцены. Такъ называемыя внѣшнія сценическія данныя были у Мочалова чрезвычайно благодарны. Онъ былъ не высокъ ростомъ, но не настолько, чтобы на сценѣ это казалось недостаткомъ. Нѣкоторымъ его крѣпко сложенная фигура казалась сутуловатой; но въ минуты одушевленія Мочаловъ какъ-будто вырасталъ и становился стройнѣе. Въ той сценѣ «Лира», когда онъ произноситъ: «Я король, съ ногъ до головы король!» — Мочаловъ дѣлался величественнымъ, и не потому только, что въ дѣйствительности приподнимался, но потому, что сильнымъ впечатлѣніемъ создавалъ въ зрителяхъ иллюзію. Въ «Гамлетѣ», когда принцъ убѣждается въ своихъ подозрѣніяхъ относительно короля, Мочаловъ бѣгалъ по сценѣ съ неистовымъ хохотомъ и адскими столами. Въ это мгновеніе исчезъ его обыкновенный ростъ: мы видѣли, — говоритъ Бѣлинскій, — передъ собою какое-то страшное явленіе, которое, при фантастическомъ блескѣ театральнаго освѣщенія, отдѣлялось отъ земли, росло и вытягивалось во все пространство между поломъ и потолкомъ сцены и колебалось на немъ, какъ зловѣщее привидѣніе...

Большая голова его, съ черными вьющимися волосами, красиво поставлена была на могучія плечи. Грудь у него отличалась замѣчательнымъ развитіемъ.

¹²²⁾ «Антрактъ», 1868, № 22.

Это былъ совершенно античный торсъ, и любой скульпторъ могъ бы взять его за модель. Съ такою грудью, при нормальныхъ условіяхъ жизни, можно было прожить сто лѣтъ. Лицо и голосъ служили для Мочалова самымъ дорогимъ его сценическимъ богатствомъ. Лицо его, съ черными выразительными глазами, было создано для сцены. Оно было красиво, симпатично и благородно—въ спокойномъ состояніи, было измѣнчиво, подвижно и прекрасно—въ минуты вдохновенія и выражало самыя разнообразныя движенія души, всевозможные оттѣнки ощущеній, чувствъ и страстей. Голосъ Мочалова, выходившій изъ могучей груди, былъ силенъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, гибокъ и необыкновенно гармониченъ. По выраженію Бѣлинскаго, это былъ «дивный инструментъ, на которомъ артистъ по волѣ бралъ всѣ ноты человѣческихъ чувствованій и ощущеній, самыхъ разнообразныхъ, самыхъ противоположныхъ. Въ немъ слышны были: и громовый рокотъ отчаянія, и отрывистые крики бѣшенства и мщенія, и тихій шопотъ сосредоточившагося въ себѣ негодованія, и мелодическій лепетъ любви, и язвительность ироніи, и спокойно-высокое слово». Мягкій и звучный, нѣжный и сильный теноръ Мочалова проникалъ въ душу. Переходы и переливы голоса были разнообразны и красивы; его шопотъ слышенъ былъ въ верхнихъ галлереяхъ; его голосовые удары заставляли невольно вздрагивать. Когда онъ на высокихъ нотахъ и громко начиналъ какую-нибудь роль, у поклонниковъ трагика замирало сердце при мысли: «а вдругъ онъ къ концу пьесы сорвется»... Но голосъ Мочалова постепенно восходилъ до необыкновенной силы, и въ немъ слышалась именно сила, а не крикъ.

Благодаря подвижному и выразительному лицу, мимика Мочалова была замѣчательная, и потому нѣмья сцены отличались у него необыкновенною силой и художественностью. Вообще же внѣшняя сторона игры Мочалова была по большей части очень слаба. У него замѣчались своего рода пріемы игры, любимые жесты, а среди нихъ и тѣ утрированные, тривіальные, вродѣ хлопанья себя по ребрамъ, которые были бы подѣйствовать развѣ бездарному актеру. Были у него также выработанные и всегда пригодные пріемы, какъ, напримѣръ, паденіе на полъ. Онъ падалъ, какъ умѣютъ падать немногіе, и умѣлъ разнообразить эти паденія. Онъ падалъ на спину мгновенно, какъ бы подкошенный; иногда онъ медленно опускался на полъ; падалъ въ судорогахъ, какъ, напримѣръ, въ «Отелло». Умиралъ Мочаловъ на сценѣ всегда «съ достоинствомъ»,—говоритъ современникъ,—т. е., вѣроятно, не слишкомъ реально, не примѣняя къ игрѣ клиническіе пріемы.

На гримъ и костюмъ Мочаловъ не обращалъ особеннаго вниманія. Пренебреженіе къ внѣшности доходило у него чуть не до нелѣпостей. Вотъ онъ играетъ Мортимера, и при этомъ нисколько не заботится о томъ, чтобы сбрить бакенбарды, и является человѣкомъ лѣтъ сорока, а не двадцатилѣтнимъ юношей. Таковъ же онъ былъ и въ Ромео. Упреки за костюмъ не рѣдки въ устахъ его критиковъ.

Но все это было скорѣе слѣдствіемъ дурныхъ привычекъ, своеобразныхъ взглядовъ, чѣмъ сознательною невнимательностью къ искусству и публикѣ. Многіе изъ современниковъ удостовѣряютъ, что Мочаловъ всегда добросовѣстно относился къ дѣлу, бывалъ аккуратно на репетиціяхъ, твердо зналъ роли и совершенно не нуждался въ суфлерѣ. По словамъ другихъ, все это было почти совсѣмъ наоборотъ. Противорѣчія въ этомъ случаѣ явились въ зависимости отъ личныхъ впечатлѣній людей, сталкивавшихся съ нимъ въ тѣ или иныя минуты его жизни, наблюдавшихъ его игру въ томъ или другомъ ея видѣ.

Несомнѣнно, однако, что Мочаловъ не принадлежалъ къ тѣмъ идеальнымъ жрецамъ чистаго искусства, которые свято чтутъ и охраняютъ чистоту своего божества. «Онъ не любилъ безкорыстно искусства, а любилъ славу», — замѣтилъ про Мочалова Аксаковъ, и въ этихъ словахъ много горькой правды. Мочаловъ, съ перваго дебюта любимецъ публики, былъ избалованъ оваціями и, по отзывамъ его горячихъ поклонниковъ, вызывалъ ихъ всѣми позволительными и непозволительными средствами. Къ «непозволительнымъ средствамъ» онъ привыкъ съ юности; онъ перенялъ ихъ у своего учителя и воспитателя для сцены — у своего отца. Въ одномъ изъ первыхъ критическихъ отзывовъ объ игрѣ Мочалова ему уже совѣтуютъ избѣгать «того, что въ живописи называютъ *манеромъ*, тѣхъ наслѣдственныхъ и пріобрѣтенныхъ выходокъ, которыхъ критикъ показать ему не умѣетъ за недостаткомъ способовъ типографическихъ, но которыя онъ самъ тотчасъ узнаетъ по первому рукоплесканію съ парадиза». Вотъ это-то угожденіе вкусамъ неразвитой части публики лежитъ темнымъ пятномъ на сценической дѣятельности Мочалова. Онъ зналъ, чѣмъ угодить своей публикѣ и добивался успѣха иногда и этимъ способомъ. Такіе случаи, объ одномъ изъ которыхъ рассказываетъ Аксаковъ, бывали, конечно, не рѣдки. Въ какой-то новой переводной пьесѣ Мочаловъ игралъ большую и трудную роль. Онъ игралъ совсѣмъ не то, что слѣдовало, но публика осыпала его рукоплесканіями и единодушно вызывала по окончаніи пьесы. Торжествующій Мочаловъ, увидѣвъ на сценѣ Шаховского, под-

летѣлъ къ нему съ низкими поклонами и сказалъ: «Ваше сіятельство, хотя публика удостоила меня лестнаго одобренія-сь, но мнѣніе вашего сіятельства для меня всего дороже-сь. Можетъ быть-сь, я не всю роль игралъ правильно. Удостоите меня вашими замѣчаніями». Шаховской отвѣчалъ ему: «Хоть публика тебя, любезный Павелъ Степановичъ, и вызвала, но ты игралъ чортъ знаетъ кого». Шаховской сказалъ это мимоходомъ и исчезъ. Мочаловъ попросилъ Аксакова разъяснить ему, отъ чего князь недоволенъ. Понявъ, казалось, разъясненіе, Мочаловъ сказалъ: «Извольте, я исполню ваше желаніе-сь и послѣ завтра сыграю эту роль точно такъ, какъ вы требуете». И дѣйствительно въ слѣдующій спектакль онъ сыгралъ два первые акта точно такъ, какъ обѣщалъ; но публика, встрѣтивъ его рукоплесканіями, въ продолженіе двухъ актовъ уже ни разу ему не хлопнула. Наконецъ, въ третьемъ актѣ, въ срединѣ сильной сцены, которая была ведена прекрасно, а публикой принимаема равнодушно, Мочаловъ взглянулъ на Аксакова, потрясъ немного головой, поднялъ свой голосъ октавы на двѣ и пошелъ горячиться. Это былъ совершенный разладъ и съ прежней его игрой, и съ характеромъ роли; но публика точно проснулась и до конца пьесы не переставала аплодировать. Увидавъ потомъ Аксакова на сценѣ, Мочаловъ сказалъ ему: «Виноватъ-сь, не вытерпѣлъ... Но, Сергѣй Тимофеевичъ, вѣдь актеръ-сь играетъ для публики. Пять-шесть знатоковъ будутъ имъ довольны-сь, а публика станетъ зѣвать отъ скуки и, пожалуй, разѣдется... Повѣрьте, что сегодня не дослушали бы пьесы, еслибы я не перемѣнилъ-сь игру».

Другой очевидецъ рассказываетъ случай, показывающій, что иногда Мочаловъ игралъ плохо не только по отсутствію у него въ этотъ вечеръ вдохновенія, а по причинѣ далеко не духовной. Въ Одессѣ давали какъ-то «Разбойниковъ» Шиллера. Мочаловъ, игравшій Карла Моора, одѣлся и до начала вышелъ на сцену. Къ нему подошелъ режиссеръ.

— Каковъ сегодня сборъ? — отрывисто спросилъ Мочаловъ, видимо бывшій въ этотъ день въ дурномъ расположеніи духа.

Режиссеръ замаялся.

— Сегодня, Павелъ Степановичъ, не знаю почему... вѣроятно, какая-нибудь случайность... публики очень мало...

Мочаловъ наморщилъ брови, приблизился къ занавѣсу, посмотрѣлъ въ прорѣзанное въ немъ круглое отверстіе и, тотчасъ же отойдя, сердито проворчалъ:

— Пустыня какая-то... Не стоитъ играть для такой горсти.

И, велѣвъ подать себѣ закулисный экземпляръ пьесы, онъ началъ краснымъ карандашемъ дѣлать большія вымарки, говоря:

— Довольно съ нихъ будетъ и этого.

И «Разбойники» прошли въ самомъ искаженномъ и сокращенномъ видѣ. А самъ Карлъ Мооръ почти всю роль проговорилъ себѣ подъ носъ и провелъ такъ небрежно, что позволю себѣ такое исполненіе другой, обыкновенный актеръ, его бы непременно ошикала публика и оштрафовала администрація ¹²³⁾.

XV.

Свойства натуры и характера П. С. Мочалова.

Актеръ, какъ и всякій другой дѣятель, вноситъ въ свою работу свои человѣческія достоинства и недостатки. Мочаловъ отличался этимъ въ особенности. Въ его игрѣ и вообще во всей его многолѣтней дѣятельности на сценѣ ярко запечатлѣлись его субъективныя качества, подчинявшія его себѣ, какъ артиста. Знакомясь съ Мочаловымъ, какъ съ личностью, полнѣе понимаешь его, какъ артиста, вѣрнѣе объясняешь свойства его таланта.

Мочаловъ обладалъ сложнымъ характеромъ, основными чертами котораго были: слабость воли и пылкость натуры. Въ жизнь онъ вступилъ юношей, безъ всякой, очевидно, къ ней подготовки, не выработавъ въ себѣ ни нравственныхъ принциповъ, ни твердости воли. Воспитаніе въ этомъ отношеніи, какъ мы видѣли, не могло дать ему ничего полезнаго. Закулисный бытъ и сценическая дѣятельность тѣмъ болѣе не могли закалить его характеръ. Съ первыхъ шаговъ его на сценѣ, увлеченный успѣхомъ, Мочаловъ не задумывался надъ собою: движенія сердца, порывы чувствъ и страстей руководили имъ во всѣхъ его поступкахъ, и взять самого себя въ руки стало для него на всю жизнь величайшей трудностью, не выполнимымъ дѣломъ.

Слабость воли и пылкость натуры, къ несчастью, соединившіяся съ другими причинами, увлекли Мочалова съ молодыхъ лѣтъ безъ оглядки въ ту пучину забвѣнія, которая вѣчно открыта передъ человѣкомъ, потопившимъ въ винѣ свои радости и горе. Вотъ та бездна, въ которую летѣлъ Мочаловъ, пока не палъ разбитый,—разбитый не борьбою, а недугомъ своей пагубной страсти. Этотъ недугъ наложилъ свою разрушающую силу на всю жизнь и на всю дѣятельность Мочалова. Подъ вліяніемъ этой страсти, не сдерживае-

¹²³⁾ Вейнбертъ, стр. 80—81.

мой разсудкомъ, пылкость его переходила въ бѣшенство или сумасбродство, а воля совершенно уничтожалась.

Какъ всѣ пылкіе и вспыльчивые люди, Мочаловъ быстро воспламенялся и быстро охладѣвалъ. Его, какъ ребенка, могла раздражать и волновать какая-нибудь мелочь, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, могло и успокаивать одно слово, обрадовать или опечалить какая-нибудь бездѣлица. Невыдержанность и неустойчивость характера сказывались у него во всемъ; хотя и на него, какъ и на всѣхъ слабовольныхъ, нападали иногда припадки настойчивости. Въ обществѣ съ нимъ было тяжело: онъ былъ болѣзненно самолюбивъ и гордъ. «Какъ видно, что онъ родился и выросъ крѣпостнымъ человѣкомъ», — говорилъ Мочаловъ про Щепкина, который совѣтовалъ ему обратиться къ Верстовскому съ просьбою написать музыку къ пьснѣю Офеліи. Мочаловъ не хотѣлъ просить Верстовскаго только потому, что тотъ былъ его начальникомъ: «я терпѣть не могу низкопоклонничать передъ начальствомъ, да и не умѣю». Въ искренности этихъ словъ нельзя сомнѣваться; но нѣтъ причинъ не вѣрить, напримѣръ, и Аксакову, который утверждаетъ, что Мочаловъ чрезвычайно уважалъ графовъ, князей и генераловъ, особенно военныхъ, которыхъ даже боялся.

Гордость Мочалова имѣла своимъ источникомъ и двигателемъ, повидимому, не ту свободу духа и самостоятельность, которая возвышаетъ въ своихъ собственныхъ глазахъ людей съ твердымъ характеромъ, а самолюбіе, развитое у него до высшаго предѣла, какъ у артиста, путь котораго былъ устланъ лаврами. Отъ того-то гордость свою онъ и выказывалъ особенно въ минуты возбужденнаго состоянія, и тогда онъ могъ сказать всѣмъ: «Я — геній, я — Мочаловъ, — на колѣни предо мною!» Тогда онъ могъ вполне искренно разыграть и подобную сцену. Остановившись разъ въ толпѣ простого народа у памятника Минина и Пожарскаго, онъ спрашиваетъ, указывая на памятникъ и принимая театральную позу:

— Знаете-ли вы, кто это?

Ему отвѣчаютъ.

— А знаете-ли вы, кто я?

— Нѣтъ, не знаемъ.

— Глупая, необразованная чернь! — съ презрѣніемъ говоритъ Мочаловъ.

И то же самолюбіе служило средствомъ къ укрощенію его бурныхъ порывовъ. Ему тогда можно было сказать: «Павелъ Степановичъ, какъ вамъ не стыдно, одумайтесь... Вы забыли, что вы — геній, а тѣ, что передъ вами, —

толпа, чернь... Зачѣмъ же вы унижаете себя въ ея глазахъ?» Такія слова могли сразу усмирить Мочалова.

Свое званіе артиста Мочаловъ ставилъ выше всего и оберегалъ его отъ всякаго униженія. Разъ передъ его бенефисомъ пріѣзжаетъ къ нему какой-то знакомый и проситъ, чтобъ онъ поѣхалъ къ извѣстному тогда миллионеру, фабриканту Гучкову, и самъ бы свезъ къ нему билеты на свой бенефисъ. Если онъ это сдѣлаетъ,—уговаривалъ его знакомый, — то получить сервисъ въ 500 рублей, который приготовленъ ему у Гучкова. Мочаловъ отвѣчалъ на это: «Билеты на бенефисъ актера Мочалова продаются въ Большомъ театрѣ».

Наряду съ гордостью, въ Мочаловѣ жила робость, переходившая даже въ трусливость. Шумный и развязный въ минуты опьяненія, онъ былъ въ обыкновенномъ состояніи тихъ и скромнъ. Постоянная замкнутость развила въ немъ застѣнчивость. Но всѣ отрицательныя стороны натуры и характера Мочалова не мѣшали ему обладать добрымъ, отзывчивымъ сердцемъ. И въ добротѣ онъ не зналъ предѣла, какъ и во всемъ другомъ. Въ добромъ сердечномъ порывѣ онъ былъ готовъ отдать нуждающемуся послѣднее. Мочалова по истинѣ можно было назвать безсребренникомъ. Деньги у него никогда не залеживались, а если и заводились, то онъ щедро ихъ тратилъ.

Въ наше семейство,—разсказываетъ его дочь,—ходила одна старушка изъ купечества, очень почтенная особа, но бѣдная. Одинъ разъ она приходитъ къ моей бабушкѣ и разсказываетъ ей свое горе: ея любимаго сына отдаютъ въ солдаты. Отецъ все это слышалъ изъ другой комнаты. Вдругъ онъ выходитъ оттуда, выноситъ сто рублей и отдаетъ ихъ старушкѣ, — конечно, затѣмъ, чтобъ она наняла за сына рекрута-охотника. У Мочалова это были послѣднія деньги,—себѣ онъ оставилъ только одинъ рубль.

Другой случай, въ которомъ тоже фигурируетъ «рубль», интересенъ для характеристики Мочалова и въ иномъ отношеніи. Проѣзжалъ онъ какъ-то мимо работнаго дома. Арестанты-работчіе, прикованные къ тачкамъ, завидѣвъ его, стали просить милостыню. Мочаловъ порывъ въ карманахъ и выбросилъ имъ послѣдній рубль, который тамъ нашелся. Поѣхавъ дальше, онъ вздумалъ зайти къ извѣстному тогда въ Москвѣ юродивому и «прорицателю». Ивану Яковлевичу Корейшѣ, обитавшему въ домѣ умалишенныхъ. Тотъ на порогѣ встрѣтилъ его и сказалъ: «Ну, Павелъ, твой цѣлковый высоко полетѣлъ»... Мочалова страшно поразили слова Корейши: какъ онъ могъ знать его имя, какъ могъ знать случай съ арестантами, на который, очевидно, наме-

калъ. Съ него и хмель соскочилъ. Онъ не зашелъ къ юродивому и бросился отъ него чуть не бѣгомъ.

Этимъ разсказомъ доказывается отчасти и то, что Мочаловъ былъ суевѣренъ и, какъ мы сказали выше, даже трусливъ. По этому поводу разскажемъ слѣдующее воспоминаніе. Въ началѣ октября 1847 года онъ долженъ былъ выступить на Орловскомъ театрѣ въ «Гамлетѣ». Была уже выпущена и афиша. Въ день спектакля, вставъ, по обыкновенію, рано утромъ, Мочаловъ подошелъ къ окну гостинницы, и глазамъ его представилось такое зрѣлище: съ хоругвями, крестомъ и иконами, въ сопровожденіи духовенства, шла погребальная процессія; за ней, спустя нѣкоторое время,—другая, затѣмъ—и третья. Мочаловъ сначала изумился, а потомъ и испугался. Позванъ былъ слуга, который и разъяснилъ, въ чемъ дѣло: оказалось, что въ Орлѣ—холера. На Мочалова извѣстіе это нагнало такой страхъ, что онъ тотчасъ собрался и уѣхалъ въ Москву, даже не сообщивъ мѣстному антрепренеру объ отъѣздѣ.

Съ добротою сердца у Мочалова соединялись великодушіе, честность и благородство. Эти качества были лучшимъ богатствомъ въ сокровищницѣ его души; ими же онъ характеризовался и какъ человѣкъ истинно русскій, со всѣми его достоинствами и недостатками.

Одною изъ яркихъ отличительныхъ чертъ Мочалова была его религіозность, — религіозность вполне неподдѣльная. Онъ свято чтилъ всѣ обряды церкви, бывалъ въ храмѣ у службы,—особенно у ранней обѣдни, въ тѣхъ церквяхъ, гдѣ пѣли хорошіе пѣвчіе,—молился всегда искренно, слушалъ проповѣди. Утромъ и вечеромъ онъ обыкновенно простаивалъ по часу на молитвѣ, колѣнопреклоненный. Выходя изъ дому, любилъ помолиться на Кремль: «Такъ какъ-то святѣе»,—говорилъ онъ. Кошунственныхъ словъ никогда не слышно было изъ его устъ.

XVI.

Личная жизнь П. С. Мочалова.—Его среда и общество.

Какъ проходила личная жизнь Мочалова, нашелъ-ли онъ свое личное счастье, какими личными и общественными интересами онъ жилъ, въ какой средѣ вращался, кого любилъ и ненавидѣлъ, его мечты и идеалы, его поэзія и проза—все это вопросы, на которые долженъ отвѣтить біографъ. Но для того, чтобы на эти вопросы дать точные отвѣты, — и по внѣшнимъ фактамъ, и по внутреннему ихъ освѣщенію, — надо хорошо знать событія

жизни, надо изучить умственно-нравственный міръ трагика. А для этого, — приходится повторить снова, — мало матеріала представляютъ извѣстныя данныя, и въ этомъ отношеніи переписка и вообще бумаги Мочалова пролили бы много свѣта на его личность. Пока же лишь одни рассказы другихъ лицъ о Мочаловѣ обрисовываютъ до извѣстной степени личную его жизнь, уровень развитія и запросы ума, души и сердца.

Мы уже знаемъ, какъ воспитаніе отразилось на Мочаловѣ-артистѣ. Освободиться изъ подъ этого вліянія не пришлось ему и какъ человѣку: Мочаловъ на всю жизнь и въ значительной степени остался плотью отъ плоти и кровью отъ крови той среды, въ которой родился и выросъ. Несомнѣнно, однако, что эта среда не отвѣчала на его запросы и порывы, не удовлетворяла самымъ насущнымъ его душевнымъ потребностямъ. Несомнѣнно это потому, что Мочаловъ рѣшался на попытки сбросить съ себя притупляющее, обезцвѣчивающее вліяніе среды и примкнуть къ кругу людей иного образованія и развитія. И характерно, что попытки эти не были съ его стороны активными движеніями борющейся съ жизнью натуры, а лишь пассивнымъ подчиненіемъ указаніямъ и совѣтамъ доброжелателей. Съ большой вѣроятностью можно предполагать, что и тѣ любители искусства, которые хотѣли, черезъ годъ послѣ перваго дебюта, отправить Мочалова въ Парижъ, «для окончательнаго образованія и совершенства его таланта», — и они пытались вывести его изъ заколдованнаго круга его среды. Это было скорѣе возможно и даже болѣе плодотворно, чѣмъ отправлять артиста-юношу въ Парижъ. Но сладить съ нимъ не удалось его «благодѣтелямъ», и лѣтъ черезъ восемь Мочаловъ, еще молодого человѣка, уже характеризовали, какъ «дикаго въ обществѣ порядочныхъ людей». Такъ рекомендовалъ его одинъ изъ видныхъ членовъ тогдашняго театрално-литературнаго кружка, водевилистъ А. И. Писаревъ, С. Т. Аксакову, у котораго, подъ впечатлѣніемъ чудной игры Мочалова, зародился планъ «подружиться, сблизиться съ артистомъ, ввести его въ кругъ своихъ пріятелей и употребить всѣ средства для его образованія». И Мочаловъ былъ тронутъ этимъ участіемъ: въ несвязныхъ словахъ бормоталъ онъ, что сочтетъ за особенное счастье воспользоваться расположеніемъ Аксакова. Однако, это доброе намѣреніе не имѣло никакого успѣха, и вотъ какъ Аксаковъ объ этомъ рассказываетъ: «Сначала онъ хаживалъ ко мнѣ только рано по утрамъ, чтобы ни съ кѣмъ у меня не встрѣтиться. Мы читали съ нимъ другъ другу то Пушкина, то Баратынскаго, то Козлова, который ему почему-то особенно нравился. Много говорили о театрѣ, о сценическихъ усло-

віяхъ, о той мѣрѣ огня и чувства, которою владѣли славные актеры. Но я видѣлъ, что, несмотря на отвѣты Мочалова: «да-съ, точно такъ-съ, совершенно справедливо-съ»,—слова мои отскакивали отъ него, какъ горохъ отъ стѣны. Одинъ разъ Мочаловъ пришелъ ко мнѣ въ такомъ видѣ, что я долженъ былъ вывести его насильно, и съ тѣхъ поръ онъ у меня въ домѣ уже не бывалъ» ¹²⁴). Въ своемъ разсказѣ Аксаковъ дѣлаетъ ясный намекъ на неразвитость Мочалова, благодаря чему онъ туго воспринималъ разныя мысли и слова объ отвлеченныхъ предметахъ, которые «отскакивали отъ него, какъ горохъ отъ стѣны». Это сознавалъ, конечно, и самъ Мочаловъ, и, можетъ быть, онъ и явился къ Аксакову «въ такомъ видѣ», чтобы воодушевиться. Сознавалъ онъ это всегда, что и было одною изъ многихъ причинъ, сгубившихъ его безвозвратно.

Отчужденность отъ общества развилась въ послѣдствіи у Мочалова до того, что, прійдя, на примѣръ, въ извѣстную «литературную кофейню», онъ не входилъ въ залъ, гдѣ уже были посѣтители, а садился у столика въ передней комнатѣ, противъ буфета, наскоро выпивалъ чашку кофе и затѣмъ торопливо удалялся, какъ бы боясь, чтобы кто-нибудь не завелъ съ нимъ разговора ¹²⁵).

Уклонившись волей или неволей отъ круга людей образованныхъ, жившихъ интересами науки, литературы и искусства, — отъ круга, въ которомъ когда-то вращались актеры Волковъ, Дмитревскій, Плавильщиковъ и нѣкоторые другіе, къ которому тѣсно примыкалъ Щепкинъ, — Мочаловъ и вообще не принадлежалъ къ какому бы то ни было строго ограниченному кружку лицъ, соединенныхъ тѣми или иными условіями жизни и интересами. Среди товарищей по службѣ у Мочалова не было никого, кто бы съ нимъ былъ сердечно близокъ, какъ другъ; вообще знакомство его съ сослуживцами ограничивалось чисто внѣшними отношеніями.

Въ закулисномъ мірѣ, среди его дѣятелей, творилось много дурного и темнаго, и это, конечно, не могло заставить Мочалова искать тамъ себѣ друга. «Я люблю театръ, я живу только на сценѣ»,—говорилъ онъ,—«но бываютъ минуты, когда всѣ дразни и мелочи закулисной жизни такъ возмущаютъ, такъ тяжело ложатся на сердце, что готовъ сейчасъ бросить и театръ, и родную Москву—и уѣхать» ¹²⁶). Нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей Мочаловъ лю-

¹²⁴) Аксаковъ, стр. 101, 174, 175.

¹²⁵) Галаховъ, стр. 183.

¹²⁶) Шумилова, стр. 472.

билъ, какъ, напимѣръ, П. Степанова, Цыганова, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ Максинъ, были соучастниками его кутежей; но долготѣней, задушевной близости между ними не было. На Цыганова, актера-поэта, Мочаловъ, видимо, имѣлъ вліяніе, и трагику, своему собрату по сценѣ и поэзіи, Цыгановъ посвятилъ «съ душевнымъ чувствомъ» нѣкоторыя изъ своихъ стихотвореній, «исполняя его желаніе» ¹²⁷⁾).

Среди своихъ горячихъ поклонниковъ Мочаловъ избиралъ людей, нравившихся ему, и они становились къ нему болѣе или менѣе близкими. Къ такимъ лицамъ принадлежали Беклемишевъ и Дьяковъ. Къ сожалѣнію, мало сохранилось данныхъ для характеристики этихъ друзей Мочалова и для опредѣленія того или иного ихъ вліянія на трагика. Беклемишевъ, въ молодости служившій въ гусарахъ, былъ лѣтъ на пятнадцать моложе Мочалова ¹²⁸⁾. Онъ написалъ драму «Майко», въ которой Мочаловъ игралъ главную роль ¹²⁹⁾. Ему же принадлежитъ статья о Мочаловѣ и Каратыгинѣ ¹³⁰⁾. Вотъ и всѣ свѣдѣнія о немъ, не дающія, къ сожалѣнію, никакихъ указаній на причины той дружеской связи, которая существовала между Беклемишевымъ и Мочаловымъ. По всей вѣроятности, помимо поклоненія одного изъ нихъ другому, какъ артисту, ихъ связывало единеніе вокругъ «чаши забвенія».

По отношенію къ Дьякову это существовало навѣрное. Дьяковъ, учитель каллиграфіи, непризнанный поэтъ, актеръ - любитель, поразительно подражавшій Мочалову, былъ, по выраженію одного современника, «человѣкъ извѣстный всей Москвѣ различными своими похождениями, всегда веселый, всегда на-веселѣ» ¹³¹⁾. По другой характеристикѣ, Дьяковъ былъ «умень, краснорѣчивъ и большой кутила, пылокъ, восторженъ и до безумія любилъ Мочалова» ¹³²⁾.

Разсказъ одного изъ современниковъ рисуетъ намъ отношенія Мочалова къ его поклонникамъ, изъ которыхъ особенно угождали ему Дьяковъ и актеръ Максинъ. Во время возліяній Мочаловъ, бывало, закричитъ: «Дьяковъ — си-

¹²⁷⁾ Мерзляковъ и Цыгановъ. «Русскія пѣсни». Спб. 1880.

¹²⁸⁾ С. А. Венеровъ. «Русскія книги». Вып. XIV, стр. 175.

¹²⁹⁾ Трагедія «Майко» напечатана въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ», 1847, т. III, и издана отдѣльно (Спб. 1847. 8°).

¹³⁰⁾ Н. В. Беклемишевъ. «Матеріалы для сценической біографіи Мочалова. Мочаловъ и Каратыгинъ» («Драматическій Сборникъ», 1860, кн. 4-я и 5-я, стр. 1—15; перепечатано изъ «Литературной Газеты», 1844).

¹³¹⁾ Н. В. Бергъ. «Московскія воспоминанія» («Русская Старина», 1884, № 10, стр. 55).

¹³²⁾ Пшумилова, стр. 475—476.

гарку!»—и этотъ немедленно исполняетъ требованіе. «Болванъ, развѣ такъ надобно подносить мнѣ? Максинъ, научи его»... Максинъ, здоровенный дѣтина, немедленно схватываетъ Дьякова, кладетъ его себѣ на руки, какъ малаго ребенка, животомъ вверхъ, а на животъ кладетъ сигарку и такимъ способомъ подноситъ ее Мочалову ¹³³).

Понятно, что въ состояніи опьянѣнія Мочаловъ сближался съ людьми низменныхъ вкусовъ и неразвитаго ума. По мнѣнію дочери трагика, именно его несчастная страсть мѣшала ему бывать въ обществѣ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Въ числѣ знакомыхъ Мочалова встрѣчались и студенты; между ними былъ извѣстный впослѣдствіи С. А. Юрьевъ. Студенты увлекались игрою Мочалова, и можно себѣ представить какое неотразимое вліяніе имѣла она на юношей, склонныхъ къ восторженности. «Я не могу передать словами»,—разсказываетъ одинъ изъ бывшихъ студентовъ, сдѣлавшійся потомъ и самъ актеромъ,—«весь восторгъ, всѣ ощущенія свои при игрѣ великаго трагика. Съ этого вечера поселилась во мнѣ мысль быть актеромъ и такъ привилась ко мнѣ, что я вмѣсто лекцій доставалъ, гдѣ могъ, драмы и трагедіи, читалъ и декламировалъ ихъ» ¹³⁴). Мочаловъ любилъ молодежь и, по разсказамъ, бывалъ въ гостяхъ у студентовъ, такъ же, какъ и они у него.

Въ общественной жизни Мочаловъ врядъ-ли принималъ какое-либо участіе,—во первыхъ, потому, что въ то время актерамъ для этого не были еще раздвинуты рамки, а во вторыхъ, и по своей необщительности. Впрочемъ, ему случалось иногда выступать, въ качествѣ чтеца, на публичныхъ вечерахъ. Такъ, онъ читалъ на торжественномъ собраніи Общества Любителей Россійской Словесности ¹³⁵) и на благотворительномъ вечерѣ, который устроилъ Щепкинъ въ одномъ частномъ домѣ, великимъ постомъ 1843 года; на послѣднемъ Мочаловъ читалъ «Чернеца» Козлова ¹³⁶).

Такимъ образомъ, ни среда, ни общество, ни общественная жизнь, насколько можно судить по имѣющимся даннымъ, не дали Мочалову ни нравственнаго удовлетворенія, ни хорошаго добраго вліянія, — не дали отчасти потому, что онъ и самъ не искалъ этого, и потому, что мѣшала этому сама судьба, въ видѣ окружавшихъ трагика условій и обстоятельствъ.

¹³³) Галаховъ, стр. 189.

¹³⁴) И. И. Лавровъ. «Автобіографія». Харьковъ. 1895. Стр. 7.

¹³⁵) 23-го декабря 1829 года (Барсуковъ. «Жизнь и труды М. Т. Погодина», т. II, стр. 405.—Дмитріевъ. «Мелочи изъ запаса моей памяти», стр. 172).

¹³⁶) Ригельманъ. «Вечера для чтенія» («Москвитянинъ», 1843, № 5).

XVII.

Личная жизнь П. С. Мочалова.—Его семья, домашняя жизнь, обычаи и привычки.

Семейная жизнь не принесла Мочалову радостей. И это тѣмъ печальнѣе, что, найди онъ въ своей женѣ человѣка съ теплой душой и открытымъ сердцемъ, способную понимать мужа, сочувствовать ему, жить его радостями и горемъ, тогда и сгубившая его страсть не развилась бы до такихъ ужасающихъ размѣровъ, и для сцены Мочаловъ, можетъ быть, былъ бы другимъ.

Бракъ Мочалова былъ въ нравственномъ смыслѣ «неравный», принесшій ему въ конецъ испорченную жизнь. Жена его, урожденная Баженова, приходилась дочерью содержателю той самой «литературной кофейни», близъ Александровскаго сада, частымъ посѣтителемъ которой былъ Мочаловъ. Сохранился анекдотическій рассказъ о томъ, что Мочаловъ задолжалъ Баженову нѣсколько сотъ рублей за выпитую водку и, не имѣя денегъ, предложилъ небывалую уплату: себя въ мужья дочери трактирщика ¹³⁷⁾. Конечно, этотъ рассказъ вымышленный, и можно вполне согласиться съ дочерью трагика, что Мочаловъ легко бы нашелъ деньги, чтобы расплатиться съ долгомъ ¹³⁸⁾. Онъ женился потому, что будущая его жена была хороша собою и ему очень нравилась. Онъ, пылкій и страстный человѣкъ, тогда еще очень молодой, только что перешедшій на третій десятокъ лѣтъ ¹³⁹⁾, увлекся и не подумалъ объ ожидающей его будущности. Въ этомъ смыслѣ и надо пони-

¹³⁷⁾ *Н. Я. Аванасьевъ*. «Воспоминанія» («Историческій Вѣстникъ», 1890, № 7, стр. 37—38). Тоже повторяетъ, со словъ актера, товарища Мочалова, и г. Садовскій («Артистъ», 1890, кн. 3-я, стр. 47), поясняя при этомъ, что Мочаловъ задолжалъ трактирщику «за тенорифское и ветчину».

¹³⁸⁾ *Шуმიлова*, стр. 110.

¹³⁹⁾ Мочаловъ женился въ началѣ 20-хъ годовъ. Въ одной изъ статей, появившихся по поводу чествованія памяти Мочалова въ 1898 году, утверждается категорически, что Мочаловъ женился «года за два до смерти» («Народъ», № 442, ст. *В. С. К—ва*), что безусловно не вѣрно. Къ подобнаго рода крупнымъ и курьезнымъ ошибкамъ относятся, напримѣръ, и слѣдующія, попавшія въ статьи по поводу 50-ти-лѣтія со дня смерти Мочалова. Авторъ одной изъ нихъ выпускаетъ Мочалова на сцену въ 1819 году и женить его также за два года до его смерти («Новое Время», № 7918). Другой авторъ, кромѣ другихъ неточностей, между прочимъ сообщаетъ: Мочаловъ, узнавъ о томъ, что въ театрѣ находится Грибоѣдовъ, «хотѣлъ постараться и сыграть роль Чацкаго такъ плохо, какъ никогда не игралъ ее ни до, ни послѣ этого спектакля» («Новое Время», № 7921, ст. *М. В. Кариньва*); Грибоѣдовъ же, какъ извѣстно, умершій 30-го января 1829 года, не видалъ на сценѣ своего «Горя отъ ума».

мать слова Аксакова, что трагикъ женился «Богъ знаетъ изъ какихъ расчетовъ», т. е. необдуманно, очертя голову.

Наталя Ивановна, жена Мочалова, выросла въ мѣщанско-купеческой семьѣ, была женщиной необразованной и неразвитой. Въ ней, — говорить одинъ изъ современниковъ, — было все прозаично; она не имѣла понятія о сильныхъ ощущеніяхъ, которыхъ искалъ ея мужъ, не могла ни въ чемъ ему сочувствовать; все у нихъ шло безъ согласія, врозь ¹⁴⁰⁾. Очевидно, это была холодная натура, не согрѣтая ни любовью, ни жалостью къ человѣку, въ которомъ было такъ много хорошаго. Въ воспоминаніяхъ о ней передаются случаи ея безучастности и равнодушія къ мужу ¹⁴¹⁾.

Изъ разсказа дочери трагика мы видимъ, что жизнь Мочалова въ семьѣ проходила счастливо. Но авторъ этихъ воспоминаній, защищающій, по вполне естественному чувству, память своихъ родителей отъ тяжелыхъ нареканій, самъ говоритъ, что такъ жизнь проходила на ея глазахъ, т. е. въ послѣднія 10—15 лѣтъ передъ смертью Мочалова. А было время, когда охлажденіе его къ женѣ достигло такой степени, что онъ сошелся съ другой женщиной, актрисой Петровой, и привязался къ ней. Развязка этого романа совершилась на такой почвѣ, которая не сулила въ будущемъ ничего свѣтлаго для семейной жизни Мочалова. Тестъ его вступился въ это дѣло и не нашелъ лучшей мѣры образумить зятя, какъ прибѣгнуть къ содѣйствію административной власти. Мочаловъ, подъ вліяніемъ угрозъ, возвратился къ женѣ; но могла-ли послѣ этого возвратиться въ его сердце хоть капля того хорошаго чувства, которое онъ когда-нибудь питалъ же къ женѣ? Потянулась та жизнь, которая вытекаетъ изъ внѣшняго соблюденія обязанностей, переходитъ въ привычку и налагаетъ на неудовлетвореннаго человѣка отпечатокъ нравственнаго гнета, тяжесть котораго онъ старается облегчить виннымъ угаромъ или чѣмъ-нибудь подобнымъ. Въ этомъ-то періодѣ, надо полагать, и наблюдала семейную жизнь трагика его дочь, утверждающая также, что мать ея страстно любила мужа, какъ артиста и человѣка.

¹⁴⁰⁾ Галаховъ, стр. 190.

¹⁴¹⁾ Н. И. Мочалова надолго пережила своего мужа. Изъ «дѣла» о Мочаловѣ видно, что, послѣ смерти мужа, ей, по ея прошенію, былъ назначенъ пенсіонъ по 571 р. 42 коп. въ годъ; на прошеніе же дочери Мочалова о томъ же, дирекція отвѣтила отказомъ, въ виду того, что ей было уже больше 18 лѣтъ. Затѣмъ отношеніемъ отъ 23-го января 1870 года дирекція Императорскихъ театровъ запрашивала Московскую контору, находится-ли въ живыхъ вдова Мочалова, на что контора отвѣчала, что, по частнымъ слухамъ, Мочалова находится въ Смоленскѣ.

Нѣтъ надобности приводить всѣхъ разсказовъ, иллюстрирующихъ семейную жизнь Мочалова. Но вотъ одинъ изъ нихъ, разсказанный очевидцемъ.

Однажды разсказывающему пришлось придти къ Мочалову по дѣлу. На извиненіе посѣтителя за безпокойство, Мочаловъ воскликнулъ:

— Помилуйте, что за безпокойство, напротивъ, я очень радъ: при моей болѣзни одиночество хуже всего, а я всегда, какъ вотъ видите, одинъ.

— Какъ одинъ, а семья?

Мочаловъ нахмурился, глаза его загорѣлись какимъ-то лихорадочнымъ огнемъ.

— Семья,—сказалъ онъ,—моя семья... тамъ наверху... ¹⁴²⁾.

И развѣ не горькая доля испытаннаго одиночества слышится въ его стихотвореніи «Къ дочери», въ которомъ онъ молитъ Творца благословить дѣвушку *товарищемъ съ душой*... Тѣ же мотивы тоски, душевнаго одиночества звучатъ и въ другихъ его стихотвореніяхъ: «скучно, грустно одинокимъ жить», ему тяжело въ веселой бесѣдѣ друзей, и онъ остается «одинъ съ своей тоской».

Уже изъ одного факта развитія его погубной страсти къ вину можно заключить, что къ семьѣ его не привязывало сильное чувство. Какъ человѣкъ благородный и честный, онъ заботился о семьѣ, но руководился въ этомъ случаѣ обязанностью, а не чувствомъ. Этому нисколько не противорѣчатъ слова его дочери: «Отецъ мой любилъ жену, постоянно дѣлалъ ей дорогіе подарки, любилъ, чтобы она всегда ходила разодѣтой, и, напротивъ, терпѣть не могъ, когда я надѣвала брилліанты». Она же замѣчаетъ: «Да и любилъ-ли онъ кого въ жизни? Не думаю,—по крайней мѣрѣ, если понимать чувство любви во всемъ объемѣ этого слова. Онъ могъ влюбляться и увлекаться, но едва-ли онъ могъ любить».

Дочку свою Мочаловъ баловалъ, какъ малаго ребенка, а въ тѣ часы, когда имъ овладѣвала губительная страсть, онъ, по словамъ дочери, «любилъ тогда только ее одну, звалъ къ себѣ въ кабинетъ, заставлялъ ее читать стихи и самъ ей читалъ». Это еще ярче рисуетъ душевное одиночество трагика, который не находилъ кругомъ себя никого, кому бы могъ излить свои чувства, высказать свои мысли; дочь, юная дѣвушка, не могла быть для него такимъ человѣкомъ. Насколько дружескими и близкими были отношенія его къ сестрѣ, извѣстной въ свое время актрисѣ, ни откуда не видно.

Остальные члены семьи Мочалова еще менѣе имѣли съ нимъ общаго

¹⁴²⁾ «Антрактъ», 1868, № 21.

Тестъ Мочалова, по характеристикѣ его внучки, былъ человѣкъ честный, держался на жизнь и на людей старинныхъ взглядовъ и понятій и любилъ своего зятя, исполнялъ всѣ его желанія. Зять, однако, не платилъ ему взаимностью: Мочаловъ и не любилъ, и не уважалъ своего тестя, — какъ рассказываетъ родственникъ трагика по женѣ ¹⁴²). «Мужикъ», а то и «дуракъ» — вотъ эпитеты, которыми въ минуты раздраженія Мочаловъ заочно величалъ Баженова. Да врядъ-ли и тестъ любилъ искренно своего гордаго, капризнаго и иногда буйнаго зятя: онъ, вѣроятно же всего, просто его побаивался.

Баженовъ долженъ сохранить за собою печальную память: это онъ продалъ букинистамъ или, по другимъ вариантамъ рассказовъ, сжегъ всѣ бумаги своего знаменитаго зятя.

Недолюбливалъ Мочаловъ и тещу свою, умную и энергичную женщину, до пожилыхъ лѣтъ сохранившую слѣды типичной русской красоты. Жила еще въ семьѣ бабушка жены Мочалова, помнившая «морь», Пугачевщину и многое бывшее; Мочаловъ любилъ съ нею бесѣдовать и слушать ея рассказы.

«Какъ семьянинъ», — говоритъ дочь Мочалова, — «отецъ вполне заслуживаетъ названіе «хорошаго семьянина». Въ домѣ цѣлый день, бывало, только и раздавался его голосъ». Родственникъ, наблюдавшій жизнь Мочалова за годъ или за два до его смерти, утверждаетъ, что связь его съ родными и домашними обнаруживалась лишь въ чисто внѣшнихъ сношеніяхъ. Ни отъ кого онъ не терпѣлъ прекословія или замѣчаній. Въ этомъ отношеніи онъ, случалось, доходилъ до мелочей и не терпѣлъ ничьего превосходства или авторитета. Когда, на примѣръ, по старому русскому обычаю, на столъ къ обѣду подавался цѣльный гусь или поросенокъ, никто не смѣлъ раньше Мочалова отрѣзать себѣ его любимый кусокъ; иначе онъ выходилъ изъ себя и готовъ былъ не обѣдать.

Домашній образъ жизни Мочалова былъ очень простъ и незатѣливъ. По описанію, относящемуся къ послѣднимъ годамъ жизни трагика, помѣщеніе его состояло изъ двухъ комнатъ, совершенно отдѣленныхъ отъ остальной части квартиры. Здѣсь Мочаловъ проводилъ почти все время, принималъ въ своемъ кабинетѣ гостей, обѣдалъ и проч. Обстановка всей квартиры носила характеръ обстановки средней купеческой семьи: на окнахъ стояли горшки съ геранью, было много иконъ, передъ которыми теплились лампы.

Вставалъ Мочаловъ обыкновенно часа въ четыре утра, долго молился Богу и затѣмъ пилъ кофе, который самъ себѣ и варилъ. Въ шесть часовъ

¹⁴²) С. И. Стеріопуло («Московскія Вѣдомости», 1897, № 351, ст. А. А. Ярцева).

онъ пилъ чай, и послѣ этого долго, долго ходилъ по комнатѣ, думая свои думы. Остальное время проходило въ театрѣ, на репетиціяхъ и спектакляхъ, а также въ кофейнѣ среди знакомыхъ. Въ минуты досуга Мочаловъ любилъ читать, писалъ стихи и письма ¹⁴⁴).

Надо думать, что Мочаловъ написалъ значительно больше того, что случайно попало въ печать. Помимо бумагъ, исчезнувшихъ изъ квартиры Мочалова послѣ его смерти, его стихотворенія, письма и автобіографія находились у редактора «Репертуара», Межевича, какъ сообщилъ объ этомъ Бѣлинскій въ некрологѣ трагика ¹⁴⁵).

Посѣщеніе церкви входило также въ жизнь Мочалова, какъ постоянное, установившееся явленіе.

Лѣтомъ, на дачѣ, Мочаловъ жилъ подѣ Москвою, въ Мазилѣ, близъ Кунцева.

Обычный образъ жизни Мочалова совершенно измѣнялся, когда на него находила непреодолимая страсть къ вину. Онъ или кутилъ на сторонѣ, или оставался дома, ложился и пилъ. Продолжалось это иногда недѣлями. Отказъ ему въ это время въ винѣ было нельзя, не доводя его до бѣшенства. Случалось ему доходить до галлюцинацій,—и такъ продолжалось, пока не наступалъ моментъ просвѣтленія.

Сохранилось нѣсколько разсказовъ о кутежахъ и попойкахъ Мочалова. Но что любопытнаго въ этихъ воспоминаніяхъ, — тяжелыхъ и удручающихъ картинахъ паденія человѣка, паденія артиста. Въ біографіи нельзя обойти

¹⁴⁴) За недостаткомъ матеріаловъ, трудно описать съ большими подробностями образъ жизни Мочалова. Но, во всякомъ случаѣ, это не тотъ фантастическій «день Мочалова», который нарисовалъ князь А. И. Сумбатовъ въ своей рѣчи на засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности въ память Мочалова. Отрывокъ изъ рѣчи, именно «День Мочалова», появился въ печати («Курьеръ», 1898, № 114). Авторъ предупреждаетъ, что «во всей этой картинѣ моя фантазія не при чемъ», и тутъ же оговаривается: «Я только намѣренно путаю хронологію». Но въ этой-то «путаникѣ» и есть вся неправда «Дня Мочалова». Не надо дѣлать критическаго разбора всѣхъ получившихся такимъ образомъ несообразностей: онѣ вполне понятны, если представить себѣ, что факты, принаровленные къ одному дню или даже къ извѣстному періоду, собраны изъ многихъ лѣтъ и когда многіе изъ нихъ уже являлись безвозвратно отжитыми и ничѣмъ не связанными съ даннымъ днемъ.

¹⁴⁵) Авторъ статьи «Актеръ-романтикъ» («Русская Мысль», 1898, № 3) не вѣрно замѣчаетъ, что «до насъ не дошла» драма Мочалова «Черкешенка», напечатанная ниже въ приложеніи.

молчаніемъ это явленіе, какъ фактъ; что же касается подробностей,—не всели равно, какія онѣ, разъ извѣстенъ печальный конецъ...

Болѣзнь Мочалова, можетъ быть, была получена имъ въ наслѣдство отъ отца, вмѣстѣ съ другими свойствами. Но несомнѣнно, что весь складъ жизни Мочалова, всѣ качества его натуры и характера были чрезвычайно благоприятною почвою для развитія этой страсти. Недостатокъ личнаго счастья и общая неудовлетворенность жизнью еще болѣе утѣснили эту почву. Слабости характера отнимала у него силу для борьбы съ несчастною страстью, сократившей ему жизнь и убивавшей талантъ. Въ общемъ же болѣзненная страсть заняла, къ несчастью, огромное мѣсто въ существованіи знаменитаго артиста. Въ этомъ отношеніи Мочаловъ близко напоминаетъ своего предшественника по дѣятельности — петербургскаго трагика Яковлева. Между ними вообще много сходства — и по свойствамъ талантовъ, и по обстоятельствамъ жизни. Яковлевъ, котораго Мочаловъ видалъ въ дѣтствѣ въ Москвѣ, также обладалъ сильнымъ талантомъ и не заботился объ его обработкѣ, также былъ несчастливъ въ личной жизни и страдалъ тою же болѣзненной страстью къ вину. Онъ даже и стихи писалъ въ томъ же элегически-мрачномъ тонѣ, какъ Мочаловъ. Ихъ сблизили сходство натуръ, одинаковость среды, условія жизни.

Говоря объ убійственномъ порокѣ Мочалова, нельзя не замѣтить, что онъ отталкивалъ отъ него многихъ людей, любившихъ артиста за его великій талантъ и благородную душу. Мочаловъ въ минуты опьяненія становился развѣзень, непріятенъ. Сохранилось одно стихотвореніе, написанное по этому поводу. Оно написано И. П. Ключниковымъ, «въ раздумьи послѣ вечера, гдѣ пьяный Мочаловъ говорилъ безсвязно дичь о своей собственной игрѣ въ «Гамлетѣ», которымъ упоилъ автора въ тотъ же вечеръ». Послѣ представленія Мочаловъ успѣлъ гдѣ-то упиться виномъ и явился почти безъ чувствъ въ тотъ кружокъ, гдѣ бесѣдовали о безсмертномъ типѣ сомнѣнія и нерѣшительности. Это стихотвореніе написано подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ картины паденія Мочалова.

Съ мучительной, убійственной тоской
Я на тебя глядѣлъ, питомецъ Мельномены,
Когда, предъ суетой земли склоня коѣны,
Ты долу палъ развѣнчанной главой.
Ты оскорбилъ святой мой идеалъ,
— Когда, въ безумномъ Вакха упоеньи,
Про лучшій жизни пѣтъ, про дивныя мгновенія
Ты, какъ дитя, безсвязно лепеталъ...

Ты-ль это? Часть назвалъ волшебнымъ обаяньемъ.
 Изъ міра дальняго меня ты уносишь,
 Мнѣ сердце растворялъ блаженствомъ и желаньемъ
 И адской мукою сомнѣнья духъ тѣснилъ.
 Ты слышалъ-ли души разбитой стоны?
 Забывъ себя, съ тобой любилъ я и страдалъ,
 Тогда какъ ты надъ трупомъ Дездемоны
 Иль надъ могилою Офеліи стоялъ.
 Теперь прости мнѣ тяжкое раздумье,
 Нѣтъ чаръ твоихъ, свободенъ я грустить
 О томъ, что здѣсь за мигъ священнаго безумья
 Безумствомъ долгимъ мы должны платить.
 Вставати и падати въ грязь и жить въ мечтахъ во снѣ...
 Ты понялъ-ли меня?... О, тяжело мнѣ
 И страшно мнѣ за человѣка...

Когда Мочаловъ прочиталъ эти стихи, онъ до слезъ былъ тронутъ, и потомъ всегда носилъ ихъ съ собою ¹⁴⁶⁾.

Раскаяніе вообще часто посѣщало Мочалова; но оно жило лишь въ его душѣ, мучило и терзало его, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, никогда не пересиливало его страсти.

XVIII.

Служба П. С. Мочалова.

Служба П. С. Мочалова — его положеніе среди другихъ артистовъ, отношеніе къ начальству, движеніе впередъ въ смыслѣ повышенія оклада и т. д.—все это одна изъ мало извѣстныхъ сторонъ дѣятельности трагика. По этому поводу не сохранилось почти никакихъ свѣдѣній, исключая нѣкоторыхъ документовъ изъ «дѣла», находящагося въ конторѣ Императорскихъ театровъ; оно въ общемъ даетъ также немного, но среди этихъ документовъ есть чрезвычайно любопытные.

Нѣкоторыя изъ бумагъ этого «дѣла» только подписаны собственноручно Мочаловымъ, нѣкоторыя же цѣликомъ писаны имъ. По подписямъ легко замѣтить, что нѣкоторыя изъ нихъ были сдѣланы, вѣроятно, въ моменты «забвенія»,—такъ онѣ небрежны.

Формулярнаго списка Мочалова при дѣлѣ не оказывается; его замѣняетъ «паспортъ съ аттестаціей», выданный Мочалову 22-го марта 1840 года,

¹⁴⁶⁾ «Литературный Журналъ», 1881, февраль, ст. 81—82, стихотвореніе «Katzenjammer».

при увольненіи (временномъ) отъ службы. Изъ этого паспорта видно, что служба Мочалова считалась съ 1-го ноября 1817 года, а за 20 лѣтъ службы онъ получилъ, 8-го ноября 1837 года, пенсіонъ. Въ паспортѣ обозначены и «примѣты» Мочалова: «роста средняго, лицомъ бѣлъ, глаза свѣтлокаріе, волосы темнорусые съ просѣдью, отъ роду 41-й годъ».

Изъ перваго документа дѣла видно, что 1-го апрѣля 1830 года истекъ срокъ контракта Мочалова, и онъ былъ оставленъ на службѣ, на прежнихъ условіяхъ, но безъ возобновленія контракта; «въ награду же его отличнаго усердія и пользы, приносимой службой», ему было назначено на гардеробъ и на квартиру по тысячѣ рублей (прежде выдавалось по 500 рублей). Слѣдующій документъ — ордеръ директора театровъ инспектору репертуара, помѣченный 15-мъ іюля 1833 года, идетъ совершенно въ разрѣзъ съ первымъ. Дирекція уже не находитъ въ Мочаловѣ «отличнаго усердія и пользы, приносимой службой», а—напротивъ. «Дурное поведеніе г. Мочалова, постыдныя его для Императорскаго артиста частыя и самовольныя отлучки въ то время, когда онъ долженъ быть на службѣ»,—пишетъ директоръ, — «вынуждаютъ меня приступить къ мѣрамъ строгости, тѣмъ болѣе, что всѣ увѣщанія мои и крутыя мѣры оставались до сего безъ всякаго успѣха». И вотъ, предписывалось объявить Мочалову, что «впредь каждый разъ, когда онъ не явится на репетицію, онъ будетъ отысканъ черезъ полицію и арестованъ. Если же онъ отлучится въ то время, когда надобно играть, и заставитъ измѣнить спектакль, что уже не разъ и случалось», то директоръ считалъ себя обязаннымъ донести о томъ министру и просить для Мочалова примѣрнаго наказанія... Вотъ до какихъ печальныхъ послѣдствій доводила Мочалова пагубная страсть. Онъ не являлся на репетиціи, изъ-за него измѣнялись спектакли, крутыя мѣры противъ него не помогали,—и это было еще въ 1833 году. Неизвѣстно, какіе результаты имѣло предписаніе директора, но оно не вылечило Мочалова,—объ этомъ свидѣлствуютъ дальнѣйшіе документы.

За двадцать лѣтъ службы Мочаловъ получилъ 4.000 рублей пенсіи; сумма эта составляла до того времени его жалованье. Онъ былъ оставленъ на службѣ за пенсіонъ и поспектакльную плату въ 25 рублей; жалованья же онъ уже больше не получалъ, но имѣлъ ежегодный бенефисъ. Прослуживъ два года благодарности, Мочаловъ просилъ назначить ему поспектакльную плату въ 125 рублей ассигнаціями, что приблизительно равнялось, по расчету спектаклей, его прежнему жалованью. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ видно изъ бумагъ, онъ подалъ прошеніе и объ увольненіи его отъ службы, что и было исполнено въ

мартъ 1840 года, съ выдачею ему паспорта. А въ сентябрѣ того же года Мочаловъ пишетъ письмо къ директору театровъ, Загоскину, въ которомъ приносить ему «не лестно душевную признательность за милостивое и доброе вниманіе и за согласіе принять его, Мочалова, подъ начальство и покровительство». Затѣмъ Мочаловъ излагаетъ условія, на которыхъ желалъ бы остаться на службѣ: «Занимая первыя игранныя роли, получать старшій окладъ жалованья и по сто рублей монетою за представленіе, или получать 7.000 рублей, изъ коихъ 4.000 рублей, какъ жалованье, а 3.000 рублей, какъ проспектакльную плату, полный бенефисъ въ январѣ и лѣтомъ шесть недѣль отпуска». На это, согласно отмѣткѣ Загоскина, Мочаловъ получилъ отвѣтъ, что хотя «дирекціи весьма пріятно удержать артиста съ такимъ отличнымъ талантомъ», но такъ какъ находящемуся уже на пенсіонѣ артисту нельзя давать болѣе того, что онъ получалъ прежде, то ему предлагалось остаться на прежнихъ условіяхъ, т. е. за 125 рублей проспектакльной платы. Мочалову пришлось согласиться, введя лишь условіе, чтобы «проспектакльная плата выдавалась ему за одинъ разъ въ недѣлю, если онъ, по независящимъ отъ него причинамъ, не будетъ занятъ въ спектакляхъ въ продолженіе четырехъ недѣль или болѣе».

Слѣдующій документъ—еще черезъ два года. Это предписаніе директора театровъ, А. М. Геденова, конторѣ, отъ 20-го ноября 1842 года. Оно гласитъ: «По усмотрѣнной мною, въ продолженіе моего здѣсь пребыванія, неблагонадежности поведенія актера русской труппы Павла Мочалова, предписываю конторѣ уволить его вовсе отъ службы дирекціи». Такая крутая мѣра образумила Мочалова на-время. Онъ «убѣдительно» просилъ директора, и былъ оставленъ на службѣ, причемъ съ него была взята слѣдующая подписка: «Если впредь назначенный со мною спектакль отмѣнится по моей винѣ, не вѣняя въ оную совершенно законныя причины, то отвѣчать мнѣ за это тысячею рублями ассигнаціями, которые и обязуюсь уплатить проспектакльной платой за послѣдующіе спектакли». Кромѣ этого добровольно принятаго на себя штрафа, Мочаловъ долженъ былъ подчиниться и еще одному угрожающему обстоятельству, поставленному директоромъ въ условіе: награжденіе его бенефисомъ ставилось въ зависимость отъ исправности его по службѣ.

Прошелъ зимній сезонъ 1842—1843 гг., и Мочаловъ снова возбудилъ вопросъ объ измѣненіи условій. Бенефисъ онъ проситъ дать ему половинный, проспектакльную плату по 30 рублей серебромъ, а «въ вознагражденіе

ущерба»—1.000 рублей серебромъ жалованья¹⁴⁷⁾. На это измѣненіе министръ не далъ своего разрѣшенія: бенефисъ былъ данъ Мочалову половинный, а остальные условія остались прежними. Въ официальной бумагѣ по этому поводу было сказано: «Его свѣтлость¹⁴⁸⁾ замѣчаетъ, что содержаніе Мочалова будетъ весьма достаточно, если онъ будетъ исправенъ и будетъ играть по назначенію безотговорочно».

Какъ ни отрывочно приведенные факты, но изъ нихъ съ очевидностью можно заключить, что служебное положеніе Мочалова подвержено было постояннымъ колебаніямъ въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ его жизни. При такихъ условіяхъ взаимныя отношенія его съ начальствомъ не могли быть «благожелательными»: Загоскинъ, во время своего директорства, не долюблялъ трагика; Гедеоновъ, слѣдующій директоръ, какъ видно изъ предыдущаго, даже давалъ предписанія объ увольненіи Мочалова.

О столкновеніяхъ его съ Гедеоновымъ сохранились рассказы. Вотъ что пишетъ объ этомъ дочь Мочалова:

«Однажды отецъ былъ дома. Онъ лежалъ на диванѣ въ гостиной, отъ кутежа совсѣмъ полубольной. Дѣло было лѣтомъ. Вдругъ, видимъ въ окно, подъѣзжаетъ коляска, затѣмъ къ намъ вбѣгаетъ чиновникъ по особымъ порученіямъ у директора театровъ А. М. Гедеонова, Коровкинъ, и сообщаетъ, что вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ навѣстить отца самъ директоръ.

Дѣйствительно черезъ минуту входитъ Гедеоновъ, и мы волей неволей принимаемъ его. Отецъ извиняется передъ гостемъ, что тотъ засталъ его въ халатѣ. Гедеоновъ садится около отца и начинаетъ его усовѣщевать. Приводя въ примѣръ Каратыгина, онъ спрашиваетъ отца:

— Послушай, Павелъ Степановичъ, скажи откровенно, сколько у тебя денегъ? Я думаю, — ничего; а вѣдь ты ровно получаешь съ Каратыгинымъ. У того же тысячи лежатъ. Вѣдь у тебя есть дочь, мнѣ ее вчера показывали въ театрѣ. Отъ тебя самого зависитъ составить себѣ состояніе, — еще не поздно. Слушай: Каратыгинъ играетъ каждый день, получаетъ 125 рублей въ разъ. Ты столько же получаешь... Играй каждый день, сдѣлай милость, назначай играть самъ, что хочешь. Если тебѣ тяжело это покажется, назначай такъ: нынче Гамлетъ, завтра Кремневъ. Да кстати, скажи, отчего ты бросилъ эту роль?

¹⁴⁷⁾ Пспектакльная плата въ 125 рублей ассигнаціями равнялась 35 рублямъ 70 копейкамъ серебромъ.

¹⁴⁸⁾ Министръ Императорскаго Двора свѣтлѣйшій князь П. М. Волконскій.

На это Мочаловъ отвѣчалъ:

— Мнѣ совѣстно, ваше превосходительство, обманывать публику. На афишѣ стоитъ имя Мочалова, Москва меня такъ любитъ, что всегда идетъ охотно смотрѣть меня,—и что же? Въ этой пьесѣ я ее обманываю: я бываю на сценѣ всего десять минутъ. Мнѣ неловко даже дѣлается при моемъ появленіи на сценѣ: публика меня такъ же громко встрѣчаетъ въ этой роли, какъ и въ другихъ.

— Ну, хорошо, хорошо,—сказалъ Геденовъ,—съ твоими убѣжденіями вѣдь не сладишь. Играй, что хочешь и когда хочешь. Но только брось ты эту дрянъ (т. е. вино), вѣдь ты у Государя за это въ немилости».

Иной разсказъ встрѣчаемъ въ другихъ воспоминаніяхъ. Только что назначенный директоромъ, А. М. Геденовъ пріѣхалъ въ Москву и пожелалъ видѣть Мочалова въ «Гамлетѣ»; но ему доложили, что Мочаловъ въ данное время боленъ запоемъ. Строгій директоръ рѣшилъ самъ съѣздить къ артисту и сдѣлать ему начальническое внушеніе. Когда Геденовъ явился на квартиру къ Мочалову, онъ засталъ его пьющимъ въ компаніи съ какимъ-то дьякономъ. Геденовъ объяснилъ, кто онъ такой, и началъ свой выговоръ; но его остановилъ Мочаловъ словами: «Вы—Геденовъ? Какъ же смѣли вы придти къ Мочалову, когда вы знали, что онъ пьетъ! Вы—директоръ, видите въ первый разъ въ жизни Мочалова, гордость и славу русскаго театра, не на сценѣ, въ минуты его триумфа, когда онъ потрясаетъ, живить и леденить кровь тысячей зрителей, когда театръ стонетъ отъ криковъ и воплей! А вы пришли смотрѣть на Мочалова пьянаго, въ грязи... не тогда, когда онъ гений, а когда онъ перестаетъ даже быть человѣкомъ! Стыдно вамъ, директоръ Геденовъ! Ступайте вонъ! Идите скорѣе вонъ!»

Въ главѣ о «службѣ Мочалова» надо разсказать и о его поѣздкѣ въ Петербургъ, которая была въ сущности служебною командировкою. Обмѣнъ артистическими силами между Петербургскими и Московскими театрами установился изстари и происходилъ обыкновенно такимъ образомъ, что гастролеръ замѣнялъ равносильнаго ему по амплу и положенію артиста. Случалось и такъ, что обмѣнъ такими артистами происходилъ въ одно и то же время. Въ 1833 году, послѣ Пасхи, Мочаловъ отправился въ Петербургъ на гастроли, а на обмѣнъ пріѣхалъ въ Москву Каратыгинъ ¹⁴⁹⁾. Оба артиста появились

¹⁴⁹⁾ «Въ Хроникѣ Петербургскихъ театровъ» А. И. Волифа поѣздка Мочалова ошибочно отнесена къ веснѣ 1834 года (ч. I, стр. 35). Въ эту ошибку впадаетъ и г. Шенрокъ («Русская Старина», 1898, № 3, стр. 336, и № 4, стр. 106).

передъ незнакомой публикой въ первый разъ. 11-го апрѣля Мочаловъ выступилъ на Александринской сценѣ въ «Жизни игрока» и заслужилъ такой отзывъ инспектора репертуара Храповицкаго: «Гадокъ, мерзокъ, никуда не годится». Второю ролью его была роль Мейнау, а затѣмъ слѣдовали роли: Чацкаго, Фердинанда и Карла Моора; всѣ эти роли вызвали приблизительно такіе же отзывы начальника-критика¹⁵⁰⁾.

Какое отношеніе къ службѣ и какія послѣдствія имѣла поѣздка Мочалова — неизвѣстно, и въ «дѣлѣ» Мочалова нѣтъ на это никакихъ указаній.

XIX.

П. С. Мочаловъ и В. А. Каратыгинъ.

Отзывъ Храповицкаго о Мочаловѣ, не имѣющій самъ по себѣ значенія, является, однако, откликомъ неуспѣха его гастролей въ Петербургѣ. Московскій трагикъ выступилъ передъ петербургской публикой со всѣми своими достоинствами и недостатками. А въ его игрѣ было, какъ мы не разъ говорили, недостатковъ тогда больше, чѣмъ достоинствъ, и надо было любить артиста, привыкнуть къ его ошибкамъ и неровностямъ, чтобы простить ему всѣ промахи и оцѣнить его великій талантъ. Для петербуржцевъ это было тѣмъ труднѣе, что они поклонялись своему кумиру трагической сцены—Каратыгину. Послѣ красивой для глазъ игры Каратыгина, доводившаго отдѣлку ролей, по тогдашнимъ понятіямъ, до совершенства, какой же успѣхъ могъ имѣть Мочаловъ въ Петербургѣ? Успѣхъ дѣйствительно былъ не большой, и это еще болѣе возбудило страсти поклонниковъ того и другого трагика.

Мочаловъ уѣхалъ изъ сѣверной столицы не увѣнчанный лаврами, не награжденный особыми приношеніями вещественнаго характера, и затѣмъ уже болѣе не появлялся въ Петербургѣ. Каратыгинъ, напротивъ, пожиналъ въ Москвѣ и то, и другое, и впослѣдствіи былъ еще нѣсколько разъ въ первопрестольной столицѣ. Въ этомъ сказалась разница между ними во всемъ: и въ артистическомъ, и въ служебномъ отношеніяхъ, и въ ихъ характерахъ и натурахъ, и въ ихъ талантахъ, и въ ихъ отношеніи къ дѣлу. Мочаловъ и Каратыгинъ являются единственнымъ въ исторіи русскаго театра примѣромъ одновременнаго появленія на сценѣ двухъ артистовъ такихъ крайнихъ и совершенно противоположныхъ направленій въ выраженіи идеаловъ сценическаго искусства, и притомъ артистовъ, которые и какъ люди имѣли между собою мало общаго. Любопытна была,—читаемъ въ однихъ воспоминаніяхъ,—

¹⁵⁰⁾ А. И. Храповицкій. «Дневникъ» («Русская Старина», 1879, № 2, стр. 345).

встрѣча артистовъ на станціи, при возвращеніи ихъ съ гастролей, когда супруги Каратыгины выѣзжали со шкатулкой, вмѣщавшей двадцать три тысячи собранныхъ ими въ бенефисъ денегъ, и когда въ ту же минуту подкатилъ къ той же станціи Мочаловъ, развалясь въ дорожной коляскѣ... но, конечно, съ болѣе или менѣе пустыми карманами ¹⁵¹⁾).

Разница между ними, какъ артистами, опредѣлена выше. Какъ представители двухъ рѣзко отличающихся одинъ отъ другого способовъ сценическаго воспроизведенія, Мочаловъ и Каратыгинъ находили каждый въ средѣ любителей искусства своихъ приверженцевъ. Однако, «трагикомъ», съ формальной точки зрѣнія, въ глазахъ тогдашнихъ знатоковъ театральнаго искусства считался Каратыгинъ. Онъ удовлетворялъ вполнѣ теоретическимъ воззрѣніямъ того времени на условія и требованія сцены. Онъ олицетворялъ собою на сценѣ отживавшій типъ представителя псевдо-классицизма и былъ прямымъ наслѣдникомъ формъ и традицій прошлаго русскаго театра, начиная съ Дмитревскаго. Въ немъ условные законы сцены находили блестящаго выразителя, и для любителей театра, воспитанныхъ въ старыхъ понятіяхъ и взглядахъ на искусство, онъ тѣмъ и былъ дорогъ. Для обыкновенной публики, не задававшейся стремленіемъ къ оцѣнкѣ артиста и искавшей въ театрѣ лишь впечатлѣній, Каратыгинъ могъ быть тѣмъ «достолюбезенъ», что онъ никогда не нарушалъ цѣльности своей игры, давалъ живые или искусственные, но всегда ясно очерченные мелкими штрихами и отдѣленные образы. Люди зрѣлые склонялись болѣе на сторону Каратыгина, а молодежь, воспринимающая впечатлѣнія чувствомъ, увлекалась Мочаловымъ. Въ высшемъ кругѣ общества любовь къ театру, особенно къ русской сценѣ, на которой, по словамъ Бѣлинскаго, «драма считалась, какъ *mauvais genre* и *mauvais ton*», была вообще не развита, но гастроли Каратыгина и здѣсь возбуждали всегда интересъ. И когда Бѣлинскій, говоря объ игрѣ Каратыгина и желая провести между нимъ и Мочаловымъ параллель, сказалъ: «У насъ два трагическихъ актера: г. Мочаловъ и г. Каратыгинъ», то тотчасъ же оговорился, предвидя возраженія: «Какое невѣжество! Каратыгинъ и Мочаловъ—*fi donc!* Можно-ли помнить о Мочаловѣ, говоря о Каратыгинѣ, — не знаю будутъ-ли мнѣ сказаны подобныя слова, но я уже какъ-будто слышу ихъ». Большая часть публики, какъ свидѣтельствуется Бѣлинскій, думала, «что Мочаловъ — талантъ низшій, односторонній, а Каратыгинъ—актеръ съ талантомъ всеобъемлющимъ,—Гете сценическаго искусства». Какъ же иначе и могла судить о Мочаловѣ тогдашняя

¹⁵¹⁾ Н. И. Куликовъ. «Воспоминанія».

публика, воспитанная въ старыхъ взглядахъ на искусство,—вѣдь онъ являлся на подмосткахъ провозвѣстникомъ сценической правды, онъ даже и стихи произносилъ, какъ живую рѣчь, — и притомъ обладалъ такими недостатками игры?

Собственно соперничество между Мочаловымъ и Каратыгинымъ никогда не обострялось. Они играли въ двухъ далекихъ одна отъ другой столицахъ, имѣли каждый свою публику и своихъ поклонниковъ, и затаенные порывы взаимной глухой вражды, если она жила въ нихъ, не проявлялись никогда наружу ¹⁵²). Напротивъ, Мочаловъ, какъ свидѣтельствуя современники, всегда относился доброжелательно къ Каратыгину, при пріѣздахъ его въ Москву. Сидя въ оркестрѣ во время игры Каратыгина въ пьесѣ «Заколдованный домъ», Мочаловъ,—разсказываетъ одинъ изъ современниковъ,—аплодировалъ и кричалъ «браво» гастролеру. Когда же кончился спектакль, онъ отправился на сцену, обнялъ петербургскаго гостя и сказалъ: «Спасибо, братъ, спасибо! Твоя игра выше всякихъ похвалъ; но только эту пьесу ты увози съ собою назадъ: здѣсь некому играть роли Людовика XI». Разсказываютъ также, что однажды, когда «мочаловцы» шикали Каратыгину, Мочаловъ, находившійся въ зрительномъ залѣ, всталъ съ своего мѣста и обернувшись къ публикѣ закричалъ: «Эй, вы, мочаловцы, стыдитесь, не срамите себя!»—и самъ, стоя у оркестра, громко аплодировалъ Каратыгину.

Разсказовъ по этому поводу о Каратыгинѣ не встрѣчается,—и изъ этого можно заключить, что петербургскій артистъ былъ сдержаннѣе, какъ это и слѣдовало ожидать отъ него, человѣка холоднаго, расчетливаго. Жена Каратыгина, пріѣзжавшая на гастроли въ Москву вмѣстѣ съ мужемъ, описывая въ своихъ воспоминаніяхъ съ мельчайшими подробностями свои триумфы, ни словомъ не обмолвилась о Мочаловѣ, какъ-будто его тогда и на свѣтѣ не существовало ¹⁵³). Въ этомъ тоже нельзя не видѣть сдержанности или даже скрытаго недоброжелательства къ памяти соперника Каратыгина. Мочалова нельзя было не замѣтить уже по одному тому, что его вліяніе на публику должно было отражаться и на успѣхѣхъ гастролей петербургскаго гостя.

¹⁵²) Два раза пришлось играть Мочалову съ Каратыгинымъ въ одномъ и томъ же спектаклѣ: одинъ разъ—въ «Маріи Стюартъ», въ которой Мочаловъ сыгралъ Мортимера, а Каратыгинъ графа Лейстера; въ другой разъ Каратыгинъ игралъ въ драмѣ «Тайна», а Мочаловъ въ драмѣ «Слесарь».

¹⁵³) *А. М. Каратыгина*. «Воспоминанія. 1802 — 1880» («Русскій Вѣстникъ», 1881, № 4 стр. 560—605).

Въ Москвѣ, какъ и въ Петербургѣ, нашлось не мало поклонниковъ гастролера, и, такимъ образомъ, образовались партіи «мочаловцевъ» и «каратыгинцевъ». Кажется, еще съ тѣхъ поръ обозначилось то интересное явленіе, что въ Москвѣ, въ области сцены, обыкновенно не нравится то, что нравится въ Петербургѣ, и наоборотъ. «Петербургцы»,—говоритъ театральный рецензентъ того времени,—«съ чувствомъ предубѣжденія входятъ въ Московскій театръ смотрѣть Мочалова», тоже, вѣроятно, бывало и съ москвичами въ Петербургѣ по отношенію къ Каратыгину. И не всѣ, подобно упомянутому рецензенту, войдя въ Московскій театръ съ предубѣжденіемъ противъ Мочалова, могли сознаваться, что отъ игры трагика «предубѣжденіе одного, упрямство другого, пустое ребячество мнимаго знатока—превратятся въ слезу восторга»¹⁵⁴⁾.

Въ журналистикѣ того времени Каратыгинъ находилъ сильную поддержку, и даже специально театральный органъ, повидимому, болѣе свѣдущій въ дѣлѣ искусства, и потому обязанный быть безпристрастнымъ, не «держалъ» допустить даже сравненія между обоими артистами,—«между всемірнымъ трагикомъ, В. А. Каратыгинымъ, и московскимъ трагикомъ, г. Мочаловымъ». Въ примѣчаніи къ письму изъ Москвы, авторъ котораго покусился на такое сравненіе, редація почтительно добавляетъ: «Хвала и честь имъ обоимъ, но... В. А. Каратыгинъ—солнце, а оно—одно...»¹⁵⁵⁾. И это писалось тогда, когда Мочаловъ уже игралъ Гамлета!...

Одинъ изъ современниковъ, объясняя нападки критики на Мочалова, замѣчаетъ: «Не было у Мочалова ни литературныхъ связей, ни пріятелей-критиковъ; литературное кумовство не гладило его по головкѣ»¹⁵⁶⁾. Въ этомъ нельзя не видѣть извѣстной доли правды, но не безусловно, потому что недостатки игры Мочалова и несовершенство его таланта давали право критикѣ строго судить трагика.

Впрочемъ, судьба хоть въ этомъ оказалась справедливой къ Мочалову, воодушевивъ его игрой такого критика, какъ Бѣлинскій, который увѣковѣчилъ имя Мочалова и разъяснилъ разницу между нимъ и Каратыгинымъ.

XX.

П. С. Мочаловъ въ провинціи.

Мочаловъ, прослуживъ тридцать лѣтъ на Московской сценѣ, былъ

¹⁵⁴⁾ «Репертуаръ», 1841, кн. 1, хроника, стр. 6.

¹⁵⁵⁾ «Репертуаръ русскихъ и Пантеонъ всѣхъ европейскихъ театровъ», 1842, кн. 11, стр. 27.

¹⁵⁶⁾ «Антрактъ», 1865, № 251.

тѣсно связанъ и съ міромъ провинціальныхъ театровъ. Въ провинцію онъ ѣздилъ на гастроли. Онъ игралъ въ Кіевѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Воронежѣ, Орлѣ и въ другихъ городахъ, на ярмаркахъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, Курскѣ, Ромнахъ. Когда началъ онъ свои поѣздки въ провинцію — трудно опредѣлить, такъ же, какъ и вообще съ точностью нельзя отвѣтить, съ котораго года стали вообще артисты Императорскихъ театровъ ѣздить на гастроли. Въ былое время обычай этотъ совсѣмъ не былъ распространенъ. А столичныя актрисы ни за что бы не поѣхали въ провинцію, — какъ рассказывала мнѣ глубокоуважаемая хранительница свѣтлыхъ преданій Московской сцены, Н. В. Рыкалова. Такія актрисы, какъ Синецкая, Рѣпина или Сабурова никакихъ денегъ за это не взяли бы. Въ особенности Сабурова: «Что ты, матушка, куда въ провинцію? Я тамъ никогда и не была»... — сказала бы она. Сабурова въ ужасъ приходила, когда Н. В. Самойлова поѣхала гастролировать въ Одессу: «Изъ Петербурга и куда-то тамъ въ провинцію... Какая тамъ труппа»... Надо думать, что обычай поѣздокъ вошелъ на Московскую сцену въ силу со времени первыхъ лѣтъ службы Щепкина, котораго тянуло, по старой памяти, въ провинцію.

Свѣдѣнія, имѣющіяся въ печати о поѣздкахъ Мочалова въ провинцію, относятся къ концу 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ годовъ. По всей вѣроятности, въ эти годы онъ и ѣздилъ на гастроли ¹⁵⁷⁾. Изъ «дѣла» Мочалова, хранящагося въ Московской конторѣ Императорскихъ театровъ и начинающагося съ 1830 года, видно, что трагикъ пользовался лѣтнымъ отпускомъ, «для отдохновенія», на одинъ мѣсяцъ. Это время онъ и употреблялъ на поѣздки въ провинцію.

Тѣ восторги публики, которыми его всегда встрѣчала Москва, усиливались, конечно, еще болѣе въ провинціи. Москва всегда давала тонъ провинціи, и можно себѣ представить, съ какимъ трепетомъ и благоговѣніемъ встрѣчали знаменитаго Мочалова мѣстные театралы. Между ними, конечно, находились и такія исключенія, какъ строгій критикъ въ Харьковѣ, который, однако, не былъ единственнымъ. Такъ, напримѣръ, воронежскій рецензентъ прямо заявлялъ, даже взявши масштабъ для своей критической статьи игру провинціальныхъ актеровъ, что «Мочаловъ (въ

¹⁵⁷⁾ Въ 1829 году Мочаловъ игралъ въ Харьковѣ, въ труппѣ Штейна, во время Успенской ярмарки. На той же ярмаркѣ онъ игралъ и въ 1838 году, причѣмъ на афишѣ было напечатано, что спектакли «украшены игрой Мочалова, превосходный талантъ котораго столько извѣстенъ въ Россіи» («Южный Край», 1898, № 5912).

роли (Ляпунова) мало удовлетворилъ тѣмъ судорожнымъ ожиданіямъ и тому пламенному любопытству, которыми кипѣли истинные любители сценическаго наслажденія». И роль Фердинанда «не показала таланта Мочалова въ такомъ яркомъ величіи, въ какомъ привыкли его представлять». Въ «Гамлетѣ» же и въ другихъ пьесахъ, напротивъ, игра Мочалова привела критика въ восхищеніе ¹⁵⁶⁾. Здѣсь опять повторялось обычное явленіе съ Мочаловымъ: онъ игралъ не ровно и не выдержанно.

Товарищъ Мочалова по сценѣ, Д. Т. Ленскій, въ водевилѣ «Мочаловъ въ провинціи» изобразилъ, въ комическомъ духѣ, ожиданіе трагика провинціальной публикой. И на самомъ дѣлѣ Мочалова любила провинція: его чествовала мѣстная знать, угошали на-славу купцы, къ нему ходили съ юношески-искренней благодарностью восторженные гимназисты и студенты. Кто знаетъ, какъ нравится артистамъ мѣнять публику, пойметъ, что у Мочалова съ теченіемъ времени развилась потребность поѣздокъ въ провинцію, не говоря уже о томъ, что поѣздки увеличивали его средства, въ которыхъ у него не было никогда особеннаго избытка.

Для провинціальныхъ актеровъ Мочаловъ являлся всегда не только желаннымъ гостемъ, но свѣтиломъ, которое озаряло ихъ темную, непривѣтливую жизнь. И трагикъ относился къ нимъ съ тою добротою и сочувствіемъ, какія онъ оказывалъ всѣмъ, кто стоялъ ниже его по положенію. Его игрѣ и вліянію многіе изъ провинціальныхъ актеровъ были обязаны и просвѣтленіемъ, и карьерой. «Не могу передать словами»,—разсказываетъ одинъ изъ нихъ, игравшій съ Мочаловымъ въ Кіевѣ,—«что я перечувствовалъ, смотря уже опытными глазами на игру великаго трагика; и теперь даже, когда тому прошло уже много лѣтъ, я какъ бы въ эту минуту слышу его потрясающій душу шопотъ, какъ-будто сейчасъ льется въ душу мою этотъ мелодичный голосъ страсти, такъ обаятельный для всѣхъ зрителей; какъ-будто въ это мгновеніе смотрю на это прекрасное, впечатлительное лицо, на которомъ прежде словъ изображалось все то, что выражали неподражаемые звуки голоса этого гения нашего драматизма. Да, этотъ незабвенный трагикъ вполне разъяснилъ намъ тогда, что такое Гамлетъ, Отелло, Ляпуновъ и проч., а до него мы, грѣшные, только пародировали ихъ, а не играли» ¹⁵⁷⁾.

Вліянію Мочалова былъ, между прочимъ, много обязанъ въ своей артистической дѣятельности и знаменитый впоследствии провинціальный

¹⁵⁶⁾ «Репертуаръ русскаго театра», 1840, № 8, стр. 6—9.

¹⁵⁷⁾ И. И. Лавровъ. «Автобіографія». Харьковъ. 1895. Стр. 18, 19.

актеръ Н. Х. Рыбаковъ. Въ ранней своей молодости Рыбаковъ игралъ въ Харьковѣ вмѣстѣ съ Мочаловымъ. Геніальный трагикъ обратилъ вниманіе на молодого актера и однажды настоялъ на томъ, чтобы юному актеру довѣрили исполненіе роли Кассіо въ Шекспировскомъ «Отелло», несмотря на возраженія антрепренера, боявшагося довѣрить актеру видную роль. Мочаловъ, подмѣтившій въ юномъ актерѣ проблески несомнѣннаго дарованія, вызвался самъ пройти съ нимъ роль Кассіо, для чего и пригласилъ его къ себѣ. Этотъ визитъ Николая Хрисанфовича къ Мочалову неизгладимо запечатлѣлся въ его памяти, и онъ любилъ вспоминать о немъ, живо описывая тотъ невольный страхъ, подъ вліяніемъ котораго онъ долго ходилъ по улицѣ, не рѣшаясь войти въ домъ, гдѣ остановился Мочаловъ, и восторгъ отъ ласковаго товарищескаго пріема, встрѣченнаго имъ со стороны знаменитаго «бога трагедіи». Понятно, что молодой артистъ приложилъ всѣ свои старанія, чтобы оправдать оказанное ему великимъ артистомъ вниманіе, и, благоговѣйно отнесясь ко всѣмъ его указаніямъ, успѣлъ исполненіемъ роли Кассіо заслужить его полное одобреніе, что было для молодого артиста, несомнѣнно, дороже того, что удачное исполненіе роли Кассіо обратило на него вниманіе и публики, и товарищей. Во время дальнѣйшихъ гастролей Мочалова, послѣдній съ любовью относился къ успѣхамъ маленькаго актера и постоянно выражалъ эту любовь въ добрыхъ совѣтахъ и замѣчаніяхъ и укрѣплялъ въ немъ вѣру въ дальнѣйшую славную будущность. Это пребываніе Мочалова въ Харьковѣ составило эпоху въ жизни Рыбакова, и онъ съ глубокой признательностью, при всякомъ удобномъ случаѣ, вспоминалъ заботливое къ нему отношеніе великаго артиста, горячимъ поклонникомъ таланта котораго оставался до конца дней своихъ. Чисто юношескую восторженность проявлялъ онъ всегда при произнесеніи кѣмъ-либо дорогаго для него имени Мочалова. Яркими красками рисовалъ онъ слушателямъ величавый образъ знаменитаго артиста. Съ горячей благодарностью вспоминалъ онъ о немъ, какъ о руководителѣ, уроки котораго и отзывчивое отношеніе къ молодежи не прошли безслѣдно для Рыбакова. Самъ пройдя суровую жизненную школу, Рыбаковъ относился къ начинающимъ артистамъ съ такимъ же теплымъ участіемъ, съ какимъ нѣкогда отнесся къ нему Мочаловъ ¹⁶⁰).

По своей деликатности и добротѣ, Мочаловъ не могъ, конечно, относиться свысока и ко всей провинціальной актерской братіи. Одинъ анекдо-

¹⁶⁰) Н. Городецкий. «Н. Х. Рыбаковъ» («Дневникъ Артиста», 1893, № 8, стр. 11, 12 и 15).

тическій разсказъ лучше всего охарактеризуетъ взаимныя отношенія Мочалова и провинціальныхъ лицедѣевъ. Нѣкому Завидову, совмѣщавшему въ своей особѣ режиссера и его помощника, случилось въ провинціи участвовать въ спектакляхъ вмѣстѣ съ Мочаловымъ. Разсказывая впослѣдствіи о трагикѣ, онъ называлъ его лучшимъ своимъ другомъ и приходилъ въ восхищеніе отъ его геніальнаго таланта.

— Онъ на сценѣ жилъ,—разсказывалъ Завидовъ, — слова автора чувствовалъ, воплощалъ идеи, настоящія слезы проливалъ, а нынѣшніе только прыгаютъ. Ни основательности, ни серьезности нѣтъ, и пьютъ только по заведенному обычаю передъ обѣдомъ, да передъ ужиномъ. А у него на все вдохновеніе было: или совсѣмъ ни капли въ ротъ, или съ полнымъ удовольствіемъ сколько влѣзетъ... Однажды изъ-за Павла Степановича я даже поплатился своимъ положеніемъ, но и все-таки не претендую на него.

— Какъ же это вы поплатились своимъ положеніемъ?

— А вотъ какъ. Однажды на ярмаркѣ проживалъ я съ Мочаловымъ въ Нижнемъ вмѣстѣ, въ одной гостинницѣ и даже въ одномъ номерѣ. Любили мы другъ друга крѣпко и были неразлучны. Однажды всю ночь кутили мы съ нимъ въ компаніи именитаго купечества. Какъ попали домой,—это прямо слѣдуетъ присоединить къ чудесамъ. Стали укладываться спать. Мнѣ вдругъ и говоритъ Павелъ Степановичъ: «Николашка, нужно хорошенько выспаться; кто бы ни пришелъ ко мнѣ, гони всѣхъ къ чорту». Улеглись и сладко почиваемъ. Утромъ слышу: кто-то въ нашу дверь колотится. Привстаю съ постели и, не отпирая, спрашиваю:

— Кто тутъ?

— Можно видѣть Павла Степановича?—откликается чей-то незнакомый голосъ.

— Нѣтъ,—говорю,—нельзя.

— Почему?

— А ужъ это не ваше дѣло. Лучше скажите-ка: кто вы такой?

— Здѣшній губернаторъ, князь Урусовъ.

— Очень радъ, ваше сіятельство, только Павелъ Степановичъ приказалъ мнѣ послать васъ къ чорту.

— Что такое?

— Точно такъ, ваше сіятельство, убирайтесь къ чорту!..

— Потомъ-то оказалось, что онъ къ моему другу пріѣзжалъ съ визитомъ. Ну, а, строго-то разбирая, можно-ли меня обвинять за этотъ случай? Развѣ

я могъ поступить иначе? Вѣдь не смѣлъ же я ослушаться незабвеннаго Павла Степановича? Я считалъ себя обязаннымъ въ точности выполнить его приказаніе, потому что я его уважалъ и преклонялся предъ его могучимъ талантомъ ¹⁶¹⁾...

Изъ сказаннаго понятно, какое вліяніе имѣлъ Мочаловъ на провинціальныхъ актеровъ. Среди нихъ, людей воспріимчивыхъ, должны были появиться и вольные, и невольные послѣдователи и подражатели Мочалова. Но что же они могли перенять у него? Какъ можно уловить и усвоить вспышки генія? И послѣдователи Мочалова подражали внѣшнимъ пріемамъ его игры, переносили его привычки и наклонности въ свою личную жизнь.

Типъ трагика Мочаловскаго облика въ настоящее время почти уже исчезъ съ провинціальной сцены. Но начало, положенное Мочаловымъ,—начало художественной правды на сценѣ, держится крѣпко. Это—положительная сторона оставленнаго Мочаловымъ слѣда. Время идетъ и, будемъ надѣяться, скоро сотретъ въ актерахъ и слѣды отрицательнаго вліянія знаменитаго трагика: отсутствіе упорнаго труда, небрежность работы, привычку надѣяться лишь на одно вдохновеніе,—притомъ почерпаемое часто «на днѣ бутылки»...

XXI.

Смерть П. С. Мочалова.—Его могила.

Въ послѣднюю изъ своихъ размолвокъ съ дирекціею, въ декабрѣ 1847 года, Мочаловъ уѣхалъ на гастроли въ Воронежъ. Возвращаясь оттуда, по окончаніи зимняго сезона, въ Москву, онъ сильно простудился ¹⁶²⁾.

По разсказу дочери, Мочаловъ вернулся въ Москву на второй недѣлѣ великаго поста. «Когда онъ пріѣхалъ домой»,—передаетъ она,—«и вошелъ въ комнату, я бросилась къ нему и была поражена: онъ былъ неузнаваемъ—осунулся, похудѣлъ и постарѣлъ. Обнялъ онъ меня со слезами на глазахъ и сказалъ: «Плохо мнѣ!»—и тутъ же слегъ. Лечившій его докторъ ѣздилъ каждый день, но помощи не было. Организмъ Мочалова въ послѣдніе годы былъ совершенно надломленъ и не могъ сопротивляться болѣзни. Трагикъ таялъ съ каждымъ днемъ. На четвертой недѣлѣ поста ему слѣбалось хуже,

¹⁶¹⁾ А. А. Нильскій. «Закулисная хроника». Спб. 1897. Стр. 272—273.

¹⁶²⁾ С. И. Стеріопуло разсказываетъ, что у Мочалова въ дорогѣ не случилось вина, и онъ, удовлетворяя своей жаждѣ, пилъ простую водку и закусывалъ ее сигаромъ; это и было причиною простуды.

онъ сталъ забываться. Подъ вліяніемъ религіознаго чувства, онъ, въ забытіи, съ закрытыми глазами, пѣлъ: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко!»

Во вторникъ утромъ, 16-го марта 1848 года, Павелъ Степановичъ Мочаловъ скончался...

Извѣстіе о его смерти скоро облетѣло Москву и всѣхъ поразило. Не прошло и получаса послѣ того, какъ положили на столъ его тѣло,—квартира, гдѣ онъ жилъ, переполнилась народомъ, и всѣ три дня толпа не уменьшалась. Происходили такія сцены: входитъ купецъ, со слезами на глазахъ, низко, до земли, кланяется онъ праху Мочалова и говоритъ: «Прощай, Павелъ Степановичъ, прощай, голубчикъ! Мы другого, подобнаго тебѣ, ужъ больше не увидимъ».....

Печать съ искреннимъ и глубокимъ сожалѣніемъ говорила объ уtratѣ постигшей Московскую сцену. Первое извѣстіе о смерти Мочалова появилось въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», 18-го марта, съ небольшою замѣткой. Въ «Вѣдомостяхъ Московской Городской Полиціи», 19-го марта, напечатанъ былъ прочувствованный некрологъ и стихотвореніе Д. Т. Ленскаго, присланное имъ семьѣ покойнаго трагика.

Ленскій писалъ:

Сейчасъ лишь я узналъ о горестной потерѣ.
Не плачьте! Жизнь ему другая настанетъ...
И будьте въ полной вѣрѣ:
Онъ для потомства не умретъ.
Невидною рукою Мельпомены
Ему уже сплетенъ безсмертія вѣнецъ.
Онъ вѣчно будетъ жить, какъ солнце русской сцены,
Какъ мощный двигатель сердецъ...
Не плачьте, говорю,—вы будете неправы;
Всѣ вашей участи завидовать должны:
На васъ отражены лучи его блестящей славы!...
Какой прекрасный, чудный міръ
Теперь душа его встрѣчаетъ!...
Онъ въ небесахъ,—и самъ Шекспиръ
Пришелъца новаго, какъ сына, обнимаетъ!...
Какъ доблестно свершилъ онъ путь земной!...
А я, измученный, больной,
Предъ памятью его во прахъ преклоняюсь
И тщетно жаждущей душой
Послѣднее «прости» сказать ему пытаюсь.

Другой сослуживецъ Мочалова, М. С. Щепкинъ, такъ отозвался по поводу смерти его, въ письмѣ къ С. В. Шумскому: «Да, Россія лишилась могучаго таланта... Что дѣлать, что онъ, по нашему разумѣнію, не вполнѣ удовлетворялъ насъ; но мы уже не услышимъ тѣхъ потрясающихъ душу звуковъ, не увидимъ тѣхъ восторженныхъ мгновений, которыя часто прорывались сквозь его нелѣпыя формы» ¹⁶³).

Въ одномъ изъ некрологовъ задавался вопросъ: откуда, почему, за что «это общее сожалѣніе, эта любовь къ человѣку, который не былъ намъ ни другъ, ни братъ, съ которымъ немногіе изъ насъ, очень немногіе были и знакомы? Эта любовь, это участіе — дань невольнаго уваженія къ таланту художника, къ тому огню, который одушевлялъ творчество покойнаго. Много прекрасныхъ минутъ подарилъ намъ Мочаловъ, — и послѣ этого понятна къ нему эта общая любовь, это общее глубокое сочувствіе къ его утратѣ» ¹⁶⁴).

19-го марта совершились похороны Мочалова. На рукахъ товарищей гробъ съ его прахомъ былъ вынесенъ въ церковь Николы Большого Креста. Стеченіе публики произошло небывалое: не только храмъ былъ переполненъ, но и вся Ильинка была запружена народомъ. Лавки всѣ были закрыты, и торговля прекратилась. Во время отпѣванія въ церкви слышались рыданія, — и плакали не одни только друзья и родные... На гробъ былъ возложенъ вѣнокъ, что въ то время было совсѣмъ не въ обычаѣ ¹⁶⁵). До самой могилы гробъ несли на рукахъ. Всѣ, — по современному описанію, — рвались къ гробу: его несъ и тотъ, кто зналъ Мочалова лично, какъ человѣка, и

¹⁶³) М. С. Щепкинъ. «Записки», стр. 196, письмо отъ 27-го марта 1848 года.

¹⁶⁴) «Пантеонъ», 1848, т. II, апрѣль, кн. 4-я, смѣсь, статья «Еще одного не стало», стр. 35—37.

¹⁶⁵) По поводу возложенія вѣнка въ современномъ некрологѣ («Пантеонъ», 1848, № 4) утверждалось, что вѣнокъ возложилъ М. С. Щепкинъ на голову покойнаго артиста. Это извѣстіе, какъ фактъ, вошло впослѣдствіи во многія біографическія замѣтки о Мочаловѣ; но оно не вполнѣ вѣрно. Возложеніе вѣнка на голову Мочалова не допустилъ священникъ, какъ говорятъ, по распоряженію митрополита Филарета. Говорятъ также, что по этому поводу состоялась резолюція митрополита Филарета; но въ «Сборникѣ» его мнѣній и резолюцій я этого не нашелъ. Это обстоятельство подтвердила мнѣ и Н. В. Рыкалова. По ея словамъ, священникъ воспротивился возложенію вѣнка, о чемъ особенно хлопоталъ Дьяковъ. Онъ говорилъ священнику: «Вы увѣнчали его своимъ вѣнкомъ, а мы увѣнчаемъ своимъ». Кончилось тѣмъ, что вѣнокъ положили на гробъ. Дьяковъ шелъ въ головахъ гроба и никому не уступалъ своего мѣста всю дорогу до могилы.

другъ его, и актеръ-товарищъ, и студентъ, и военный, и писатель, и чиновникъ, и купецъ, и мѣщанинъ,—словомъ, вся Москва. Полотенца, на которыхъ несли гробъ, вырывали другъ у друга. Тысячная толпа слѣдовала за прахомъ Мочалова. Когда гробъ несли мимо университета, много студентовъ вышло на встрѣчу и присоединилось къ процессіи. На Ваганьковскомъ кладбищѣ опустили, съ горькимъ плачемъ, тѣло трагика въ могилу... Все земное было кончено для Мочалова.

Подъ живымъ впечатлѣніемъ вознаградимой утраты, тогда же «почитатели таланта Мочалова, литераторы, художники и сценическіе артисты пожелали поставить надъ могилой Мочалова памятникъ, достойный его великаго дарованія», и съ этой цѣлью была открыта подписка. Но хорошее желаніе такъ и осталось желаніемъ, и послѣ смерти прославленнаго артиста могила его на долго была забыта: «схоронили—позабыли». Мочаловъ долго ждалъ какой-нибудь отмѣты на своей сиротливой могилѣ. Друзья покойнаго негодовали на такое забвеніе памяти артиста, волновавшаго сердца многихъ тысячъ людей добрыми, свѣтлыми порывами. Въ числѣ этихъ друзей былъ сослуживецъ Мочалова, артистъ Д. Т. Ленскій, извѣстный водевилистъ, авторъ переводовъ изъ Беранже и ѣдкій, остроумный каламбуристъ. Онъ тоже возмущался при видѣ забытой могилы Мочалова, но, вѣроятно, не находилъ сочувствія въ другихъ. Его желаніе покрыть прахъ Мочалова могильнымъ памятникомъ было настолько сильно, что онъ, выбравъ удачную минуту, рѣшился публично, на торжественномъ собраніи лучшихъ людей московскаго общества, на юбилеѣ М. С. Щепкина, въ ноябрѣ 1855 года, поднять въ слѣдующемъ стихотворномъ экспромтѣ вопросъ о забытой могилѣ:

Въ засохшемъ лавровомъ вѣнцѣ,
Съ глубокой тоской на лицѣ
Во снѣ мнѣ Мочаловъ приснился...
Покойникъ вздохнулъ, прослезился—
И грустно сказалъ мнѣ потомъ:
«Напрасно лавровымъ вѣнкомъ
Почтилъ меня Щепкинъ во гробѣ:
Давно ужъ въ земной я утробѣ
Покоюсь по волю Христу,
А нѣтъ надо мной и креста.
Подъ снѣгомъ заглохла могила
И трудно пройти до нея...
Москва обо мнѣ позабыла,

А я былъ любимецъ ея.
 Итакъ, благородные гости,
 Внемлите всѣ просьбѣ моей:
 Утѣшимъ Мочалова кости,—
 Поставимъ ему мавзолей.
 Пусть каждый, кому что угодно,
 Подпишетъ по волѣ своей,
 И кончимъ тогда превосходно
 Мы Щепкинскій нашъ юбилей!

Достоверно неизвѣстно, было-ли произнесено Ленскимъ это стихотвореніе ¹⁶⁶⁾. И если было, то контрастъ между впечатлѣніемъ отъ этого стихотворенія и радужнымъ настроеніемъ обѣдавшихъ на юбилейномъ празднествѣ былъ бы, конечно, поразительный, и, можетъ быть, Ленскій достигъ бы своей цѣли. Мысль его о памятникѣ Мочалову осуществилась гораздо позже, когда самъ Ленскій уже умеръ, а почитатели талантовъ Мочалова и Ленскаго поставили имъ сбоимъ памятники. Это было въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Въ то время на могилѣ Мочалова стоялъ уже мраморный памятникъ, поставленный его дочерью, Е. П. Мочаловой. Этотъ памятникъ былъ съ ея разрѣшенія сдвинутъ на могилы родственниковъ Мочалова, а на его могилѣ былъ поставленъ другой памятникъ, тоже мраморный, съ эмблематическимъ изображеніемъ, водруженнымъ на колоннѣ памятника. Эмблема состояла изъ треножника съ зажженнымъ свѣтильникомъ; наискось былъ прикрѣпленъ крестъ; лавровый вѣнокъ обвивалъ треножникъ и крестъ; нѣсколько ниже лежали маска и свитокъ. На этомъ памятникѣ, поставленномъ «отъ почитателей таланта» была вырѣзана сохранившаяся до сихъ поръ эпитафія:

Ты слылъ безумцемъ въ мірѣ этомъ
 И бѣднякомъ ты опочилъ,
 И лишь предъ избраннымъ поэтомъ
 Земное счастье находилъ.
 Такъ спи, безумный другъ Шекспира,
 Оправданъ вѣчности Отцомъ:

¹⁶⁶⁾ И. О. Горбуновъ, приводящій варіантъ этого стихотворенія, утверждаетъ, что оно было произнесено («Русская Старина», 1880, № 10). Но ему, очевидно, не было извѣстно, что стихотвореніе это было гораздо раньше напечатано В. И. Родиславскимъ, со списка, доставленнаго ему сыномъ Ленскаго, причемъ сообщалось, что стихотвореніе это произнесено на юбилей не было («Антрактъ», 1864, 3-го и 12-го января). Въ описаніяхъ Щепкинскаго юбилея также не упоминается о стихотвореніи Ленскаго.

Вѣщаль Онъ, что премудрость міра —
Безумство предъ Его судомъ.

Корино. 3, 41.

Прошло лѣтъ двадцать пять. Чугунная эмблема, прикрѣпленная на самыхъ толстыхъ желѣзныхъ штыряхъ, куда-то сгинула, памятники покачнулись, кресты съ нихъ исчезли, загородки никакой не было. По инициативѣ автора настоящей статьи и на средства Общества для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ, могила Мочалова,—находящаяся, по новому плану, въ 3-мъ разрядѣ Ваганьковского кладбища, близъ главной дорожки, направо отъ церкви,—была реставрирована и представилась въ такомъ видѣ: два памятника Мочалова, памятники его отца и брата—ограждены желѣзною рѣшеткою, поновлены, буквы надписей вызолочены; на памятникахъ водружены бронзированные кресты, все чисто прибрано; вмѣсто эмблемы на большомъ памятникѣ Мочалова поставленъ бронзированный крестъ съ такимъ же подножіемъ ¹⁶⁷). 4-го сентября 1892 года совершилось торжественное открытіе возобновленного памятника. День этотъ былъ избранъ, какъ 75-я годовщина со дня дебюта Мочалова. На могилу Мочалова, къ панихидѣ, собралось много публики,—столько, сколько нельзя было и ожидать при равнодушіи русскаго общества къ памяти дѣятелей прошлаго. Послѣ панихиды, на памятникъ Мочалова возложены были вѣнки. Съ тѣхъ поръ могила Мочалова поддерживается въ порядкѣ и охраняется на средства того же общества, преобразованнаго въ Русское Театральное Общество.

XXII.

Чествованіе памяти П. С. Мочалова по случаю 50-ти-лѣтія со дня его смерти
(1848—1898).

Не напрасно упрекають русское общество за его равнодушіе къ памяти великихъ и выдающихся дѣятелей прошлаго. Если же по какому-нибудь случаю и устраивается чествованіе памяти кого-нибудь изъ такихъ дѣятелей, то рѣдко оно проходитъ съ подобающей торжественностью, не возбуждая упрековъ и недоразумѣній.

¹⁶⁷) Къ участію въ пожертвованіяхъ на возобновленіе могилы Мочалова были приглашены публика и артисты черезъ воззваніе въ газетахъ. Результатъ выразился въ пожертвованіи одного рубля провинціальнымъ артистомъ и пяти рублей редакціею журнала «Артистъ».

Тѣмъ болѣе можно примѣнить это къ дѣятелямъ сцены, не оставляющимъ по себѣ на память потомству ничего вещественнаго. вмѣстѣ съ ихъ смертію исчезаютъ и самыя воспоминанія о нихъ, и актеру надо или обладать необыкновеннымъ талантомъ, или увѣковѣчить свое имя при жизни, чтобы о немъ сохранилась навсегда посмертная память. По естественному порядку вещей, сохранять въ потомствѣ и чествовать память актера ближе всего лежитъ на обязанности его преемниковъ по профессіи; но у насъ никто, кажется, такъ мало не интересуется исторіей своего дѣла, событіями и именами людей данной профессіи, какъ сценическіе дѣятели. Смотрѣть въ даль исторической перспективы, почерпать въ прошломъ уроки для настоящаго,—за рѣдкими исключеніями, не въ ихъ обычаѣ, а недостаточное знакомство съ исторіей влечетъ за собою и пренебреженіе къ памяти великихъ людей.

Чествованіе памяти Мочалова по случаю 50-ти-лѣтія со времени его смерти лишній разъ подтвердило это положеніе. Ближайшіе преемники Мочалова по сценѣ,—артисты того же театра, на подмосткахъ котораго подвизался трагикъ, какъ бы забыли о своемъ знаменитомъ предшественникѣ. Для нихъ чествованіе памяти Мочалова могло бы составить настоящее торжество,—вѣдь это чествованіе—торжество таланта и искусства,—но они и сами не вспомнили о великомъ актерѣ, и не выразили ни въ чемъ своего общаго участія въ тѣхъ «поминкахъ» по Мочаловѣ, которыя устроили люди посторонніе сценѣ по профессіи. Какой прекрасный случай представлялся для того, чтобы увѣковѣчить имя Мочалова какимъ-нибудь добрымъ дѣломъ,—и дружными усиліями это можно было бы сдѣлать. Но ничего подобнаго не случилось, и Мочаловскій праздникъ оставилъ не полное и не ясное впечатлѣніе въ современномъ обществѣ.

Самое чествованіе, въ подробностяхъ, заключалось въ слѣдующемъ. Недѣли за двѣ до 16-го марта, въ Москвѣ, среди небольшого кружка лицъ, начала разрабатываться мысль объ устройствѣ въ день памяти Мочалова литературнаго вечера. Въ томъ же кружкѣ, по мысли инициатора возобновленія и охраненія забытыхъ могилъ Мочалова и другихъ артистовъ ¹⁶⁸⁾, былъ рѣшенъ вопросъ о торжественной панихидѣ на могилахъ трагика въ 50-ю годовщину его смерти. Предполагалось пригласить къ панихидѣ родственниковъ Мочалова, современниковъ и почитателей его памяти, различныя общества и учрежденія и публику—черезъ разсылку особыхъ при-

¹⁶⁸⁾ А. А. Ярцевъ. «Возобновленіе и охраненіе забытыхъ могилъ» («Историческій Вѣстникъ», 1893, № 12).

глашеній и объявленіи въ газетахъ. Въ виду обычнаго великимъ постомъ съѣзда въ Москвѣ провинціальныхъ актеровъ, о предстоящихъ панихидѣ и литературномъ вечерѣ они были извѣщены объявленіемъ, вывѣшеннымъ въ Бюро Русскаго Театральнаго Общества; при этомъ имъ предлагалось также положить основаніе особому капиталу на охраненіе могилъ актеровъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того стало извѣстно, что панихида на могилѣ Мочалова будетъ отслужена также и отъ Русскаго Театральнаго Общества. Тогда кружокъ лицъ отложилъ свое намѣреніе о панихидѣ, полагая, что Театральное Общество сдѣлаетъ это съ подобающей торжественностью.

На могилу Мочалова собралось 16-го марта сравнительно очень мало артистовъ и публики. Послѣ панихиды, произнесъ импровизированную прочувствованную рѣчь священникъ Ваганьковскаго кладбища, отецъ В. А. Быстрицкій; нѣсколько горячихъ словъ о Мочаловѣ сказалъ одинъ изъ представителей печати; отъ Театральнаго Общества на памятникъ Мочалова возложили вѣнокъ.... и скромныя поминки кончились. На панихидѣ, между прочимъ, присутствовали: дочь Мочалова, Е. П. Шумилова, приглашенная въ Москву къ этому дню лицами, о которыхъ сказано выше, родственникъ Мочалова по женѣ его, С. И. Стеріопуло, и артистка, современница Мочалова, Н. В. Рыкалова.

Въ тотъ же день въ театрѣ Шелапутина данъ былъ литературный вечеръ, посвященный памяти Мочалова. Программа этого вечера приводится въ примѣчаніи ¹⁶⁹⁾. Матеріальнаго успѣха вечеръ почти никакого не имѣлъ,

¹⁶⁹⁾ *Программа литературнаго вечера въ память Мочалова:* Москва. Театръ Шелапутина. Въ понедѣльникъ, 16-го марта, по случаю исполняющагося пятидесятилѣтія со дня смерти артиста Павла Степановича Мочалова, состоится литературный вечеръ, посвященный памяти великаго артиста. Сборъ съ вечера поступаетъ въ фондъ на устройство въ Москвѣ пансіона для дѣтей артистовъ. Программа: Отдѣленіе I. 1) «Мочаловъ, какъ артистъ и человѣкъ», А. А. Ярцева,—прочтеть авторъ. 2) Отрывокъ изъ статьи: «Гамлетъ, драма Шекспира, и Мочаловъ въ роли Гамлета», В. Г. Бѣлинскаго,—прочтеть М. Н. Ермолова. 3) «Искусство и правда», отрывокъ изъ стихотворенія А. А. Григорьева, — прочтеть И. А. Будинъ. Отдѣленіе II. «Черкешенка», драма въ 2-хъ дѣйствіяхъ (во 2-мъ дѣйствіи 2 картины), соч. П. С. Мочалова,—роли прочтутъ: г-жи Любатовичъ, Матрозова, гг. Галицкій и Струйскій. Отдѣленіе III. «Памяти П. С. Мочалова», стихотвореніе А. Н. Кремлева, — прочтеть авторъ. 2) «Воспоминанія о П. С. Мочаловѣ», составленныя А. А. Ярцевымъ—прочтеть С. И. Васюковъ. 3) Стихотворенія П. С. Мочалова: а) «Торквато въ больницѣ Св. Анны»—прочтеть Н. М. Падаринъ; б) «Ахъ, ты, солнце, солнце красное!»—прочтеть А. И. Громовъ; в) «Скоро-ль буйныя вѣтры уйметсяя»—прочтеть И. И. Судьбининъ. 4) Живая картина: «Актёръ Мочаловъ», Неврева, поставлена П. А. Соколовымъ-Жамсонъ,—участвующіе: гг. Гаринъ-Виндинъ,

о чемъ нельзя не пожалѣть, хотя бы въ виду благой цѣли вечера: сборъ предназначался на пансіонъ для дѣтей артистовъ ¹⁷⁰⁾).

Въ Петербургѣ въ этотъ день была отслужена панихида по Мочалову отъ Русскаго Театральнаго Общества.

Большая часть столичной и провинціальной ежедневной прессы почтила память трагика статьями и замѣтками ¹⁷¹⁾).

Общество Любителей Россійской Словесности, 26-го апрѣля, торжественнымъ собраніемъ въ актовомъ залѣ Московскаго университета, чествовало память Мочалова, актера-поэта, когда-то участвовавшего въ публичныхъ засѣданіяхъ этого Общества ¹⁷²⁾).

Засѣданіе было соединено съ выставкою въ память Мочалова, устроенною Обществомъ и продолжавшеюся еще слѣдующіе два дня. Выставка эта лучше всего доказала, какъ мало уцѣлѣло матеріаловъ, касающихся Мочалова, или какъ трудно ихъ разыскать. Все выставленное касалось главнымъ образомъ эпохи Мочалова, но не самого трагика. Оба портрета Мочалова въ различныхъ воспроизведеніяхъ, виды его могилы, подлинникъ письма его къ Сосницкому ¹⁷³⁾, его прессъ-папье, картина Неврева — вотъ все, что на выставкѣ относилось непосредственно къ Мочалову. Затѣмъ были выставлены портреты театральнаго начальства и артистовъ, драматическихъ писателей и театральныхъ

Гофманъ, Горедолинъ, Долинъ, Михайловичъ, Улановъ и др. Отдѣленіе IV. Чтеніе водевиля—«Павелъ Степановичъ Мочаловъ въ провинціи», въ 2-хъ дѣйствіяхъ,—роли прочтутъ: г-жи Марченко, Матрозова, гг. Гофманъ, Неждановъ, Разсудовъ, Соколовъ-Камсонъ, Улановъ.

¹⁷⁰⁾ Отчета о матеріальной сторонѣ вечера въ печати не появлялось; но, насколько извѣстно, чистый доходъ равнялся 104 рублямъ, которые А. Н. Кремлевъ препроводилъ въ Московское Общество для призрѣнія престарѣлыхъ артистовъ и ихъ семействъ, съ тѣмъ, чтобы деньги эти поступили въ фондъ на учрежденіе пансіона *его, и. Кремлева, имени (?)*. Комитетъ названнаго Общества не нашелъ, однако, возможнымъ, по своимъ правиламъ, принять эти деньги на предложенныхъ основаніяхъ.

¹⁷¹⁾ См. приложение V.

¹⁷²⁾ *Программа засѣданія въ память П. С. Мочалова:* Общество Любителей Россійской Словесности. Торжественное засѣданіе въ память Павла Степановича Мочалова, 26-го апрѣля 1898 года. Программа: 1) Предсѣдатель Общества Н. И. Стороженко—Вступительное слово. 2) Дѣйствительный членъ В. Я. Якушкинъ—Очеркъ жизни П. С. Мочалова. Перерывъ засѣданія на 30 минутъ. 3) Дѣйствительный членъ князь А. И. Сумбатовъ—«Мочаловъ въ жизни и на сценѣ». 4) Почетный членъ М. Н. Ермолова—Стихотвореніе А. А. Григорьева. На оборотѣ программы былъ помѣщенъ портретъ П. С. Мочалова.

¹⁷³⁾ Письмо это было напечатано въ «Русской Старинѣ», 1880, № 10, стр. 340.

критиковъ Мочаловскаго времени, десятка два афишъ спектаклей съ уча-
стіемъ Мочалова и нѣсколько книгъ съ матеріалами для біографіи артиста.

Нельзя не замѣтить, что выставка, можетъ быть, была бы богаче, если бы
было объявлено о ней заранее, и всѣ лица, имѣющія что-либо о Мочаловѣ,
были приглашены доставить на выставку эти матеріалы. Безъ примѣненія
такого способа заполнения выставокъ, онѣ принимаютъ характеръ односторонній.
Было бы, напримѣръ, очень интересно выставить «дѣло» Мочалова, находя-
щееся въ конторѣ Императорскихъ театровъ. Литература о Мочаловѣ была
подобрана также случайно и въ незначительномъ количествѣ.

Но, независимо отъ этого, чествованіе памяти Мочалова Обществомъ Лю-
бителей Россійской Словесности прошло торжественно. Оно, вмѣстѣ съ лите-
ратурнымъ вечеромъ 16-го марта, напомнило современному обществу о зна-
менитомъ трагикѣ и принесло съ собою нѣкоторое выясненіе его личности
и значенія его дѣятельности.

Въ этой главѣ о чествованіи памяти Мочалова вполнѣ уместно сооб-
щить, что, помимо всего, чествованіе ознаменовалось и добрымъ дѣломъ.
Автору настоящей статьи одинъ изъ почитателей памяти Мочалова,—лицо,
близко знавшее покойнаго артиста,—передалъ небольшую сумму денегъ для
употребленія ихъ съ какою-нибудь благою цѣлью въ память трагика. Деньги
были отосланы въ Русское Театральное Общество, съ тѣмъ, чтобы они послу-
жили основаніемъ особаго капитала имени П. С. Мочалова, проценты съ
котораго употреблялись бы на цѣли, преслѣдуемыя Обществомъ. Совѣтъ
Общества принялъ эти деньги, и, такимъ образомъ, возникъ фондъ имени
Мочалова. Почитатели памяти трагика могутъ теперь всегда выразить свое
уваженіе къ нему и его дѣятельности на дѣлѣ, пополняя этотъ фондъ, и
надо надѣяться, что придетъ время, когда имя великаго артиста будетъ,
наконецъ, увѣковѣчено какимъ-нибудь добрымъ дѣломъ на пользу русскихъ
сценическихъ дѣятелей.

XXIII.

Значеніе дѣятельности П. О. Мочалова для русскаго театра.

Дѣятельность актера, не оставляющая, послѣ смерти дѣятеля, никакихъ
вещественныхъ слѣдовъ, можетъ имѣть значеніе въ исторіи театра, когда
составляетъ собою эпоху, пролагаетъ новые пути въ сценическомъ искусствѣ,
создаетъ школу игры и т. д. Въ этомъ отношеніи дѣятельность Мочалова
не прошла безслѣдно; хотя, надо сознаться, что она была бы несравненно

замѣтнѣе, если бы его гениальное творчество сопровождалось усиліями сознательнаго труда.

Мочаловъ явился первымъ яркимъ представителемъ русской школы сценическаго искусства въ трагедіи и драмѣ, — школы, въ основу которой положена естественность, художественная правда. Съ самаго зарожденія русскаго театра его сценическіе представители въ отдѣльныхъ случаяхъ стремились вырваться изъ оковъ ложно-классицизма на сценѣ, внести на подмостки черты жизненности, создать живыхъ людей. По самому свойству драматическихъ произведеній того времени, стремленіе это обнаруживали главнымъ образомъ актеры комическаго амплуа. Лица, которыя имъ приходилось изображать, носили на себѣ хоть какой-нибудь отпечатокъ дѣйствительности, тогда какъ отъ трагическихъ и драматическихъ образовъ вѣяло мертвенностью, ходульностью и фальшью. Но и этимъ образамъ нѣкоторые изъ актеровъ того времени старались придать жизнь, насколько можно судить по ихъ характеристикамъ, дошедшимъ до насъ. Освободиться совершенно изъ подъ гнета сценической лжи они не могли, какъ дѣятели своего времени, подчиненные состоянію тогдашней драматургіи. И какъ Яковъ Шумскій, Ожогинъ, Сандуновъ, Рыкаловъ были предшественниками Щепкина въ комедіи, по отношенію къ естественности и художественной правдѣ, такъ Померанцевъ, Плавильщиковъ, Яковлевъ, Мочаловъ-отецъ — явились предшественниками Мочалова-сына.

Правду, которую внесъ Мочаловъ на сцену, замѣтили въ немъ любители и знатоки искусства уже съ первыхъ лѣтъ его дѣятельности. Мочаловъ пролагалъ для себя дорогу не по какимъ-либо теоретическимъ соображеніямъ, не подъ вліяніемъ назрѣвшей въ томъ потребности, а увлекаемый къ тому гениемъ. Онъ творилъ такъ, и не могъ творить иначе. Талантъ его пробивалъ этотъ путь, какъ ключъ пробиваетъ нѣдра земли и льется, найдя себѣ русло, широкимъ потокомъ.

Но актеръ, воплощающій творчество автора, вмѣстѣ съ тѣмъ и рабъ его. Какой бы силой таланта актеръ ни обладалъ, онъ ограниченъ въ его проявленіи намѣреніями автора...

Выше изъ многихъ примѣровъ читатели видѣли, что Мочаловъ придавалъ на сценѣ жизнь безформеннымъ и бездушнымъ созданіямъ авторовъ. Надо, однако, сознаться, что это не являлось особенной заслугой, такъ какъ эти произведенія были слишкомъ не долговѣчны въ общемъ движеніи нашей драматургіи. Они исчезли изъ литературной области и изъ общественной

памяти вмѣстѣ съ минувшей эпохой. И для исторіи театра, какъ лѣтописи прошлаго, тѣсно связанной внутренней логикой явленій со всѣмъ будущимъ данной отрасли просвѣщенія, не былъ бы особенно важнымъ, для примѣра, фактъ безподобной игры Мочалова въ роляхъ въ родѣ Мейнау или графа д'Обервиля. Объ этихъ пьесахъ осталось смутное или отрицательное воспоминаніе, сами онѣ утратили всякій интересъ, — и объ игрѣ въ нихъ актера всякая память—ничто иное, какъ отвлеченное представленіе. Все, что сдѣлалъ актеръ въ такихъ пьесахъ, онѣ сдѣлалъ только для современныхъ зрителей и для славы своего имени. Онѣ трогалъ сердца тысячъ людей, будилъ въ нихъ добрыя чувства и хорошія мысли, — и чѣмъ ничтожнѣе по своему существу выпадали на его долю для этого орудія, тѣмъ больше его заслуга передъ современнымъ обществомъ, тѣмъ прочнѣе слава его имени въ потомствѣ.

Но есть другой разрядъ драматическихъ произведеній, не умирающихъ вмѣстѣ съ эпохой, понятныхъ и великихъ для многихъ вѣковъ и народовъ. Создавая вѣковѣчные образы въ такихъ пьесахъ, актеръ вмѣстѣ съ поэтомъ работаетъ надъ разъясненіемъ задачъ человѣческаго существованія, надъ разгадкою трудно постижимыхъ сторонъ человѣческаго духа. Какъ не признать крупнымъ вкладомъ въ сокровищницу человѣческой мысли трудъ комментаторовъ Шекспира,—трудъ многолѣтній, кропотливый, наполнившій множество томовъ?.. А если такъ, то какъ же не признать и громадное значеніе живого комментатора великаго поэта,—актера, творящаго вмѣстѣ съ драматургомъ, облакающаго созданія его творчества въ плоть и кровь передъ зрителями. Какъ не признать этого за такимъ вдохновеннымъ толкователемъ. Шекспира, какъ Мочаловъ?!...

Изображая въ своемъ лицѣ классическія созданія, актеръ даетъ лишь, такъ сказать, моментальный, живой комментарий, рядъ невозвратимыхъ мгновеній. Двумя способами сохраняется о нихъ память: въ личныхъ впечатлѣніяхъ зрителей и въ критическомъ анализѣ игры актера. Но первое умираетъ вмѣстѣ съ зрителями, а второе выпадаетъ на долю актера, какъ особенное счастье. Что мы узнали бы о Мочаловѣ безъ этого особеннаго счастья? Немного. Больше, чѣмъ о другихъ знаменитыхъ русскихъ актерахъ,—и впечатлѣнія зрителей, сохраненныя въ мемуарахъ, мы должны были бы принять на вѣру.. Но критическій анализъ въ статьяхъ Бѣлинскаго даетъ возможность опредѣлить, какъ Мочаловъ понималъ и чувствовалъ Шекспира.

Свой, постигнутый геніемъ, принципъ художественной правды Моча-

ловъ проводилъ и въ произведеніяхъ великаго драматурга, явившись и въ этомъ отношеніи новаторомъ въ области русскаго сценическаго искусства. Изъ сказаннаго очевидны его роль и заслуга въ постепенномъ ходѣ развитія русскаго театра, и имя Мочалова — безсмертно въ исторіи русскаго просвѣщенія.

Не таково, однако, его значеніе въ исторіи русскаго театра, какъ профессиональнаго дѣятеля. Каждый выдающійся дѣятель оставляетъ слѣдъ своей жизни въ дѣлѣ той профессіи, къ которой принадлежалъ: въ приѣмахъ работы, въ техникахъ, въ созданіи школы и проч.; онъ можетъ служить поучительнымъ примѣромъ любви къ дѣлу, добросовѣстности, трудолюбія, безъ которыхъ нѣтъ прогресса ни въ какой отрасли человѣческой дѣятельности. Мочаловъ въ мірѣ искусства примѣръ поучительный, но «и грустный»,—добавляетъ Бѣлинскій. Его заслуга, какъ профессиональнаго дѣятеля, носитъ въ себѣ отрицательныя свойства. Служа сценѣ только непосредственной, могучей силой своего генія, не трудясь надъ развитіемъ своего таланта, и отъ того сгубивъ себя, Мочаловъ будетъ вѣчнымъ примѣромъ для русскаго актера: какимъ этотъ послѣдній не долженъ быть, какъ профессиональный дѣятель.

XXIV.

Общественное значеніе дѣятельности и личности П. С. Мочалова.—Заключеніе.

Значеніе дѣятельности актера по самой своей сущности опредѣляется тѣми живыми впечатлѣніями, которыя онъ производитъ на зрителей. Эти впечатлѣнія не исчезаютъ безслѣдно, а, какъ атомы духовнаго развитія, переходятъ, дробясь и перерабатываясь, отъ поколѣнія къ поколѣнію,—и, такимъ образомъ, и дѣятельность актера является однимъ изъ тѣхъ микроскопическихъ зернышекъ, плодъ которыхъ—общее развитіе человѣчества. Въ этомъ результатъ дѣятельности актера и ея общественное значеніе.

Дѣятельность Мочалова, какъ великаго таланта, имѣетъ наивысшее значеніе въ этомъ смыслѣ. Но, выходя изъ строго ограниченной сферы вліяній сценическаго искусства, не найдемъ-ли мы въ дѣятельности и личности Мочалова болѣе широкаго значенія?

Бѣлинскій въ своихъ статьяхъ о Мочаловѣ и въ некрологѣ трагика не пытался опредѣлить артиста, какъ явленіе общественной жизни, и не выяснялъ его значенія въ этомъ отношеніи. Онъ самъ былъ челоѣкъ того времени и не могъ смотрѣть на Мочалова изъ дали исторической перспективы.

Какъ объ общественномъ дѣятелѣ и представителѣ современной эпохи, впервые заговорилъ о Мочаловѣ другой критикъ, испытавшій чары игры Мочалова во времена своего студенчества,—Аполлонъ Григорьевъ.

Мочаловъ, по мнѣнію этого критика, принадлежалъ къ тѣмъ могучимъ, но не гармоническимъ личностямъ, которыхъ у насъ закруживали стихійныя начала. Таковы были: Милоновъ, Костровъ, Радищевъ—въ прошломъ; Полежаевъ Мочаловъ, Варламовъ—въ болѣе близкую къ намъ эпоху. Это стихійное начало было—романтизмъ. Опредѣляя сущность этого начала, Григорьевъ находитъ, что оно было сродно многимъ эпохамъ, но въ разныхъ формахъ: то это сладкая, но всетаки тревожная и развѣдающая мечтательность Жуковского, тоска по прошломъ Шатобриана, мрачное сосредоточенное отрицаніе Байрона, то судорожныя созданія Виктора Гюго и литературы 30-хъ годовъ, то борьба съ нимъ свѣтлой и ясной Пушкинской натуры. То выражалось оно подчиненіемъ ему до моральнаго уничтоженія натуры Марлинскаго и Полежаева, то Мочаловскими созданіями, то воплями Огаревскихъ монологовъ, то Фетовскими странными, но для души ясными намеками на какіе-то звуки. Это начало свойственно и нашей русской природѣ; оно не разъ закруживало эту природу до безвыходной хандры, до Лермонтовскаго ожесточенія и зловѣщихъ предчувствій, до Тургеневскаго раздвоенія и расслабленія.

Мочаловъ, одинъ изъ представителей романтизма, имѣлъ великое моральное вліяніе на все молодое поколѣніе 30-хъ годовъ. Онъ былъ всегда выше всего имъ выражаемаго, и новой эпохи,—эпохи типовъ, не дождался. Этимъ вліяніемъ Мочалова на современное общество Григорьевъ и объясняетъ то, что имя его попадаетъ въ критическую статью о литературѣ, подобно тому, какъ имя Грановскаго, сравнительно мало писавшаго, занимаетъ видное мѣсто въ литературѣ другой эпохи. Какъ съ Грановскимъ сливается цѣлое жизненное воззрѣніе, цѣлое направленіе дѣятельности, такъ съ Мочаловымъ сливается эпоха романтизма въ мысли, романтизма въ искусствѣ, романтизма въ жизни,—и если приходится говорить о романтизмѣ, то нельзя миновать его имени. Романтическое вѣяніе, прійдя извнѣ, нашло въ насъ самихъ, въ нашей натурѣ готовыя данныя для его воспріятія. Менѣе сильныхъ оно закручивало въ какомъ-то угарѣ,—и сколько жертвъ пало закруженныхъ этимъ вихремъ: Марлинскій, Полежаевъ, Владиміръ Соколовскій, Мочаловъ, Іеронимъ Южный ¹⁷⁴⁾.

На слова тѣхъ, которые упрекали Григорьева за возвеличеніе Мочалова,

¹⁷⁴⁾ А. А. Григорьевъ. Сочиненія. Спб. 1876. Т. I, стр. 244, 279, 287—288.

критикъ отвѣчалъ, что изъ того литературнаго поколѣнія, къ которому принадлежалъ онъ,—вышедшаго, за немногими исключеніями, изъ Москвы,—нѣтъ человѣка, который бы не носилъ въ душѣ слѣдовъ вѣянія этой могущественной артистической личности, залоговъ того романтическаго міра и тѣхъ романтическихъ впечатлѣній, съ которыми сроднилъ всѣхъ гениальный выразитель романтизма. Фактъ несомнѣнный,—утверждаетъ Григорьевъ,—что не Мочаловъ создавался по даннымъ пришедшаго извнѣ романтизма, что не Полевые и Кукольники создавали Мочалова, а самъ онъ творилъ вокругъ себя оригинальный романтическій міръ,—что въ лицѣ его выразитель явился прежде выраженія идеи въ словѣ и поэтическомъ образѣ. Фактъ тоже несомнѣнный, что міръ, имъ созданный, созданъ имъ изъ вѣяній его эпохи; этотъ міръ, въ свою очередь, внесъ въ массу общей жизни могущественное вѣяніе, которое отдалось и въ словѣ, и въ звукѣ (Варламовъ), и въ нравственномъ настроѣннѣ извѣстнаго поколѣнія ¹⁷⁵⁾. Эпоху, въ которой пришлось жить и дѣйствовать Мочалову, критикъ называетъ не народною, но вполне романтической, т. е. эпохою чаяній, тревожныхъ порываній къ чему-то, броженія силъ и даже безцѣльной тратой ихъ. И одной изъ жертвъ ея былъ Мочаловъ ¹⁷⁶⁾.

Поэзія созданій Мочалова,—говоритъ Григорьевъ въ другомъ мѣстѣ,—была, какъ вѣяніе эпохи, доступна всѣмъ и каждому. Она закружила и самого трагика и имѣла разныя отраженія въ разныхъ сферахъ общества. Одна изъ глубокихъ чертъ Любима Торцова Островскаго—это то, что онъ жертва Мочаловскаго вѣянія; еще рѣзче нашъ поэтъ выразилъ это въ лицѣ заколоченнаго до помѣшательства и помѣшавшагося на «трагическомъ» Купидоши Брускова ¹⁷⁷⁾.

Другой современникъ Мочалова, вспоминая о вліяніяхъ, подъ которыми воспитывалась въ то время университетская молодежь, считаетъ трагика могучимъ и повелительнымъ выразителемъ тяжкихъ сердечныхъ мукъ души, изобразителемъ тоски безвыходной и трудной,—трагика, самого измученнаго страшными вопросами жизни, на которые онъ не находилъ отвѣта. На сцену этотъ колоссальный представитель романтизма вносилъ муку собственной души, свои лихорадочныя увлеченія. Съ трепетомъ выходилъ изъ театра зритель и, какъ сокровище, выносилъ съ собою нелѣпыя фразы, становившіяся въ устахъ

¹⁷⁵⁾ Тамъ же, стр. 347—348.

¹⁷⁶⁾ Тамъ же, стр. 328.

¹⁷⁷⁾ «Русское Слово», 1859, № 1, смѣсь, ст. «Великій трагикъ», стр. 20—21.

трагика чѣмъ-то гармоническимъ или раздирающимъ душу. Въ студентахъ университета Мочаловъ имѣлъ жаркихъ и постоянныхъ поклонниковъ ¹⁷⁸⁾.

Взглядъ на Мочалова, какъ на «актера-романтика», устанавливается послѣ этихъ статей въ нашей театральнo-исторической литературѣ ¹⁷⁹⁾. Какъ и самое понятіе о романтизмѣ, взглядъ этотъ, выраженный горячими тирадами Григорьева и другого современника, больше туманенъ и восторженъ, чѣмъ ясенъ и опредѣленъ. Мочаловъ жилъ и дѣйствовалъ въ эпоху сценическаго и литературнаго романтизма; но насколько онъ самъ, какъ личность и какъ дѣятель, сливался съ этой эпохой, насколько подвергался вліянію романтическаго вѣянія, это-ли вѣяніе закружило его и разбило его жизнь или другія условія, возможныя для человѣка во всякія времена и эпохи—все это еще вопросы, которые и останутся таковыми до тѣхъ поръ, пока не откроется доступъ въ мало извѣстный внутренній міръ Мочалова,—въ его мысли и чувства. Точно также, какія есть основанія утверждать, что Мочаловъ впитывалъ въ себя всѣ настроенія и дуновенія, которыми жило современное ему общество? ¹⁸⁰⁾. Конечно, онъ былъ человѣкомъ своей эпохи, отражавшейся на немъ, можетъ быть, больше, чѣмъ на обыкновенныхъ смертныхъ; но это еще не значитъ представлять изъ себя своего рода квинтъ-эссенцію вѣяній, настроеній и т. д., быть чуткимъ къ тончайшимъ проявленіямъ современности, мыслить и чувствовать въ уровень съ вѣкомъ и т. д.

Безспорно, однако, вліяніе Мочалова, какъ сценическаго дѣятеля на современное ему общество, на зрителей, въ особенности на молодежь. Это вліяніе выражалось въ самыхъ различныхъ формахъ и доходило до глубины разныхъ слоевъ общества. Мочаловъ являлся, помимо всего, и однимъ изъ факторовъ прогресса общественной мысли.

«Такія личности, какъ Мочаловъ, можетъ производить только Россія, которая сама собою представляетъ страшную массу великихъ силъ, еще не управляемыхъ въ стройное теченіе. Въ Мочаловѣ все было русское: и талантъ громадный, но не законченный стройнымъ воспитаніемъ, и жизнь,

¹⁷⁸⁾ «Отечественныя Записки», 1859, январь, стр. 8—10, ст. Н. Д.—«Студенческія воспоминанія о Московскомъ университетѣ».

¹⁷⁹⁾ Онъ цѣликомъ повторяется въ статьѣ: «Очеркъ развитія русскаго сценическаго искусства» («Артистъ», 1893, № 26, ст. А. Н. Сиротинина) и въ др.

¹⁸⁰⁾ Какъ характеризовалъ Мочалова князь А. И. Сумбатовъ, въ рѣчи, произнесенной имъ на засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности.

вольная и широкая, и даже самое паденіе. Въ душѣ его было много мягкихъ, благородныхъ сторонъ, которыя влекли къ нему невольную симпатію. Мочаловъ, рано утромъ идущій на чердакъ къ знакомому студенту, чтобы поговорить «душевно»,—Мочаловъ, отдающій послѣдній серебряный сервизъ на похороны бѣднаго актера,—Мочаловъ, утромъ и вечеромъ молящійся на Кремль—«потому что такъ какъ-то святѣе», говорилъ онъ,—могъ-ли такой человѣкъ не возбуждать сочувствія?».

Такъ говоритъ современникъ Мочалова ¹⁸¹⁾, и мы, въ свою очередь, добавимъ: какимъ же, какъ не русскимъ въ полномъ смыслѣ, могъ быть этотъ человѣкъ, по всѣмъ своимъ основнымъ качествамъ. Да, «въ Мочаловѣ все было русское», — и потому-то такъ дорогъ намъ онъ, родной сынъ Руси, которая, по выраженію Гоголя, «мчится вся, вдохновенная Богомъ»...

Мочаловъ—геній и безпутство, Мочаловъ — слабое и гордое существо, Мочаловъ—высокая поэзія въ сценическихъ созданіяхъ и горькая проза за кулисами, Мочаловъ — «богъ трагедіи» и бездарность, Мочаловъ — «вѣяніе эпохи» и зауряднѣйшій человѣкъ, Мочаловъ — самородокъ, неудачникъ, черноземная сила... Онъ—нашъ, онъ—гордость страны, онъ—слава русской сцены!

Алексѣй Ярцевъ.

¹⁸¹⁾ См. выше, примѣчаніе 178.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Стихотворенія П. С. Мочалова.

Мною собрано десять стихотвореній П. С. Мочалова. Они были раньше напечатаны: въ альманахѣ, изданномъ въ Москвѣ, въ 1842 году, подъ названіемъ: «Литературный Кабинетъ»; въ журналѣ «Репертуаръ и Пантеонъ», изд. В. Межевича, 1846, т. 14, кн. 5, стр. 457—461; въ воспоминаніяхъ режиссера С. П. Соловьева («Антрактъ», 1868, №№ 21, 22, и «Ежегодникъ Императорскихъ театровъ», сезонъ 1895—1896 гг., приложенія кн. 1-я); въ воспоминаніяхъ дочери Мочалова («Историческій Вѣстникъ», 1896, № 10). Настоящее собраніе стихотвореній Мочалова является до сихъ поръ первымъ и единственнымъ. По всей вѣроятности, не мало стихотвореній Мочалова осталось послѣ его смерти въ рукописяхъ.

I.

Русское спасибо.

Н. В. Б. 1).

Дайте слово, научите	Что съумѣю другу молвить?
Люди добрые меня,	Хоть всю азбуку сложи,
Какъ ему сказать спасибо,—	Сотой доли вѣдь не скажешь,
Не пойметъ онъ рѣчь мою.	Хоть <i>спасибо</i> и семь словъ.
Вѣдь, чтобъ высказать всю душу,	Ну, да нѣтъ, пойметъ спасибо,
Все, что на сердцѣ храню,	Потому что отъ души
Не научать, вѣрно, люди,	Разкажу я, какъ съумѣю,
А самъ рѣчи не найду...	За что сказано оно.
Полюбилъ я тебя, добра молодца,	
Чистымъ сердцемъ—рѣчью сладкою.	
Мы отвѣтами помѣнялися,	
Не стаканами, не бокалами,	
А сердцами крѣпко чокнулись	
И душа душѣ аукнулись.	
Ну, пойдемъ же другъ рука объ руку	

1) Напечатано въ «Литературномъ Кабинетѣ», ч. 2, стр. 11 — 12, посвящено Н. В. Беклемишеву.

Искать радости небывалой здѣсь,
А встрѣчать одну долю горькую.
Тяжела встрѣча, коль одинъ пойдешь,
Дологъ путь искать радости,
Кѡли не съ кѣмъ раздѣлить ее.
А теперь ужъ я не раздумаю,—
Я съ тобой пойду рука объ руку.
И душа душѣ аукнулась,
И пришлось сердце по сердцу.
Ну, теперь ужъ, вѣрно, понялъ ты,
Для чего сказалъ спасибо я,
Хоть рѣчь моя безъ грамоти,
Да я душу въ ней всю высказалъ...

2 ²).

Ахъ, ты, солнце, солнце красное!
Все ты грѣешь, всѣхъ ты радуешь,—
Лишь меня не грѣешь солнышко,
Лишь меня не веселишь и въ ясный день.
Все равно мнѣ, день-ли пасмурный,
Или ты играешь на небѣ,—
Все мнѣ скучно здѣсь и холодно...
Нѣтъ, ужъ видно солнцу красному
Не прійдется веселить меня,
А прійдется солнцу теплomu
Грѣть могилу мою темную.

3 ³).

Старый боръ, черный боръ!
Не шуми въ тишинѣ:
Ужъ и такъ безъ нея
На родной сторонѣ
Скучно мнѣ!
Я далеко уйду,

²) Напечатано въ «Литературномъ Кабинетѣ», ч. 2, стр. 13—14.

³) Напечатано въ «Литературномъ Кабинетѣ», ч. 2, стр. 13—14.

Я далеко снесу
Ношу тяжкую мнѣ,
Думу злую мою.
Я уйду отъ людей,
Я размычу тоску
Средь широкихъ степей.
Если жъ тамъ вдалекѣ
Будетъ дума при мнѣ,
Такъ слезы отъ нея
Не увидите вы,
И послѣдній мой вздохъ
Дума прійметъ моя.
Пусть вдали отъ людей
Похоронятъ меня,—
Ноша тяжкая мнѣ,
Дума злая моя
И тоска по тебѣ!..

4 ⁴⁾.

ОТВѢТЪ МОГИЛЬЩИКУ.

Не надо мнѣ чувства въ могилу сырую
Съ мечтою былого на вѣкъ зарывать:
Найду я для нихъ здѣсь могилу другую,
Вѣрнѣй схороню ихъ,—теплѣй имъ лежать...

Пусть мѣстомъ могилы имъ родина будетъ,
Въ груди, подлѣ сердца, пусть крѣпко уснутъ,—

⁴⁾ Напечатано въ «Литературномъ Кабинетѣ», ч. 2, стр. 7. Стихотвореніе это служить отвѣтомъ на стихотвореніе Іеронима Южнаго — «Могильщикъ», посвященное Н. В. Беклемишеву и помѣщенное въ томъ же альманахѣ. Содержаніе стихотворенія Іеронима Южнаго слѣдующее. Могильщикъ копасть могилу, зарываетъ въ нее всѣ чувства, душу, жизнь. Жить нѣтъ цѣли, кровь стынетъ, восторги убиты, мечты улетѣли, слово «любовь» — дико и страшно. Ропотъ замѣнился покорностью, уныніемъ, спокойствіемъ; голова склоняется передъ распятымъ Христомъ. Въ могилѣ зарыты мечтанья. Старикомъ придетъ взглянуть на курганъ,—увидитъ въ новомъ свѣтѣ мечтанья и думы; онъ помянетъ ихъ горячей слезой и задумчиво заснетъ послѣднимъ сномъ, склонясь на курганъ.

Никто ихъ въ груди моей вѣкъ не разбудить,
И люди къ могилѣ ихъ вѣкъ не пойдутъ.

Біеніемъ сердца ихъ сонъ не прервется,
Оно будетъ тише и рѣже стучать
И, сладко уснувши, уже не проснется,
Какъ подлѣ младенца родимая мать.

Курганъ свѣжимъ дерномъ, цвѣтами покрытый,
Быть можетъ, разроютъ съ улыбкою злой;
А въ этой могилѣ, людьми позабытой,
И сладокъ и вѣренъ ихъ будетъ покой.

5 ^а).

Русскія пѣсни.

Въ хороводѣ поемъ пѣсню мы,
Молодецкую, пѣсню веселую,—
И насъ слушаютъ красны дѣвицы,
Въ селѣ нашемъ, въ воскресный день.
Отчего же ты одинъ задумался,—
Не приходишь къ намъ, не дашь голосу,
Отчего тебѣ не милъ нашъ кругъ,
Хороводы тебѣ опостылили?

Ахъ, вы, братцы, други родные,
Земляки по пашнѣ, по сердцу,
Не смогу я въ хороводъ идти,
Не съумѣю съ вами пѣсню спѣть!
Вчера горькой сонъ привидѣлся—
Будто съ Аннушкой разстались!

^а) Это и слѣдующія стихотворенія, подъ названіемъ «Русскія пѣсни», а также стихотвореніе «Торквато Тассо»—напечатаны въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ», 1846, кн. 5, стр. 457—461, съ примѣчаніемъ редакціи: «Получивъ отъ заслуженнаго московскаго актера предлагаемыя четыре стихотворенія въ то уже время, когда главные отдѣлы «Репертуара и Пантеона» были отпечатаны, и, желая поскорѣе подѣлиться съ читателями нашего изданія поэтическими произведеніями пламенной души П. С. Мочалова, мы рѣшились помѣстить ихъ въ «Смѣсь», чтобы не откладывать до слѣдующей книжки».

А сегодня родна матушка
Вѣсть сказала мнѣ невзгодную:
Сонъ, какъ въ руку!—мою Аннушку
За купца въ городъ просватали.

6.

Скоро-ли буйные вѣтры уймется,
Скоро-ли тучи вы разнесется,
Скоро-ли стихнуть удары громовые,
Скоро-ль потухнуть стрѣлы огневья?...

Долго-ли ждать мнѣ солнышка красного,
Долго-ли ждать мнѣ денечка яснаго,
Али со мною солнце простилося,
Али на вѣкъ отъ меня закатилося?

Не унять мнѣ васъ, вѣтры буйные,
Не прогнать мнѣ васъ, тучи черныя,
Не заглушишь удары громовые,
Не потушишь васъ, стрѣлы огневья!

Скучно, страшно подъ грозою быть,
Скучно, грустно одинокимъ жить,
Скучно, темно и при солнышкѣ,
Скучно въ ясный день сиротинушкѣ!

Ужъ давнымъ-давно,—не помню я,—
Старики въ селѣ сказали мнѣ,
Какъ отца и мать сырой землѣ
Назадъ отдали съ молитвою.

На чужихъ рукахъ пришлось мнѣ
Подрастать къ горю безъ радости;
Ни родимыхъ и ни родныхъ мнѣ—
Никого по сердцу не было.

Хлѣбъ чужой я зарабатывалъ
Со слезой, да съ горькой думою;
Скоро-ль,—думалъ,—отъ чужихъ людей
Я хоть въ лѣсъ уйду, въ лѣсу умру!.

Скоро-ль,—думалъ,—отдохну вдали
Отъ людей, что мнѣ не по-сердцу!
Скоро-ль, скоро-ль красно солнышно,
Мнѣ проглянетъ сиротинушкѣ!

Вдругъ!... Ахъ, Господи!... Ахъ, Боже мой!...—
Сотворю же крестъ!—благодать со мной—
Повстрѣчалась со мной ненаглядная—
И манила къ себѣ привѣтная.

Пусть бушуютъ вѣтры буйные,
Пусть нахлынутъ тучи черныя,
Пускай громъ летитъ по поднебесью,
Пускай стрѣлы летятъ огневья!

Коли вмѣстѣ мы,—пусть гроза грозить!
Мы другъ друга сбережемъ въ злой часъ!
Мы другъ другу не въ сырой землѣ —
На груди могилу выроемъ....

7.

Не гляди на меня,
Не кори ты меня,
Добра молодца.
Какъ не лажу съ тобой,
Я не слажу съ собой, —
Тяжко на сердцѣ.
Да сними жъ ту тоску,
Какъ гробову доску, —
Огними прочь отъ сердца!
Али вѣкъ свѣковать

И отрады не зная
Суждено мнѣ?
Рѣшено, такъ скажи,
Отъ грѣха развяжи—
Здѣсь томиться!
Умереть молодцу!
Такъ въ могилу къ отцу
Я пойду на покой!
Лишь прошу объ одномъ,
Чтобъ въ покоѣ *земномъ*
Ты меня *не будила!*
Коль пойдешь погулять,
Со травы цвѣты рвать, —
Не ходи, гдѣ сырая могила.
На могилѣ моей
Ты цвѣтовъ не найдешь,
Лишь взойдутъ—и завянутъ.
По напрасну, мой другъ,
Ты траву изомнешь;
Не ходи, гдѣ сырая могила!

8.

Торквато въ больницѣ св. Анны.

Я видѣлъ и землю, и ясное небо,—
И родины вѣтеръ обвѣялъ меня;
И съ тайнымъ привѣтомъ летѣлъ ко мнѣ воздухъ
Родного Соренто—съ родной стороны!
Я слышалъ, казалось, гармонію пѣсни—
Залива родного прощальный привѣтъ;
Волны его говоръ въ душѣ отозвался,
И грустное чувство стѣснило мнѣ грудь.
Мой взоръ устремился въ небесную даль,
И вижу—несется мой ангелъ-хранитель
Небеснымъ видѣньемъ надъ мной въ вышинѣ!
Вдругъ внимаю глаголу,—и вѣчные духи

Къ незримому раю воззвали меня!
Прости, о, земля, о, кладбище умершихъ,
Простите, о, стѣны, могила Торквато!
Уже угасаетъ свѣтильникъ міровъ,
И съ нимъ вечерѣтъ послѣдній мой день!
Завтра, быть можетъ, откроютъ темницу
И узрятъ лишь Тасса безжизненный трупъ!...
Умру,—все исчезнетъ! И горе, и стоны,
И страсти на вѣки потухнутъ въ груди!
Земля оставляю мечты, ожиданья...
Умру!!!... Но въ послѣдній мой часъ роковой —
О, Д'Есте! — О, Д'Есте!...

9 ⁶⁾.

Ахъ, нѣтъ, друзья, я не прійду въ бесѣду вашу,
Веселья вашего не отравлю собой!
Испейте безъ меня всю наслажденья чашу,
А я остануся одинъ съ моей тоской!
Прошла пора, когда бокалъ самозабвенья
Я осушалъ до дна среди моихъ друзей,
И, чувствуя тогда всю нѣгу наслажденья,
Я думалъ, говорилъ и вспоминалъ о ней.
Прошла пора, она во вѣкъ не возвратится,
Былого счастья мнѣ больше не видать,
И, вспоминая быль, мечтой не насладиться:
Все кончено—и мнѣ ужъ больше не мечтать!...

10 ⁷⁾.

Къ дочери.

Мнѣ жаль, что ты душою хороша,
Мнѣ жаль, что ты души прекрасной, —
Здѣсь рѣдко цѣнится душа,
И рѣдко души здѣсь согласны.

⁶⁾ Напечатано въ воспоминаніяхъ режиссера С. П. Соловьева.

⁷⁾ Отывокъ, напечатанный въ воспоминаніяхъ дочери П. С. Мочалова.

Услышь, Творецъ, отца моленье,
Благослови ее товарищемъ съ душой.
Пусть это доброе, прекрасное творенье
Благословляетъ жребій свой...

П. С. Мочаловъ—въ роли Фингала («Фингалъ», трагедія В. А. Озерова).

Факсимиле портрета приложеннаго къ «Драматическому Альбому на 1826 годъ».

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

ЧЕРКЕШЕНКА.

Драма въ трехъ дѣйствіяхъ.

Сочиненіе актера П. Мочалова ⁸⁾.

Дѣйствующіе:

Ихени, черкешенка.

Джембулагъ, ея сынъ, 40 лѣтъ.

Лейла, ея дочь, 17 лѣтъ.

Леопольдъ, германскій офицеръ, влюбленный въ Лейлу.

Дѣйствіе 1-е.

Театръ представляетъ дикое мѣстоположеніе горъ Кавказа.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

Лейла (*быстро входитъ, осматриваетъ сцену и вдругъ останавливается*).
Здѣсь нѣтъ его, что жъ это значитъ? Вчера онъ говорилъ, что здѣсь, на самомъ этомъ мѣстѣ, должны мы видѣться, и тайну хотѣлъ онъ мнѣ повѣрить!... Ахъ! болитъ душа, и что-то тяжело на сердцѣ!... Да, я счастлива была до той поры, пока тебя не увидала, мой плѣнникъ милый; но когда тебя узнала,—въ минуту, къ горю моему, я полюбила, разгадала, зачѣмъ на свѣтѣ мы живемъ, чего здѣсь ищемъ. О, любить, любить тебя я родилась!... А чѣмъ все кончится,—не знаю.. Онъ говорилъ, что я его жена, на вѣкъ одна его! И онъ на вѣки мой! Но сдержитъ-ли онъ слово?... Не узнаешь. Онъ здѣсь чужой и къ нашей жизни не привыкнетъ... Боюсь сказать себѣ, что будетъ, если онъ... Предчувствіе измучило меня!... Братъ скученъ, пасмуренъ,—все ходитъ по горамъ одинъ, въ набѣгахъ не бываетъ, а дома отъ меня таится, все шепчетъ что-то матушкѣ... Не знаю, ахъ, не знаю!... Да приди жъ, приди

⁸⁾ О пьесѣ этой см. выше, въ текстѣ и примѣчаніяхъ біографіи.

скорѣй,—мнѣ будетъ легче, мнѣ съ тобою веселѣй. Шаги!... Его шаги! Ты! Ты!... (*Бѣжитъ на встрѣчу къ Леопольду*).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Лейла и Леопольдъ.

Лейла. Ты общалъ меня здѣсь ждать,—и дожидалась я... Не мудрено, вѣдь всѣ люди встрѣчаютъ солнце съ радостью,—и мы, средь нашихъ горъ, другъ передъ другомъ хвастаемъ, гордимся тѣмъ, чей сонъ короче, кто первый встрѣтитъ солнце золотое. А ты, ты для меня свѣтлѣе солнца; глаза твои жгутъ это сердце, — и оно горитъ, горитъ, палитъ меня!... Но не знаю, что сказать... Когда близка къ тебѣ,—любуюсь, наслаждаюсь,—да! наслаждаюсь непонятнымъ мнѣ,—и, словомъ, забываю: гдѣ я, что я!... Ну, говори теперь ты, я устала! Я буду слушать, да смотрѣть,—и отдохну... Да говори!... Ахъ, Боже мой, что я забыла! Ты тайну мнѣ хотѣлъ открыть, какъ-будто у тебя есть для меня и тайны?

Леопольдъ. О, сокровище мое! Какъ за любовь твою любить, какъ отвѣчать на рѣчь твою,—не знаю! Нѣтъ, нѣтъ, не стою я тебя, не стою,—не могу любить, какъ ты! Когда заговоришь ты о любви, такъ ты страшна, и въ воздухѣ кругомъ тебя огонь, да!—Надо смѣлымъ быть, чтобъ подойти къ тебѣ поближе, когда глаза твои, черкешенка, зажгутся!

Лейла. Нѣтъ! Перестань, молчи! Опять хвалить ты началъ! Вѣдь такія рѣчи... Какъ у васъ ихъ называютъ?... Забыла... Лесть?... Да, лесть! Даже слово какъ-то непонятно мнѣ,—здѣсь объ немъ и не слышать... Такъ люби меня такъ, молча, просто,—такъ, какъ я люблю тебя.

Леопольдъ. А сама сейчасъ что говорила, развѣ не хвалила ты меня?

Лейла. Я хвалила?... Два слова я сказала... Я сказала, что мы любимъ солнце, что ты для меня свѣтлѣе солнца, что тобой я рада любоваться, что глаза твои сожгли мнѣ сердце; а потомъ тебя хотѣла слушать, отдохнуть,—мнѣ вдругъ тяжело стало... Ну, вотъ опять мы оба позабудемъ, какую тайну ты хотѣлъ открыть!

Леопольдъ. Нѣтъ, это ужъ не тайна. Вчера черкесы ваши мнѣ сказали, что ты общана другому, что другой тобой любимъ! О, Боже! Если это правда, такъ скажи! Зачѣмъ въ набѣгѣ роковомъ ты, возлѣ брата сидя на конѣ, въ числѣ враговъ моихъ, мнѣ ангеломъ прекраснымъ показалась,—

и я забылся! Я забылъ весь міръ! Я быстро за тобой помчался вслѣдъ, въ ваши горы,—я забылъ о славѣ, о побѣдахъ—и плѣнникомъ остался здѣсь на вѣкъ! Вѣдь если бѣ не огонь твоихъ очей, — вѣрь, я умѣлъ бы умереть на полѣ сѣчи! Черкесы въ полону меня бѣ не увидали! Смерть—слава, плѣнъ—позоръ! И я одѣлъ себя позоромъ добровольно для этихъ глазъ, для красоты твоей... А, можетъ быть, другой, другой любимъ!!!

Лейла. Я тебя совсѣмъ не понимаю... Какъ, развѣ двѣ любви живутъ на свѣтѣ? Такъ два сердца надо... Какъ же раздѣлить одно?... Ну, отвѣчай!... Молчишь?... Постой. Да, точно есть еще какая-то любовь, но та любовь иная. Послушай, какъ съумѣю, такъ и расскажу тебѣ всѣ мысли. Вотъ: люблю я брата, матушку люблю; но она меня родила, братъ мнѣ родной, въ насъ кровь одна,—и я люблю ихъ такъ давно, какъ помню. Но скажи, тебя зачѣмъ я полюбила больше и сильнѣе, чѣмъ родныхъ! Ты мнѣ милѣе ихъ, дороже ихъ! Скажи, зачѣмъ ты ближе ихъ прокрался къ сердцу!... Когда ты къ намъ приходишь, въ ту минуту мнѣ кажется, что мы всѣ вмѣстѣ, вся моя родня; а когда сижу я дома съ матушкой и братомъ,—кажется, что будто я одна, и все чего-то жду, и такъ мнѣ скучно. Говорятъ они, а я не слышу,—все мнѣ слышится твой голосъ, все хочется, чтобъ ты скорѣй пришелъ! Вотъ за что и братъ, и матушка тебя такъ полюбили: за то, что счастье, радость,—все, все ты составляешь для меня!... Любила прежде я подругъ и наши игры, а теперь объ нихъ забыла. Но, нѣтъ, я говорю не такъ! Не умѣю я о любви, какъ надо, рассказать!... Еще что вспомнила: ты вѣдь знаешь, что здѣсь, въ горахъ, меня зовутъ наѣздникъ-дѣва, дѣва-молодецъ; но съ тѣхъ поръ, какъ ты мнѣ полюбился,—въ мигъ я и не ношу кинжала, позабыла о конѣ. Помнишь-ли, на дняхъ ты мнѣ о родинѣ такъ долго говорилъ, такъ много,—и слеза въ глазахъ твоихъ блеснула, ты почти заплакалъ! Я была готова вмѣстѣ плакать, а повѣрь, что въ жизни только разъ я плакала,—однажды, въ ту минуту, какъ отца на вѣки въ землю опускали... И ты мнѣ говоришь, что не люблю тебя! Что есть другой, тебя дороже!... Нѣтъ, нѣтъ! Повѣрь черкешенки словамъ, повѣрь, что горы наши скорѣе въ степи обратятся, скорѣй черкесъ разлюбитъ свой аулъ, чѣмъ я тебя забуду, взгляну привѣтно на другого. Ты мой! Всегда, вездѣ... Ахъ, нѣтъ, не понялъ ты меня, не разгадалъ, не знаешь, какъ тебя я полюбила!!!

Леопольдъ. Прости меня, прости! Я виноватъ безъ оправданья. И я могъ думать, что меня ты обманула! О, виноватъ! Прости!... Ахъ, неужли огонь прекрасныхъ глазъ горитъ не для меня! Но, мой другъ, повѣрь, что ревность,

эта злая мука, родится здѣсь невольно, когда мы любимъ; и чѣмъ дороже сокровище, которымъ я владѣю, тѣмъ страшнѣе, ужаснѣй потерять его. Тебѣ я вѣрю; но мы здѣсь съ людьми, мы не одни, и каждый, кто приблизится къ тебѣ, заговорить, онъ будто часть отъ сердца отрываетъ, онъ кажется въ минуту эту блаженствуетъ,—и я ревную, да!

Лейла. А! теперь тебя я понимаю. Со мной бываетъ точно тоже, и когда ты подойдешь къ моимъ подругамъ, я вдали, рѣчей твоихъ не слышу, и, если я увижу, что дѣвица-счастливица, съ которой ты заговорилъ, тебѣ съ улыбкой отвѣчаетъ,—о! ея улыбка мнѣ взволнуетъ кровь, вдругъ сердце застучитъ въ груди, затмится свѣтъ,—и ничего не вижу, и слышу только шопотъ, голосъ твой... Какъ-будто говоришь ей о любви, о красотѣ и хвалишь станъ, лицо ея, глаза!... Ахъ! въ эту страшную минуту я не своя! И точно нѣтъ меня на свѣтѣ; лишь чувствую, что поднимается рука и ищетъ въ воздухѣ кинжала! И послѣ цѣлый часъ хожу я у ручья и брызжу на себя водой. Все душно, тяжело—будто сонъ! И цѣлый день такъ пропадаетъ... Ахъ, Леопольдъ, не подходи къ моимъ подругамъ близко, рѣчей не заводи и пожалѣй меня, — вѣдь я страдаю въ это время! Такъ не гляди на нихъ, въ глаза имъ не гляди; ты самъ сказалъ, что взгляды черкешенки опасенъ,—можетъ погубить. Ты помнишь, вскорѣ послѣ нашей встрѣчи, ты мнѣ пѣсню написалъ?... Все про глаза, все ихъ хвалилъ, и послѣ мнѣ растолковалъ, что вся душа въ глазахъ видна бываетъ: всѣ мысли, радость, горе,—все въ глазахъ!

Леопольдъ. О, другъ мой, успокойся!... И тебѣ-ли думать, чтобъ другая... Нѣтъ! я тебѣ далъ клятву, я клялся тебѣ любовью къ матери и къ родинѣ моей! Тебѣ я подаль руку на путь жизни и подаль руку до могилы! Но зачѣмъ страдать напрасно?... Мой другъ, ты мнѣ напомнила о тѣхъ стихахъ, что я писалъ тебѣ, — прочтемъ ихъ, разговоръ теперешній забудемъ.

Лейла. Но въ стихахъ ты о глазахъ писалъ—и все хвалилъ... Хочешь я прочту?

Ахъ, глаза! Ахъ, глаза!

Отъ огня этихъ глазъ

Я сгорѣлъ!

Я погибъ, потонулъ

Въ влагѣ ясныхъ очей

Навсегда!

Полонили глаза,

Оковали глаза

Душу храбрую!

Какъ взгляну на глаза,—

Кровь и стынетъ и жжетъ

Сердце бѣдное!

Пусть погибну отъ глазъ!

Но останусь при васъ,

О, глаза! О, глаза!...

Леопольдъ. Твой, твой на вѣкъ! Нѣтъ, намъ не разлучаться никогда! О, другъ мой! Ты моя судьба, и любить тебя я клятву далъ! Твоя любовь все составляетъ для меня! Все!... Но, послушай, ты всегда мнѣ говорила, что твоей любви подобной нѣтъ, что любишь ты меня сильнѣе, пламеннѣй, чѣмъ солнца лучъ, что любишь больше родины и матушки, и брата! И я тебѣ повѣрилъ! Но мой другъ... (*Въ сторону*). Какъ ей открыть мое намѣреніе? Я не знаю, какъ рѣшиться!... (*Ей*). Послушай, помнишь-ли ты тотъ вечеръ, въ который я рассказывалъ тебѣ о сторонѣ своей, описывалъ наряды нашихъ женъ, забавы ихъ, обычаи,—все... И тебѣ все нравилось, и ты сказала, что такихъ нарядовъ здѣсь нельзя имѣть, а тамъ бы ты имѣла все... И когда хвалилъ я матушку мою и говорилъ тебѣ, что мать моя тебя любила бѣ, какъ родную дочь,—со вздохомъ говорила ты: зачѣмъ она не здѣсь, зачѣмъ не съ нами!...

Лейла. Ахъ, Леопольдъ! Что ты напомнилъ!... Но какъ же быть? Послать за ней далеко; ты говорилъ, что всю великую Россію проѣхать надо, и за нею родина твоя. Если бѣ ты за матушкой поѣхалъ самъ, такъ на долго мы разстанемся. Разстаться намъ? Нѣтъ! Нельзя! Нельзя! И тебя не выпускать отъ насъ: размѣны плѣнниковъ бываютъ,—да, бываютъ иногда... Но ты мой! Ты плѣнникъ мой, тебя я не отдамъ черкесамъ, не отдамъ ни родинѣ твоей, ни матушкѣ! Нѣтъ, между насъ одинъ размѣнъ — могила! Но и въ могилѣ мой, вездѣ, всегда, вездѣ!

Леопольдъ. Вездѣ! Какъ мнѣ пріятно это слово! Уѣдемъ вмѣстѣ! Уѣдемъ, другъ! А если не понравится тебѣ жизнь на сторонѣ моей родной, то мы попросимъ мать мою,—и вмѣстѣ всѣ воротимся опять, пріѣдемъ въ ваши горы!...

Лейла. Какъ? Что? Оставить мать! оставить брата! родину... Но онъ!.. Ахъ, Боже мой! какъ сердце вдругъ забилося!... Мой другъ, мой милый, я больна! День цѣлый мнѣ все скучно было, и будто мнѣ душа заранѣ гово-

рила не добрую, не радостную вѣсть!... Братъ, матушка и родина! Но родину я для него забуду, а милые мои и братъ, и мать... Нѣтъ! Ихъ разлука уморитъ! Жить безъ меня они не могутъ... И нельзя, и что за жизнь?... Всегда мы были трое... Только смерть, смерть одна насъ можетъ разлучить! Ахъ, Леопольдъ, мой милый другъ! Какое предложеніе! Какъ можешь ты, любя, терзать такъ бѣдную свою черкешенку словами? Но позабудемъ это, позабудемъ,—ты виноватъ передо мной, и я тебя прощаю.

Леопольдъ. Но какъ же быть! Что жъ дѣлать намъ? Я отъ любви рассудокъ потерялъ... Придумай, ангелъ милый... Ну, научи меня, что дѣлать!...

Лейла. Послушай, Леопольдъ... Да нѣтъ, они не согласятся... Послушай: скажемъ матушкѣ и брату,—можетъ быть, они поѣдутъ съ нами; вѣдь это не надолго. Мы имъ скажемъ, что скоро мы назадъ воротимся и будемъ жить всѣ вмѣстѣ, всѣ будемъ счастливы... Не знаю только, какъ сказать,—боюсь, если матушка заплачетъ! Ахъ! ты не знаешь, милый другъ, какъ родину мы любимъ, какъ любимъ наши горы! На родинѣ твоей другая жизнь, другой нарядъ и всѣ обычаи другіе, — да намъ они не надобны! Богъ съ ними! Здѣсь у насъ свое веселье, свой нарядъ; у васъ дѣвицы, жены ваши не имѣютъ обычая носить кинжалъ, носиться вихремъ на конѣ, бить на лету орла. О! ты не понимаешь, какъ занятія такія пріятны для черкешенки. Какъ кровь кипитъ, когда съ добычею въ рукахъ летишь, гордишься!... Нѣтъ, нѣтъ! У васъ веселье, другъ мой, кровь не грѣетъ!... Ахъ! до минуты нашей первой встрѣчи, какъ жизнь моя была безпечно весела, а теперь какая-то забота родилась, тоска!... Ну, скажи, какъ объявить и матушкѣ, и брату, что надо далеко уѣхать?... Какъ объявить? Вѣдь надо думать все объ этомъ... И какая злая дума!... И душа и сердце заболятъ!...

Леопольдъ. Нѣтъ, милый другъ, ты будь спокойна!... А съ братомъ осторожно я заговорю... Но матушкѣ пока ни слова; я узнаю мысли брата, и тогда ужъ скажемъ ей. Завтра рано я васъ увижу и на охоту брата позову,—и постараюсь рѣчь съ нимъ завести.

Лейла. Братъ, братъ идетъ! Ахъ, Боже мой! Чего жъ я испугалась?... Какъ онъ грустенъ... Мой другъ, теперь ему не говори,—прошу, не говори ни слова.

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Тѣ же и Джембулатъ.

Леопольдъ (*быстро подходитъ къ нему*). Добрый вечеръ, братъ.

ДЖЕМБУЛАТЬ (*смотритъ на сестру и протягиваетъ руку Леопольду*).
А, здравствуй. (*Сестрѣ*). Солнце за горой давно,—пора тебѣ давно домой.

ЛЕЙЛА. Я не примѣтила, такъ съ нимъ заговорилась.

ДЖЕМБУЛАТЬ. Мать ждетъ,—иди!

ЛЕЙЛА (*смотритъ на брата и подаетъ руку Леопольду*). Прощай!
(*Уходитъ*).

ЛЕОПОЛЬДЪ. Здоровъ-ли ты? Ужъ я давно замѣтилъ, что не видать тебѣ въ кругахъ,—и къ вамъ когда я прихожу, ты все сидишь въ раздумьи, молча, не глядишь на насъ, не говоришь со мной, и коротки твои отвѣты. Но прежде съ ласкою меня встрѣчалъ, въ глаза привѣтно мнѣ смотрѣлъ и братомъ называлъ любезнымъ. О, добрый Джембулатъ, дай руку и тоскою подѣлись со мной!

ДЖЕМБУЛАТЬ. Ты на дняхъ здѣсь съ старшими рѣчь заводилъ?... И спрашивалъ, когда размѣнъ начнется плѣнныхъ?...

ЛЕОПОЛЬДЪ. Да, спрашивалъ... изъ любопытства.

ДЖЕМБУЛАТЬ. Я такъ и думалъ!

ЛЕОПОЛЬДЪ. Какъ! неужли меня подозрѣваешь?

ДЖЕМБУЛАТЬ. Нѣтъ, не подозрѣваю никого.

ЛЕОПОЛЬДЪ. Такъ объ чемъ тоска?

ДЖЕМБУЛАТЬ. Послушай! Не черкесомъ ты рожденъ,—аулъ тебѣ наскучить, ты разлюбишь...

ЛЕОПОЛЬДЪ. Что? Разлюблю, кого?

ДЖЕМБУЛАТЬ. Родину мою разлюбишь! Здѣсь такого нѣтъ веселья, какое въ сторонѣ твоей!... Дика природа наша, дики игры, даже дики мы для васъ... Любовь,—ее мы знаемъ, и когда черкесъ или черкешенка сказала: люблю тебя! — вѣдь смертный приговоръ она сказала. И тотъ, кто отъ нея услышалъ это слово,—здѣсь такъ у насъ ведется, обычай нашъ,—да! любить ужъ по гробъ, не то въ могилу ляжетъ, — здѣсь всегда такой конецъ! Любовь и месть—вотъ, что мы знаемъ. Мы ненавидимъ,—для ненависти надо жить... Нѣтъ, это чувство не для насъ! У насъ терпѣнья нѣтъ!... Ты говоришь, что я подозрѣваю? Нѣтъ! Такъ, мнѣ что-то скучно; все дума о сестрѣ, о будущемъ.

ЛЕОПОЛЬДЪ. Нѣтъ, ты таишься отъ меня. Мой братъ, не стыдно-ли?...

ДЖЕМБУЛАТЬ. Вотъ какъ ты здѣсь еще неопытенъ: мы здѣсь не знаемъ, что такое стыдъ, не знаемъ, какъ краснѣютъ отъ стыда, и смываемъ кровью это слово. Да, отъ стыда себя мы омываемъ кровью!... Послушай, отъ

тебя я не таюсь ни въ чемъ,—и тяжела, какъ камень, тайна для души. Хотѣлъ бы я, чтобъ ты всегда былъ для меня открытъ... Послушай, точно-ли изъ одного лишь любопытства ты спрашивалъ, когда размѣнъ здѣсь будетъ плѣннымъ?... О, ты смутился! Такъ молчи,—отвѣтъ твой знаю... Не говори ни слова, но подумай хорошенько! Завтра рано утромъ ты приди сюда, и вмѣстѣ посовѣтуемся съ тобою, какъ помочь бѣдѣ, — бѣда большая! Одинъ я не могу придумать средства.... Ну, я умру, умереть сестра... Ей надо умереть,—она всѣхъ больше виновата... Но наша мать, какъ ей остаться сиротою въ свѣтѣ! Нѣтъ, она не вынесетъ потери страшной,—и дочери, и сына,—вдругъ обоихъ!... Нѣтъ! Да ее убьетъ тоска! Вотъ объ чемъ подумать надо, Леопольдъ! О, для чего ты прежде не подумалъ?!.. Для чего далъ слово, клятву далъ мнѣ братомъ быть всегда?!... И я повѣрилъ,—и имѣлъ ты право сестру, черкешенку, при всѣхъ ласкать и называть своей!... Прости, дай руку,—до свиданья... Завтра утромъ рано увидимся... Но повторяю снова: подумай, о, подумай, другъ! Здѣсь между насъ стыдъ и позоръ живутъ не долго, — мы зарываемъ ихъ съ собою въ могилу!.. Ну, прости! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 4 е.

Леопольдъ (*одинъ*). Что онъ хотѣлъ сказать мнѣ страшными словами?... Черкесь, не испугаешь ты меня! Нѣтъ, я готовъ на все—и я рѣшился! Какъ! неужли мнѣ надо позабыть на вѣкъ и родину, и мать... забыть о славѣ!... и для любви всѣмъ жертвовать?!.. Что говорю?... А честь! Я слово далъ!.. Что дѣлать? Если я бѣгу одинъ,—они погибнуть... Боже, Боже! дай мнѣ средства, помоги мнѣ!.. Ахъ! не знаю, какъ уговорить ихъ,—они такъ любятъ родину свою, они не согласятся! Но неужли мнѣ суждено погибнуть здѣсь? Ахъ! зачѣмъ средь бурной сѣчи не пробила это сердце пуля. Вмѣсто лезвія кинжала, ея глаза, какъ молнія, блеснули,—и ужасное мгновенье рѣшило все!... (*Молчаніе*). Здѣсь рано я его увижу, открою всѣ намѣренія мои, все, все скажу... И ежели не согласятся, то любовь поможетъ!.. И она, она, черкешенка моя, на все рѣшится! (*Быстро уходитъ*).

Дѣйствіе 2-е.

Театръ представляетъ хижину.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

Ихени и Лейла (*выходитъ изъ боковыхъ дверей*).

Ихени. Что ты, мой другъ, такъ рано встала?

Лейла. Ахъ, матушка, какой-то странный сонъ мнѣ видѣлся, — и въ жизни первый разъ еще я испугалась сна.

Ихени. Какъ?... Сна испугалась?! И это дочь моя такъ говоритъ. О! много, много ты переѣнилась, — и братъ твой! Я не понимаю, что съ вами сдѣлалось? Что за тоска васъ мучить?... Слава Богу, здоровы мы, какъ прежде мы любимы всѣми; ты въ кругу твоихъ подругъ слынешь всѣхъ краше и стадами всѣхъ богаче; а братъ твой даже старшими всегда уваженъ, и слова его, когда заговоритъ о дѣлѣ, всѣ слушаютъ внимательно... Приходятъ за совѣтами къ нему: гдѣ трудно всѣмъ раздоръ домашній прекратить, гдѣ разгорѣлась ссора, — онъ одинъ лишь можетъ помирить; тотчасъ по зову первому готовъ идти, и въ часъ одинъ своими умными словами успокоить кипучую черкесовъ кровь, споры прекратить, — и, смотришь, вмѣсто брани, ужъ обнимаются, какъ братья... Начнется пиръ, да игры, — и онъ, — утѣха въ старости моей и вѣрная защита наша, — онъ между старшихъ на разгулѣ на первомъ мѣстѣ... Ахъ, какъ пріятно, какъ весело бываетъ мнѣ тогда!... Да! не у всякой изъ моихъ сестеръ есть такое сокровище въ запасѣ: и сынъ, и дочь. Бога какъ благодарить — не знаю! Я думаю, что мнѣ на свѣтѣ еще долго жить, — покойна, весела... Любуюсь вами каждый день, и здоровье крѣпнеть, и какъ-будто молодѣю, смотря на дѣтей своихъ!

Лейла. О, матушка!... Что говоришь! Но для кого же мы живемъ. Мы рождены, чтобъ утѣшать, покоить родную нашу, — ты одно у насъ сокровище... И когда ты весела, когда ты нами счастлива, то мы гордимся этимъ: и мы оба съ братомъ едва не плачемъ отъ радости, рѣзвимся, какъ малые ребята, цѣлуемся, любимся другъ другомъ, какъ женихъ съ невѣстой, — и иногда у насъ рождается споръ, кто больше любитъ мать...

Ихени. Подумай же, сокровище мое, какъ тяжело для сердца видѣть васъ печальными! Вотъ вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ плѣнный подружился съ братомъ и понравился тебѣ, ты много, дочь, о, много измѣнилась. И скажу тебѣ, мой другъ, что я боюсь чего-то. Чѣмъ это кончится, — придумать не могу! Не нашъ онъ, жизнь черкесовъ наскутить... и, Боже сохрани, что будетъ, если онъ разлюбитъ аулы наши! Попадетъ въ размѣны, захочетъ видѣть родину и мать, — все это можетъ быть... Ты по себѣ суди, — вѣдь родина и мать однѣ, другихъ нигдѣ не отыскать. Что если бы судьба тебя на вѣки обрекла жить не на родинѣ, безъ матери?... Ахъ! тяжела такая жизнь!... Да и не жизнь, а тягостная мука!... Часто, часто мнѣ приходятъ эти мысли, и я о плѣнникѣ жалѣю! Да!...

Лейла. Ты пожалѣй о дочери твоей! Ахъ, тяжело, родная, слушать эти рѣчи,—какъ молотомъ по сердцу бьетъ рѣчь каждая! (*Въ сторону*). Нѣтъ, не могу терпѣть,—все ей скажу!... И какъ отъ матери таить!... А передъ тобой, мой милый, я не виновата! Нѣтъ! Мать сама рѣчь начала,—вѣрно Богъ такъ хочетъ, чтобъ наступила скорѣе минута роковая! (*Матери*). Послушай, матушка, тебя кто научилъ такимъ словамъ? Кто подсказалъ тебѣ? Вѣдь ты о томъ заговорила, что я должна была начать... Но дай мнѣ слово не испугаться рѣчей моихъ, а такъ, покойно, все выслушать,—и послѣ подумаемъ... Джембулатъ придетъ домой, и съ нимъ поговоримъ,—и вѣрно онъ, какъ братъ, какъ другъ, какъ сынъ, устроить все... Мы согласимся во всемъ, и какъ всѣмъ будетъ хорошо и весело, и будемъ счастливы всѣ,—и Леопольдъ ужъ перестанетъ тосковать о родинѣ... Пстой, пстой! Сейчасъ начну рассказывать, начну сейчасъ... О, какъ сердце вдругъ забилося! Мѣшаетъ говорить и голосъ дрожить!.. Слабѣю... Сядемъ, матушка! Да, сядемъ лучше, сокровище мое, родная!!! (*Плачетъ*).

Ихени (*обнимая ее*). Ты плачешь, другъ мой!

Лейла. А и сама не знаю, о чемъ. Да, кажется, я плачу... и смѣяться мнѣ хочется. И весело мнѣ, да и тошно, и больно что-то здѣсь, здѣсь возлѣ сердца! И только что хотѣла рассказать тебѣ, въ минуту закружилась голова, забилося сердце... Но о чемъ мы говорили?... Я вѣдь забыла, матушка, забыла!... Сядемъ и начнемъ опять, опять заговори сама.

Ихени. Что съ тобою сдѣлалось, дитя мое? Сядь, сядь, мой другъ.... Ну, успокойся! Богъ съ тобою! (*Садятся*). Чего ты испугалась такъ, что тебя такъ сильно беспокоитъ? Ахъ, вѣрно, ты отъ матери скрываешь что-нибудь? Не должно, милая,—скорѣй, скорѣй открой мнѣ все,—таиться грѣхъ и тяжело для сердца, а когда подѣлишься тоскою съ матерью родной, такъ легче будетъ. Говори, мой другъ, рассказывай все, все, что на сердцѣ лежитъ.

Лейла. Не знаю, матушка, съ чего начать... Вотъ видишь-ли, родная... Я безъ него жить не могу! Я не должна съ нимъ разставаться! А ты сама сказала, что объ немъ жалѣешь, что онъ теперь живетъ здѣсь съ чуждыми людьми, безъ матери, въ чужой землѣ. Что будетъ съ дочерью твоей, когда тоска его убьетъ! Ахъ, какая злая мысль пришла! О, матушка, ежели его на свѣтѣ нѣтъ, такъ и дочери твоей не будетъ! Нѣтъ! мнѣ не пережить его! Ты знаешь, какъ переимѣнилась я съ тѣхъ поръ, какъ полюбила! Ты видишь, что теперь онъ, онъ одинъ всѣ мысли занимаетъ! Я для него забыла обо

всемъ! Подруги дѣтства мнѣ теперь чужія, и я не знаю ихъ. Да, мать моя родная, повѣрь душѣ моей, она не лжетъ, она сама мнѣ говоритъ, что безъ него ее ничто не занимаетъ, что безъ него не грѣетъ солнце кровь, и даже родина, земля моя родная, какъ-будто мнѣ чужая, если не со мною онъ, когда не слышу я его рѣчей привѣтныхъ!... Теперь ужъ поздно воротиться! Да, я принадлежу ему! Что мнѣ дѣлать, мать? Я погибну безъ него!!! Знаю, знаю, я дочь твоя, люблю тебя, родную, и брата-друга всей душой люблю; но когда приходитъ онъ, когда мы вмѣстѣ всѣ,—о! тогда и вы какъ-будто милѣе становитесь, и кажется, что я при немъ люблю сильнѣе васъ!!!

Ихъ ни. Послушай, милый другъ, сокровище мое, утѣха въ старости... Ахъ, какъ твои слова мнѣ душу раздираютъ!... Но что же дѣлать намъ?... Его земля такъ далеко отсюда, и если пожелаетъ онъ оставить насъ и ѣхать къ матери своей, чтобъ привести ее сюда,—конечно, скоро воротиться нельзя, далекій путь... Что жъ дѣлать? Надо дожидаться, надѣяться, что мы его опять увидимъ, и будемъ счастливы всѣ вмѣстѣ.

Лейла. Я это знаю, матушка, я знаю напередъ твои слова! Но съ нимъ разстаться, и на долго, я не могу, нѣтъ, не могу никакъ! И каково тебѣ, родная, будетъ смотрѣть, какъ дочь твоя все тоскуетъ, плачетъ... И ежели онъ долго не пріѣдетъ, долго... Что тогда?... О! я умру!... Нѣтъ! никогда я съ нимъ не разлучусь!... Конечно, можетъ быть, ему не скучно тамъ: онъ, возвратясь на родину, обниметъ мать, родныхъ, знакомыхъ и... все можетъ быть!... Какая мысль проклятая! Ахъ, Господи, отъ мысли помутился свѣтъ въ глазахъ! Нѣтъ! все могу оставить, все могу забыть, но одного его не отпущу! Нѣтъ, уѣду съ нимъ, уѣду,—мнѣ надо быть при немъ, необходимо надо!... Ему я вѣрю, но тамъ наряды женъ такъ хороши, и привычка смотрѣть на нихъ, и любоваться ими... Нѣтъ, матушка, уѣду!...

Ихъ ни. Кому ты это говоришь? Въ умѣ ли ты? Ахъ, я несчастная! Погибла дочь моя! Одна была моей утѣхой на старости, одна мнѣ радость, и эту радость буйный вѣтеръ хочетъ унести! Чѣмъ, какъ мнѣ сберечь тебя?... Скажи, какъ мнѣ сберечь тебя?!... Не знаю!... Слезами, просьбою, угрозами?... Не знаю!... Нѣтъ, не ждала себѣ такого злого горя отъ дочери своей! (*Плачетъ*).

Лейла. Не плачь, не плачь! О, ради Бога! Не могу я видѣть слезъ твоихъ! Родная матушка, не плачь! Прости меня, я виновата много! Вдругъ что-то сердце загорѣлось, и не подумала, сказала все... Но успокойся! (*Въ сторону*). Что милый мой! Вотъ отгадала я, что матушка заплачетъ! О, дорого ты стоишь мнѣ! (*Вслухъ*). Послушай, матушка, намъ не надо тосковать, не надо

разлучаться, а поѣдемъ вмѣстѣ всѣ—и ты, и братъ поѣдетъ! Вмѣстѣ намъ не будетъ скучно: увидимъ тамъ другой народъ, увидимъ города ихъ; все будетъ ново такъ для насъ, что мы въ пути и время не увидимъ! И какая радость будетъ послѣ, какъ воротимся назадъ! Здѣсь насъ всѣ встрѣтятъ съ распросами, и конца не будетъ распросамъ! Ахъ, какъ весело всѣмъ будетъ, да, весело!... Что ты такъ смотришь, что съ тобою?

И х е н и. Нѣтъ, ты больна, мой другъ, больна, я вижу. Что ты теперь сказала? Что ты сказала? Ъхать мнѣ въ чужія земли! Поди, поди, мой другъ, напейся ключевой воды, побѣгай по горамъ; да если съ братомъ встрѣтишься, не говори ему того, что мнѣ сказала! Я — мать, могу жалѣть, простить тебя, но брату... О! ему опасно сказать слова такія!... Ты убьешь его, какъ скажешь о землѣ чужой, — весь міръ его дулы наши! Смотри, не говори, будь осторожна,—поди, а мать твоя немного отдохнетъ отъ страшнаго испуга. Ахъ, дочь моя, какъ испугала ты меня, шутя!... Зачѣмъ такъ шутить, другъ мой, о, зачѣмъ! (*Медленно уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Л е й л а (*одна*). Ушла! И что она мнѣ говорила! Испугалась словъ моихъ, и будто поняла не такъ! Сказала,—будто это шутка! Развѣ можно такъ шутить? Можно-ли своею жизнію играть?... Нѣтъ, милые мои,—и мать, и братъ,—нѣтъ! я не шучу, а погибаю и погибну вѣрно!... Что дѣлать, чѣмъ помочь?... Бѣжать—одно осталось! Такъ, я рѣшилась, оставлю васъ, родные, покину родину,—все онъ мнѣ долженъ замѣнить! Да, да! .. Еще сказала матушка, чтобы, при встрѣчѣ съ братомъ, я молчала, чтобы не открыла я намѣреніе свое родному брату, другу! Нѣтъ, ты ошиблась, родная! Нѣтъ, я молчать не буду! Бѣгу, сыщу его, скажу! Да и чего бояться мнѣ осталось? Я разлуки только злой боюсь, разлуки съ Леопольдомъ! А съ жизнью разлука ничего! Какъ, бояться брата?... Никогда!... И если онъ не усмирить черкеса кровь, и если на меня вдругъ страшно взглянетъ, какъ въ набѣгѣ на врага,—о! я тогда такимъ огнемъ зажгуся, какого братъ, быть можетъ, не видалъ! Прощай же, братъ, скажу ему въ отвѣтъ на всѣ угрозы!... Нѣтъ! я не испугаюсь, не заплачу!... И ежели,—чего не можетъ быть,—его кинжалъ блеснетъ передъ глазами,—смѣло я открою грудь и въ страшную минуту обниму его, какъ друга, какъ родного брата, какъ благодѣтеля!... Ахъ, дай Богъ, чтобы скорѣй освободиться отъ страданій! Бѣгу, бѣгу! Найду ихъ,—брата или его О! мнѣ тяжело одной! Найду! найду! (*Уходитъ*).

Дѣйствіе 3-е.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Джембулатъ (*одинъ, сидитъ на камнѣ и играетъ кинжаломъ*). Все нѣтъ его!.. Давно ужъ день, а нѣтъ его! Дождусь! Придетъ... (*Встаетъ и медленно ходитъ по сценѣ*). Ужъ солнце начинаетъ жечь, а я озябъ, — все дрожь по тѣлу пробѣгаетъ, а внутри огонь! Боже мой, чѣмъ потушить его?! Чьей кровью мнѣ залить огонь проклятый?! Онъ нестерпимъ, палитъ и можетъ сжечь меня! (*Смотритъ на кинжалъ*). Много, братъ родной, о, много крови мы съ тобой видали! Часто насъ съ тобою окружали враги, смерть кругомъ гуляла, — не боялись мы! Близко съ ней сходились, и въ рукахъ моихъ ты, товарищъ вѣрный, не дрожалъ! А теперь? Теперь... Ахъ, скучно ждать!.. Нейдетъ! (*Молчаніе*). Сестра, сестра! Убила ты и мать, и брата!... Да, намъ тебя не пережить!... Тебѣ жъ позора пережить нельзя!... Нельзя, и нечего объ этомъ думать! Отецъ счастливъ, не дожилъ до стыда, а старуха мать... Мнѣ жаль... Что дѣлать, я не виноватъ, и довольно пожили на свѣтѣ. Кому пришла пора идти — идетъ. А сестрѣ любимой только 17 лѣтъ! Такъ рано... Жаль... О, какъ жаль! Кто же виноватъ?

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Джембулатъ и Леопольдъ.

Леопольдъ (*входя, слышитъ послѣднія слова*). Ты правду говоришь, — я виноватъ... Ты ожидаешь меня давно? Но дѣло важное заставило меня промѣшкать: я писалъ на родину письмо, и просьба есть къ тебѣ, какъ къ другу. Сдѣлай милость, здѣсь въ плѣну есть европейцы, можетъ быть, размѣны будутъ, и они воротятся счастливые домой, — поручи кому-нибудь изъ нихъ довести письмо до матери; въ сторонѣ моей извѣстенъ я, — найдутъ. Просьба эта, другъ, послѣдняя, — не откажи и отдай письмо, когда меня не будетъ.

Джембулатъ. Все сдѣлаю, когда тебя не будетъ, — приказывай! Но что за мысль и отъ чего вдругъ родилась мысль о смерти? Мнѣ кажется, что ты со мною начинаешь разговоръ не такъ, я не такого ждалъ начала...

Леопольдъ. Слушай, я тебя узналъ, и убѣжденъ, что ты не согласишься... Итакъ, зачѣмъ и говорить о томъ, что невозможно?... Знаю, вижу, какъ черкесъ родную любить землю, ему разлука съ нею невозможна... Не правда-ли?... Молчишь? Я понимаю!...

Джембулатъ. Что жъ дальше?...

Леопольдъ. Я рѣшился и готовъ на все: хочу увидѣть мать, жить хочу не для одной любви. Я утомился здѣсь, мнѣ скучно. Въ сторонѣ моей путь жизни началъ я со славой; служба, слава ждуть меня давно... И мое богатство, почести мои,—все раздѣлить хочу съ сестрой твоей... Что скажешь ты и матушка твоя?.. Вы ее благословите и отпустите со мной? (*Въ сторону*). Молчать!...

Джембулатъ. Ну, дальше...

Леопольдъ. О, если любишь ты свою сестру, желаешь счастья!.. Да, повѣрь, повѣрь, что безъ меня твоя сестра погибнетъ! Вамъ разлука съ нею неизбѣжна: иль быть моей, иль быть въ могилѣ — ей два пути осталось... Подумай!

Джембулатъ. И тебя не понимаю!... Что? Ты хочешь насъ оставить, надѣешься со мной разстаться? Ошибся, братъ, ошибся! И съ тобою не разстанусь! Нѣтъ, мы вмѣстѣ отправимся, рука съ рукой обнимемся, какъ братья! И уже послѣ не спросишь у меня, какъ я люблю сестру. Но ежели угодно Богу, чтобъ я одинъ ушелъ отъ васъ,—пойду, оставлю васъ... да и позоръ оставлю вамъ въ наслѣдство. Ты если не почувствуешь, какъ бѣда съ такимъ товарищемъ, съ позоромъ, тяжела, такъ передай его своимъ ребятамъ, какъ наслѣдство. За такое сокровище они отца вспомнятъ! А послѣдній расчетъ со мною — тамъ... и вѣренъ будетъ!... Ты говоришь: рѣшился и готовъ на все,—увидимъ!.. Разговоръ мы кончили,—я понялъ тебя. А ежели слова мои загадка,—такъ рѣшать загадку, вотъ она (*вынимаетъ изъ-за пояса пистолеты*). Жаль, что не простился съ родною матерью и не сказалъ спасибо сестрѣ! Ну, ежели меня не будетъ,—сдѣлай милость—поклонись старухѣ нашей, а сестру родную поблагодари и поцѣлуй, поцѣлуй по-братски за меня!...

Леопольдъ. Черкесь! нѣтъ, ты не человѣкъ, не звѣрь.. Нѣтъ! Нѣтъ! И въ звѣряхъ любовь къ единокровнымъ найдешь, но ты... Послушай, я прошу, въ послѣдній разъ прошу отсрочить день, и клятву дамъ, что все рѣшится, да!.. А, можетъ быть, и ближе... Но не думай и не обманись, чтобъ могъ ты испугать меня. Нѣтъ, много разъ въ кругъ этой головы летали пули, часто я встрѣчался съ смертью безъ робости, и, можетъ быть, ты повѣришь, что съ жизнью разстаться для меня не страшно... Повторяю просьбу—до завтра отложить свиданье.

Джембулатъ. Отложить! Охъ, тяжело мнѣ ждать послѣдней роко-

вой минуты!.. Но такъ и быть... День цѣлый ждать,—о, это пытка, мука для меня! Прощай, прощай! Не знаю почему, я никогда не чувствовалъ такой тоски невыносимой, прощаясь съ нимъ; не хочется его оставить съ сестрой,—желалъ бы видѣть ихъ обоихъ, поглядѣть на нихъ, обоихъ поцѣловать, налюбоваться ими и проститься такъ, какъ-будто вѣкъ и не увижусь! (*Утираетъ слезы*) Что это? Слезы?... Вотъ забавно—слезы!... Руку!... Не смотри въ глаза,—прости! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Тѣ же и Лейла (*показывается на пригоркѣ и останавливается*).

Лейла (*быстро сходитъ на сцену*). Братъ, другъ! остановись!

Джембулатъ (*беретъ ее за руку и смотритъ на нее; Леопольдъ стоитъ неподвижный, устремивъ на небо взляды*). Сестра несчастная!

Лейла. Я несчастна?... Несчастна?... Отчего? Чего же мнѣ недостаетъ быть счастливой, чего? Скажи! Въ тебѣ имѣю друга, брата, ты замѣняешь мнѣ отца, а матушка такъ любитъ дочь свою, что я примѣровъ не видала! А онъ... Неужли онъ меня не любитъ?... О, добрый братъ, о, другъ, повѣрь мнѣ, что мой Леопольдъ—мое сокровище, въ немъ для сестры твоей все, все заключено! И жизнь, и смерть моя теперь зависятъ отъ него, принадлежать ему, или умереть! Онъ мой!... Да, такъ онъ мой?... Что жъ ты молчишь?... Онъ мой!

Джембулатъ. Да, рѣшено,—онъ твой, теперь твое сокровище, и дорого ты заплатила за него: мать, братъ и родина твоя. Велика цѣна! О! дорогъ онъ! Смотри же, береги, не потеряй!... (*Молчаніе*). Прости! О, Боже! чѣмъ это кончится! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Лейла и Леопольдъ.

Лейла. Какія страшныя слова! Какъ потерять тебя? О, холодъ пробѣжалъ по жиламъ! Что значить потерять! Нѣтъ, съ жизнью разстаться я могу, но не съ тобой, мой Леопольдъ, мой другъ!... Что жъ ты молчишь! О, несчастный день: всѣ трое—и мать, и братъ, и другъ—всѣ сговорились мучить бѣдную меня!

Леопольдъ (*въ сторону*). Что ей сказать?... О, Боже! (*Къ ней*). Простишь-ли ты меня? Во всей вселенной мнѣ только отъ тебя прощенья надо. Прости, прости, я что губилъ тебя, и самъ теперь погибнуть долженъ!

Лейла. Ахъ, я не понимаю...

Леопольдъ. Слушай, другъ! Твой Леопольдъ рѣшился жить въ горахъ Кавказа,—быть въ плѣну, въ бездѣйствіи, съ позоромъ, вмѣсто славы, я не могу! Рѣшился и бѣгу! Повѣрь, что мнѣ съ тобой разлука невозможна... Да есть надежда, надежда вѣрная, что путь мой скоро прекратится. Въ горахъ у васъ сторожевыя цѣпи крѣпки,—черкесь не дремлетъ и, едва завидитъ бѣглеца, въ минуту достигаетъ. Но вотъ на что рѣшился: при встрѣчѣ съ нимъ, на мѣстѣ лечь, но ужъ въ плѣну не быть. Ты, ты одна могла...

Лейла. Что? Хочешь ты бѣжать, бѣжать, меня оставить! Ты хочешь умереть, и безъ меня?!.. Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, ты знаешь, что черкешенка твоя живетъ тобою, страдаетъ для тебя! Такъ неужли она не можетъ умереть, любя? Скажи, другъ, что со мною можетъ быть, когда тебя не станетъ?!.. Ахъ, Леопольдъ, дѣлила я съ тобой и грусть, и радость, а теперь бѣжимъ, и если встрѣтимъ смерть въ пути,—и смерть раздѣлимъ пополамъ!... И ты подумалъ, что можешь умереть не на груди твоей черкешенки? Несчастный, да я съ тобой, вездѣ съ тобой,—и пусть въ одну могилу насъ заркоутъ!

Леопольдъ. Люди! кто изъ васъ былъ такъ любимъ? Кто былъ такъ счастливъ?! Какъ, ангелъ милый, ты оставишь родину и мать, и брата—и для меня оставишь?... Итакъ, уйдемъ отъ нихъ, уйдемъ!... Послушай, нынче же, какъ наступитъ вечеръ...

Джембулатъ (*во все продолженіе этой сцены подслушивалъ за скалою*). О, злодѣй!

Лейла. Нѣтъ, я не могу, нельзя ждать вечера, и цѣлый день нельзя, мой другъ,—день дологъ, я боюсь себя и боюсь еще чего-то... Но сама не понимаю,—вся кровь кипитъ здѣсь, чтобъ тоска... Нѣтъ, нѣтъ! я весела, я счастлива, спокойна,—мой Леопольдъ со мной, вездѣ со мной! (*Вдругъ задумывается*). А что же будетъ съ ними, когда день пройдетъ роковой, настанетъ вечеръ, ночь настанетъ: всѣ ждуть меня, ищутъ, будутъ спрашивать у всѣхъ, гдѣ дочь ихъ, ихъ сокровище?... Заплачутъ... О, какъ горько будутъ плакать!.. А мать?... Она не долго проживетъ... Да, безъ меня умереть,—тоска убьетъ старуху, и бѣдный братъ одинъ закроетъ ей глаза, одинъ оплачетъ. Все безъ меня, все отъ меня... И взглядъ послѣдній матери родной искать меня напрасно будетъ, и, умирая, мать благословитъ тебя, мой другъ, мой братъ! А я, несчастная, бѣгу въ чужую землю, все, что дорого, оставляю и послѣдняго сокровища я не возьму съ собой—благословенія матери!... О! сжался,

Леопольдъ, другъ, сжался надъ несчастной! Прости,—бѣги отъ насъ, бѣги!... Черкешенка твоя не долго будетъ плакать, нѣтъ, не долго! Скоро ея не будетъ! Но утѣшительная мысль: умру близъ матери родной и на рукахъ у брата, окружена подругами, друзьями, и къ отцу къ родному положить... Нѣтъ, нѣтъ, бѣги, бѣги скорѣй! Уйди, мой другъ, одинъ! Будь счастливъ и прости!

Джембулатъ (за скалой). Что слышу!

Леопольдъ. «Будь счастливъ и прости!»... «Прости,—бѣги одинъ и счастливъ будь»?... О, повтори, скажи еще! Увѣрь, что точно такъ ты думаешь! Что Леопольдъ, твой Леопольдъ, бѣжитъ одинъ, тебя оставитъ и счастливъ будетъ безъ тебя, черкешенка! Мой ангелъ, мой злодѣй! Какъ ты можешь думать!... А понимаю: гордъ, гордъ всегда во всемъ природы сынъ! Теперь тебя я понимаю! Вы думаете, что ваши дикари, ваши жители степей одни сотворены любить, какъ надо, вы думаете здѣсь, что европеецъ силы чувства лишенъ: можетъ полюбить, забыть, разстаться и броситься въ объятія къ другой. Ахъ, ты ошиблася, злодѣйка, и твоя ошибка стоитъ жизни мнѣ! Прости, и я скажу: будь счастлива! Найди себѣ другого друга!... Но послѣднюю исполни просьбу! (Вынимаетъ тузирекъ съ ядомъ). Этихъ десять капель мнѣ не дадутъ прожить и двухъ часовъ... Приди и вмѣстѣ съ милыми тебѣ родными, съ вѣрными друзьями и подругами, придите и заройте трупъ мой, неоплаканный никѣмъ, далеко отъ родной земли, въ чужую землю закопайте! (Хочетъ выпить ядъ).

Лейла (вскакивая съ колынь). Другъ, другъ! Я виновата! Я забылась! Я не помню! Другъ! Руку дай! Ну, обними меня!... Умремъ, но вмѣстѣ... Въ могилѣ мой, и мой и за могилой! Скорѣй, скорѣй бѣжимъ... и вмѣстѣ. О, какъ будетъ сладко, какъ отрадно сердцу на сердцѣ друга умирать! Нѣтъ, не умремъ, а будемъ жить, другъ другомъ любоваться, дышать другъ на друга, дышать свободой! О, бѣжимъ! (Обнимаются оба и бѣгутъ).

Джембулатъ. Нѣтъ, здѣсь останьтесь! (Стрѣляетъ изъ-за утеса).

Леопольдъ. Чей голосъ? Боже! (Поддерживаетъ раненную черкешенку).

Лейла (падая на руки Леопольду). О! кажется, что голосъ брата! О, Господи! И отъ руки родной я умираю близъ тебя и для тебя, мой Леопольдъ, мой другъ,—не позабудь меня... и помни, какъ любить умѣла твоя черкешенка... (Умираетъ).

К о н е ц ъ .

ПРИЛОЖЕНИЕ III.

Списокъ ролей, иггранныхъ П. С. Мочаловымъ.

Трагедіи, драмы, драматическіе и роман-
тические отрывки и поэмы:

1. Бояринъ Ѳедоръ Васильевичъ Басенонъ,
трагедія въ 5 д., соч. Н. В. Кукольника, — за-
главная роль.

2. Гамлетъ, трагедія въ 5 д., соч. В. Шекс-
пира, переводъ Н. А. Полевою, — заглавная
роль (въ первый разъ—22-го января 1837 г.,
въ бенефисъ П. С. Мочалова).

3. Графиня Клара д'Обервиль, драма въ
5 д., переводъ съ французскаго В. А. Кара-
тынина, — роль графа д'Обервиль.

4. Двумужница, драма въ 5 д., соч. князя
А. А. Шаховскаго, — роль Романа Бобра.

5. День паденія Миссалонги, драма въ 5 д.,
переводъ съ французскаго О. О. Кокошкина, —
роль Капсали.

6. Донъ-Карлосъ, трагедія въ 5 д., соч.
Ф. Шиллера, переводъ П. Г. Ободовскаго, —
заглавная роль (въ первый разъ—3-го января
1830 г., въ бенефисъ П. С. Мочалова).

7. Екатерина Медичи, драма, — роль Нейвили.

8. Жизнь и смерть Ричарда III, трагедія въ
5 д., соч. В. Шекспира, переводъ Я. Г. Брян-
скаго, — роль Ричарда III (въ первый разъ—
18-го января 1835 г.).

9. Ивановъ или Возвращеніе Ричарда Льви-
наго Сердца, драма въ 5 д., соч. князя А. А.
Шиховскаго, — заглавная роль.

10. Иванъ Рябовъ, рыбакъ архангелогород-
скій, драматическій анекдотъ въ 2 д., соч.
Н. В. Кукольника, — заглавная роль.

11. Иголкинъ, купецъ новгородскій, драма
въ 1 д., соч. Н. А. Полевою, — заглавная роль
(въ первый разъ 20-го января 1841 г., въ бе-
нефисъ Львовой-Синецкой).

12. Іоаннъ, герцогъ Финляндскій, трагедія
въ 5 д., переводъ съ нѣмецкаго П. Г. Обо-
довскаго, — роль графа Христіана Рихерса.

13. Іоганнъ Фаустъ, драма въ 5 д., пере-
водъ съ нѣмецкаго Р. М. Зотова, — заглавная
роль.

14. Керимъ-Гирей, драма въ 5 д., соч. князя
А. А. Шаховскаго, — заглавная роль.

15. Клермонъ или Жена артиста, драма въ
2 д., соч. Скриба, переводъ Н. Коровкина, — роль
Клермона.

16. Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-
Шуйскій, драма въ 5 д., соч. Н. В. Куколь-
ника, — роль Ляпунова.

17. Коварство и любовь, трагедія въ 5 д.,
соч. Ф. Шиллера, переводъ Н. Сандунова, —
роль Фердинанда.

18. Коварство и любовь, трагедія въ 5 д.,
соч. Ф. Шиллера, переводъ Н. Сандунова, —
роль Миллера.

19. Коріоланъ, трагедія въ 5 д., соч. В. Шекс-
пира, переводъ В. А. Каратынина, — заглавная
роль.

20. Король Лиръ, трагедія въ 5 д., соч.
В. Шекспира, переводъ В. А. Каратынина, — за-
главная роль (въ первый разъ 4-го января
1841 г., въ бенефисъ П. С. Мочалова).

21. Луиза де Линьероль, драма въ 5 д., пе-
реводъ съ французскаго, — роль Генриха
Леньероль (въ первый разъ—12-го января
1840 г., въ бенефисъ П. С. Мочалова).

22. Майко, драма въ 3 д., соч. Н. В. Бекле-
мищева, — роль Вахтанга.

23. Мальвина или Урокъ богатымъ невѣстамъ,
драма въ 2 д., переводъ съ французскаго
Д. Т. Ленскаго, — роль Арвела (въ первый разъ—
13-го декабря 1840 г., въ бенефисъ Д. Т.
Ленскаго).

24. Марія Стюартъ, трагедія въ 5 д., соч.
Ф. Шиллера, переводъ А. Шинкова, — роль
Мортимера.

25. Наталья, боярская дочь, драма въ 3 д.,
соч. С. Н. Глинки, — роль Алексѣя Любослав-
скаго.

26. Нашествіе Батыя на Венгрію или Король
Бѣла IV и Коломанъ, драма въ 2 д., соч.
А. Коцебу, переводъ А. Шеллера, — роль ко-
роля Бѣлы IV (въ первый разъ—26-го октября
1822 г.).

27. *Невѣста разбойника*, мелодрама въ 3 д., соч. Кернера, переводъ А. Шеллера, — роль лѣсничаго Рудольфа.

28. *Ненависть къ людямъ и раскаяніе*, драма въ 5 д., соч. А. Коцебу, переводъ А. Малиновскаго, — роль Мейнау.

29. *Отелло*, трагедія въ 5 д., соч. В. Шекспира, сначала въ переводѣ Вельяминова, затѣмъ И. И. Панаева, — заглавная роль.

30. *Отецъ и дочь*, драма въ 5 д., переводъ съ итальянскаго П. Г. Ободовскаго, — роль Доверстопа.

31. *Параша-Сибирячка*, историческая быль въ 2 д., соч. Н. А. Полевого — роль неизвѣстнаго.

32. *Пебло*, прекрасный садовникъ Валенціи, мелодрама, — заглавная роль.

33. *Поликсена*, трагедія въ 5 д., соч. В. А. Озерова, — роль Ахиллеса.

34. *Пожарскій*, трагедія въ 3 д., соч. Крюковскаго, — заглавная роль.

35. *Прародительница*, драма въ 5 д., соч. Григгарьера, переводъ П. Г. Ободовскаго, — роль Ярмира.

36. *Разбойники*, трагедія въ 5 д., соч. Ф. Шиллера, переводъ Н. Сандунова, — роль Карла Моора.

37. *Разбойники*, трагедія въ 5 д., соч. Ф. Шиллера, переводъ Н. Сандунова, — роль Франца Моора.

38. *Ромео и Джульетта*, трагедія въ 5 д., соч. В. Шекспира, — роль Ромео.

39. *Рославлевъ*, драма въ 5 д., соч. князя А. А. Шаховскаго, — заглавная роль.

40. *Слесарь*, драма въ 1 д., переводъ П. И. Вальберха, — роль слесаря.

41. *Сынъ любви*, драма въ 5 д., соч. А. Коцебу, переводъ А. Малиновскаго, — роль Фрица.

42. *Танкредъ*, трагедія въ 5 д., соч. Вольтера, переводъ Н. И. Гиндича, — заглавная роль.

43. *Торквато Тассо*, драма въ 5 д., соч. Н. В. Кукольника, — заглавная роль.

44. *Тридцать лѣтъ или Жизнь игрока*, трилогія въ 3 суткахъ, соч. В. Дюканжа, переводъ Р. М. Зотова, — роль Жоржа Жермани.

45. *Уголино*, драма въ 5 д., соч. Н. А. Полевого — роль Нино.

46. *Фингаль*, трагедія въ 5 д., соч. В. А. Озерова, — заглавная роль.

47. *Фрегатъ Надежда*, драма въ 5 д., соч. П. Н. Писарева, — роль капитана.

48. *Цыгане*, сцены по А. С. Пушкину, — роль Алеко.

49. *Чернешенка*, драма въ 2 д. и 3 карт., соч. П. С. Мочалова, — роль Джембулата.

50. *Честь или Смерть*, драма въ 5 д., соч. Н. А. Полевого, — роль Бидермана.

51. *Эдипъ въ Афинахъ*, трагедія въ 5 д., соч. В. А. Озерова, — роль Полиника (дебютная — 4-го сентября 1817 г.).

52. *Эсмеральда*, драма въ 5 д., переводъ съ нѣмецкаго В. А. Каратыгина, — роль Синдика.

53. *Юрій Милославскій*, романтическое представление въ 5 д., соч. князя А. А. Шаховскаго, — заглавная роль.

Комедіи:

54. *Аристофанъ*, комедія въ 3 д., соч. князя А. А. Шаховскаго, — заглавная роль.

55. *Влюбленный Шекспиръ*, комедія въ 1 д., соч. Дювалля, переводъ Д. И. Ныжкова, — роль Шекспира.

56. *Горе отъ ума*, комедія въ 4 д., соч. А. С. Грибоедова, — роль Чацкаго.

57. *Добрый малый*, комедія въ 3 д., соч. М. Н. Заюскаго, — роль Вельскаго.

58. *Какаду*, комедія въ 1 д., соч. князя А. А. Шаховскаго, — роль князя.

59. *Кремневъ, русскій солдатъ*, комедія въ 2 д., соч. И. Н. Скобелева, — роль полковника.

60. *Лукавинъ*, комедія въ 1 д., переводъ А. И. Писарева, — заглавная роль.

61. *Поездка въ Кронштадтъ*, комедія въ 3 д., передѣланная съ французскаго А. И. Писарева, — роль Лидина.

62. *Пустодомы*, комедія въ 5 д., соч. князя А. А. Шаховскаго, — роль князя Радугина.

63. *Романъ на одинъ часъ*, комедія въ 1 д., переводъ О. О. Кокошкина, — роль князя.

64. *Севильскій цирюльникъ*, комедія въ 3 д., соч. Бомарше, переводъ Ушакова, — роль графа Альмавива.

65. *Судьба Ниджеля или Все бѣда для несчастнаго*, комедія въ 5 д., соч. князя А. А. Шаховскаго, — роль Ниджеля.

66. *Три тѣни отца Гамлета или Прерванная театральная проба*, комедія въ 1 д., — роль Велеслава.

67. Урокъ женатымъ, комедія въ 1 д., соч. князя А. А. Шаховскаго,—роль князя.

68. Ябеда, комедія въ 5 д., соч. В. В. Канин-ста,—роль подполковника Пряжикова.

69. Федоръ Григорьевичъ Волковъ или День рожденія русскаго театра, комедія въ 3 д., соч. князя А. А. Шаховскаго,—роль Волкова.

Водевиль:

70. Мочаловъ въ провинціи, водевиль въ 2 д., передѣланный съ французскаго Д. Т. Ленскимъ,—роль Мочалова (въ первый разъ—13-го декабря 1840 г., въ бенефисъ Д. Т. Ленскаго).

ПРИЛОЖЕНІЕ IV.

«Дѣло» П. С. Мочалова, хранящееся въ архивѣ Московской конторы Императорскихъ театровъ.

Въ архивѣ Московской конторы Императорскихъ театровъ хранится Дѣло за № 16, заключающее въ себѣ всѣ уцѣлѣвшіе документы о службѣ П. С. Мочалова. «Дѣло» начато 30-го апрѣля 1830 года и кончено 30-го января 1870 года. Оно содержитъ въ себѣ 52 листа подлинныхъ и черновыхъ бумагъ. Краткая опись всѣхъ документовъ этого дѣла приводится нами въ хронологическомъ порядкѣ; бумаги подлинныя указаны, остальные—черновыя.

1. *Повѣстка* Мочалову изъ конторы, 30-го апрѣля 1830 года, № 624, объ оставленіи его на дальнѣйшую службу безъ возобновленія контракта и о прибавкѣ ему содержанія въ годъ по 500 рублей на гардеробъ и квартиру.

2. *Ордеръ* директора Московскихъ театровъ инспектору репертуара, 15-го іюля 1833 года, № 115, о дурномъ поведеніи Мочалова и о принятіи противъ этого строгихъ мѣръ.

3. *Прошеніе* Мочалова директору театра, 1-го ноября 1837 года, о пенсіонѣ за 20 лѣтъ службы (подлинное).

4. *Репортъ* директора театра министру, 3-го ноября 1837 года, № 521, о прошеніи Мочалова, съ «аттестацией».

5. *Предписаніе* директора театра конторѣ, 10-го ноября 1837 года, по поводу распоряженія министра о прекращеніи съ 8-го ноября Мочалову жалованья, о производствѣ ему, по Высочайшему повелѣнію, 4.000 рублей пенсіи и продолженіи проспектакльной платы по 25 рублей и ежегоднаго полнаго бенефиса (подлинное).

6. *Повѣстка* о томъ Мочалову, 10-го ноября 1837 года, № 1603.

7. *Видѣніе* о томъ изъ репертуарнаго стола въ бухгалтерскій столъ конторы театровъ, 11-го ноября 1837 года, № 64.

8. *Отношеніе* конторы театровъ уѣздному казначейству, 11-го ноября 1837 года, № 1614, о выдачѣ пенсіи Мочалову.

9. *Свидѣтельство* о томъ Мочалову, 12-го ноября 1837 года, № 1622, для полученія пенсіи изъ уѣзднаго казначейства.

10. *Отношеніе* о томъ Кабинета Его Императорскаго Величества, 10-го декабря 1837 года, № 4910 (подлинное).

11. *Отношеніе* конторы театровъ казенной палатѣ, 16-го декабря 1837 года, № 1920, о томъ же.

12. *Ордеръ* дирекціи инспектору репертуара, 13-го декабря 1838 года, № 341, о перенесеніи бенефиса Мочалова, не въ примѣръ другимъ, вмѣсто 16-го декабря 1838 года въ канунъ сочельника передъ Крещеніемъ, 4-го января 1839 года (подлинный).

13. *Прошеніе* Мочалова, 29-го сентября 1839 года, объ оставленіи его на службѣ согласно предложенію дирекціи, съ поспектакльной платой 125 рублей и бенефисомъ (подлинное).

14. *Репортъ* директора министру, 20-го октября 1839 года, № 208, о томъ же (плата опредѣлена по расчету вознагражденія 5.000 рублей въ годъ).

15. *Предписаніе* дирекціи конторѣ, 3-го ноября 1839 года, № 245, о производствѣ Мочалову поспектакльной платы по 125 рублей ассигнаціями (подлинное).

16. *Ордеръ* зрителямъ за сборами, Пеше и Божановскому, 4-го ноября 1839 года, №№ 1965 и 1966, о томъ же.

17. *Билетъ* конторы Императорскихъ театровъ, 3-го октября 1839 года, № 657, на прожитіе въ Москвѣ Мочалову, съ женою и дочерью, по 8-е ноября 1839 года (подлинный).

18. *Предписаніе* дирекціи конторѣ, 13-го марта 1840 года, № 56, объ увольненіи отъ службы Мочалова, въ силу его прошенія, и выдачѣ ему паспорта съ надлежащей «аттестаціей».

19. *Видѣніе* изъ репертуарнаго въ бухгалтерскій столъ конторы, 13-го марта 1840 года, № 2, о томъ же.

20. *Подписка* Мочалова, 20-го марта 1840 года, объ обязанности, въ случаѣ вступленія въ государственную службу, извѣстить о томъ Кабинетъ Его Императорскаго Величества (подлинная, на печатномъ бланкѣ).

21. *Подписка* Мочалова, 27-го марта 1840 года, о его лѣтахъ и вѣроисповѣданіи и о вѣроисповѣданіи жены и дочери (подлинная).

22. *Паспортъ* Мочалова, съ «аттестаціей» и примѣтами, 22-го марта 1840 года, № 143.

23. *Письмо* Мочалова къ Загоскину, 5-го сентября 1840 года, объ условіяхъ службы; съ отмѣткою Загоскина (подлинное).

24. *Ордеръ* дирекціи, 10-го сентября 1840 года, № 210, на письмо Мочалова, съ условіями по отмѣткѣ Загоскина.

25. *Донесеніе* Мочалова директору, 26-го сентября 1840 года, о согласіи на условія дирекціи съ обезпеченіемъ не менѣе одной поспектакльной платы въ недѣлю; съ отмѣткою Загоскина о донесеніи объ этомъ министру и взятіи съ Мочалова подписки о подчиненіи его требованіямъ дирекціи, какъ дѣйствительно служащаго (подлинное).

26. *Подписка* Мочалова о подчиненіи требованіямъ дирекціи, съ оговоркою о полученіи не менѣе одного раза въ недѣлю поспектакльной платы, если даже театры будутъ закрыты, и съ обязательствомъ увѣдомить дирекцію объ увольненіи за три мѣсяца до выхода (подлинникъ).

27. *Ордеръ* конторы зрителю сборовъ, 7-го октября 1840 года, № 1737.

28. *Предписаніе* директора Гедеонова конторѣ театровъ, 20-го ноября 1842 года, № 629, объ увольненіи Мочалова отъ службы (подлинное).

29. *Докладная записка* Мочалова, 21-го ноября 1842 года, о желаніи быть вновь принятымъ на службу.

30. *Предписаніе* директора конторѣ, 28-го ноября 1842 года, № 614, о принятіи Мочалова на службу (подлинное).

31. *Прошеніе* Мочалова, 19-го марта 1843 года, о половинномъ бенефисѣ, поспектакльной платѣ въ 30 рублей сер., 1000 рублей сер. жалованья и 40-дневномъ отпускѣ (подлинное).

32. *Предписаніе* дирекціи конторѣ, 30-го марта 1843 года, № 149, о не разрѣшеніи министра измѣнить условія (подлинное).

33. *Докладная записка* конторы въ дирекцію, 19-го марта 1843 года, № 162, о возвращеніи Мочалова изъ отпуска въ горячкѣ и кончинѣ его 16-го марта (подлинная).

34. *Предписаніе* дирекціи конторѣ, 22-го марта 1848 года, № 110, объ исключеніи умершаго Мочалова изъ списковъ (подлинное).

35. *Докладная записка* конторы, 7-го апрѣля 1848 года, № 400, съ прошеніемъ Мочаловой о пенсіи. Приложена справка о службѣ Мочалова.

36. *Отношеніе* канцеляріи дирекціи, въ контору, 14-го апрѣля 1848 года, № 72, о томъ, сколько лѣтъ дочери Мочалова и гдѣ желаетъ вдова его получать пенсію (подлинное).

37. *Повѣстка* вдовѣ Мочаловой, 18-го апрѣля 1848 года, № 22, съ запросомъ объ этомъ. Отвѣтъ — на оборотѣ: «Пенсіонъ въ Москвѣ, дочери 19 лѣтъ»; за подписью Мочаловой (подлинная).

38. *Отношеніе* о томъ въ дирекцію, 19-го апрѣля 1848 года, № 462.

39. *Предписаніе* дирекціи конторѣ, 27-го апрѣля 1848 года, № 194, о разрѣшеніи министромъ вдовѣ Мочаловой выдавать по 571 р. 42 к. въ годъ пенсіи (подлинное).

40. *Паспортъ и аттестатъ*, со свидѣтельствомъ священника Николобольшекрестовской церкви о кончинѣ Мочалова 16-го и погребеніи 19-го марта 1848 года на Ваганьковскомъ кладбищѣ (подлинный—см. выше, № 22).

41. *Отношеніе* изъ конторы въ уѣздное казначейство, 6-го мая 1848 года, № 647, о назначеніи вдовѣ Мочалова пенсіи.

42. *Свидѣтельство* изъ конторы, 6-го мая 1848 года, № 648, вдовѣ и дочери Мочалова о пенсіонѣ и для свободнаго прожитія.

43. *Отношеніе* канцеляріи дирекціи въ контору, 8-го ноября 1848 года, № 654, о сообщеніи заключенія по прошенію дочери Мочалова, Екатерины (подлинное).

44. *Отношеніе* конторы въ дирекцію, 20-го ноября 1848 года, № 2501, о томъ, что былъ случай выдачи пенсіи совершеннолѣтней дочери Щепкина, въ уваженіе его заслугъ и ея болѣзни, въ томъ же размѣрѣ, какъ и до совершеннолѣтія; вообще же совершеннолѣтнимъ дѣтямъ пенсіи не выдаются.

45. *Отношеніе* дирекціи въ контору, 23-го января 1870 года, о томъ живали вдова артиста Наталія Мочалова (подлинное).

46. *Отношеніе* на это изъ конторы, 30-го января 1870 года, № 340: «Свѣдѣній въ конторѣ не имѣется, по частнымъ слухамъ Мочалова находится въ Смоленскѣ».

ПРИЛОЖЕНИЕ V.

Материалы для биографии П. С. Мочалова.

(Библиографическая справка).

Въ настоящей библиографической справкѣ собраны указанія на значительнѣйшую часть всего, что до сихъ поръ появилось въ русской литературѣ и періодической печати о П. С. Мочаловѣ. Всѣ почти указанные здѣсь матеріалы просмотрѣны составителемъ въ натурѣ; нѣкоторыя же періодическія изданія не могли быть просмотрѣны, за неимѣніемъ ихъ въ московскихъ библіотекахъ. Хотя въ этой справкѣ и могутъ быть пробѣлы, тѣмъ не менѣе, она можетъ принести пользу будущему біографу Мочалова.

I.

С. Θ. Мочаловъ.

1. *Арановъ, П. Н., и Роппольшъ, Августъ.* Альбомъ драматическій.—М. 1850. Стр. LI, LV, LVII, LVIII, LXIV.
2. *Арановъ, П. Н.* Лѣтопись русскаго театра.—Спб. 1861. Стр. 218.
3. *Барсуковъ, Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина.—Т. I, стр. 8.
4. *Господинъ Мочаловъ.*—«Аглая», 1809, ч. V, мартъ, стр. 73—75.
О С. Θ. Мочаловѣ.
5. *Долорукий, И. М.* Канише моего сердца. — «Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ», 1873, сентябрь, № 2.
6. *Жихаревъ, С. П.* Записки современника. Ч. I. Дневникъ студента.—Спб. 1859. Стр. 22, 179.
С. Θ. Мочаловъ въ «Разбойникахъ».
7. *Полевой, Н. А.* Мои воспоминанія о русскомъ театрѣ.—«Репертуаръ», 1840, № 2, стр. 6, 7.
8. *Щ-и-нъ, С.* Письмо къ издателю. — «Журналъ Драматическій», 1811, ч. I, № 2, стр. 93 — 98.

II.

Жизнь и дѣятельность П. С. Мочалова (воспоминанія и другіе матеріалы).

9. *Аксаковъ, С. Т.* Разныя сочиненія. Литературныя и театральныя воспоминанія. — М. 1858. Стр. 37—41, 50—55, 94—95, 102, 110, 128—130, 139, 172—175.
Однѣ изъ наиболѣе цѣнныхъ и содержательныхъ матеріаловъ для біографіи П. С. Мочалова.
10. *Арановъ, П. Н., и Роппольшъ, Августъ.* Альбомъ драматическій.—М. 1850. Стр. LI, LV, LVII, LXIII, LXIV, LXXIX, 48, 49, 149, 150, 152, 212, 223.
Между прочимъ, въ приложеніи помѣщенъ снимокъ съ рукописи П. С. Мочалова.
11. *Аоанасьевъ, Н. Я.* Воспоминанія. — «Историческій Вѣстникъ», 1890, № 7, стр. 37—38.
12. *Барсуковъ, Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина.—Т. III, стр. 69.
Письмо П. С. Мочалова къ Погодину по поводу постановки «Ермака» Хомякова.
13. То же.—Т. II, стр. 313, 405.
Первое—по поводу того же; второе—объ участіи П. С. Мочалова въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности, 23-го декабря 1829 года.

14. *Берг, Н. В.* Московскія воспоминанія.— «Русская Старина», 1884, № 10, стр. 55.

О Дьякова, пріятель П. С. Мочалова.

15. *Вейнбергъ, Петръ Ис.* Изъ моихъ театральныхъ воспоминаній. М. С. Щепкинъ и П. С. Мочаловъ.—«Ежегодникъ Императорскихъ театровъ», сезонъ 1894—1895 гг., приложенія книга 1-я, стр. 78—84.

П. С. Мочаловъ—въ Одессѣ.

16. *Вильде, Н. Е.* Изъ моихъ записокъ.— «Московский Листокъ», 1888, 20-го декабря.

17. *Галаховъ, А. Д.* Литературная кофейная въ Москвѣ, въ 1830—1840 годахъ, воспоминанія.— «Русская Старина», 1886, № 4, стр. 188—197.

Цѣнныя воспоминанія о П. С. Мочаловѣ, какъ артистѣ и человѣкѣ.

18. *Живокини, В. И.* Воспоминанія.— «Антрактъ», 1864, 24-го марта.

19. Изъ текущей жизни.—«Недѣля», 1878, № 8, стр. 269.

Воспоминаніе о П. С. Мочаловѣ.

20. *Каратыгинъ, П. А.* Записки. 1805—1879.—Спб. 1880. Стр. 169, 238—240.

21. *Костенецкій, Я.* Воспоминанія.—«Русскій Архивъ», 1887, № 1, стр. 117; № 3, стр. 325.

22. *Кублицкій, М. Е.* П. С. Мочаловъ.— «Русскій Архивъ», 1875, № 12, стр. 484—494.

Читано въ публичномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ университетѣ.

23. *Куликовъ, Н. И.* Воспоминанія.— «Искусство», 1883, №№ 6, 7 и 8.

Много подробностей о личной жизни П. С. Мочалова.

24. Къ издателю «Галатеи» (письмо).—«Галатея», 1829, № 5.

Письмо П. С. Мочалова и М. С. Щепкина по поводу полемической крѣптки.

25. *Медведевъ, П. М.* Автобіографія.—Казань. 1886. Стр. 4.

Впечатлѣнія дѣтства отъ игры П. С. Мочалова.

26. Объявленіе о первомъ дебютѣ П. С. Мочалова на сценѣ.—«Московскія Вѣдомости», 1817, № 70.

27. *Панасовъ, Н. И.* Литературныя воспоминанія и воспоминанія о Бѣлинскомъ.—Спб. 1876. Стр. 208—212.

О неудачныхъ спектакляхъ съ П. С. Мочаловымъ въ Гамлетѣ и Отелло.

28. Письмо къ издателю о г. Мочаловѣ.— «Благонамѣренный», 1819, ч. V, № 1, стр.

65—67; съ приложеніемъ стихотворенія: «На игру г. Мочалова въ трагедіи Танкредъ», подписаннаго: *Берединовъ, 17-го декабря 1818 года.*

О желаніи любителей искусства отпраздновать Мочалова за границю для усовершенствованія.

29. *Полюдинъ, М. П.* Два слова о Мочаловѣ.—«Антрактъ», 1868, № 25.

О семейной жизни П. С. Мочалова.

30. *Полевой, К. А.* Записки.—«Историческій Вѣстникъ», 1887, № 8, стр. 283—285, 294—296.

О представленіи «Гамлета» и споминаніяхъ П. С. Мочалова съ Н. А. Полевымъ.

31. *Ришельманъ.* Вечера для чтенія.—«Москвитинъ», 1843, № 5.

П. С. Мочаловъ читалъ «Чернецъ» Козлова.

32. Русскій театръ, артисты и артистки.—«Русская Старина», 1880, № 10, стр. 325, 326, 333, 336, 340, 349.

И. Ф. Горбунцовъ не вѣрно указываетъ годъ смерти П. С. Мочалова—1845 г. Завѣсь сообщены: письмо П. С. Мочалова къ П. И. Сосницкому, стихотвореніе Д. Т. Левскаго о памятникѣ Мочалову и др.

33. *Садовскій, М. П.* Осдоръ Семеновичъ Потанчиковъ.—«Артистъ», 1890, № 3, стр. 46—47.

Воспоминанія о П. С. Мочаловѣ.

34. *Соловьевъ, С. П.* Изъ записной книжки отставнаго режиссера.—«Антрактъ», 1868, №№ 21 и 22.

Воспоминанія о П. С. Мочаловѣ.

35. *Соловьевъ, С. П.* Отрывки изъ памятной книжки режиссера.—«Ежегодникъ Императорскихъ театровъ», сезонъ 1895—1896 гг., приложенія кн. I-я, стр. 131—134.

Перепечатка предыдущихъ воспоминаній.

36. *Фетъ, А. А.* Воспоминанія.—«Русское Обозрѣніе», 1893, январь, стр. 14—17.

О талантѣ П. С. Мочалова.

37. *Шумилова-Мочалова, Е. П.* Воспоминанія, съ предисловіемъ и примѣчаніями А. А. Ярецва.—«Историческій Вѣстникъ», 1896, №№ 10 и 11.

Подробности семейной и личной жизни П. С. Мочалова.

38. *Ярецвъ, А. А.* «Гамлетъ» на русской сценѣ.—«Московскія Вѣдомости», 1891, № 284.

39. *Ярецвъ, А. А.* Памяти П. С. Мочалова.—«Новости Дня», 1891, № 2771, «Театральные памятные дни».

40. *Ярцевъ, А. А.* Воспоминанія о П. С. Мочаловѣ (новые матеріалы) — «Московскія Вѣдомости», 1897, № 351.

По разсказамъ С. И. Степіуло, родственника П. С. Мочалова по женѣ.

41. *Ярцевъ, А. А.* П. Г. Степановъ. — «Ежегодникъ Императорскихъ театровъ», сезонъ 1896—1897 гг., приложенія кв. 1-я, стр. 71.

О выходѣ П. С. Мочалова въ отставку, въ 1837 году.

III.

П. С. Мочаловъ въ провинціи.

42. *Городецкий, Н.* Николай Хрисанфовичъ Рыбаковъ. — «Дневникъ Артиста», 1893, № 8, июль, стр. 11, 12 и 15.

Отношеніе П. С. Мочалова къ провинціальнымъ артистамъ.

43. *Лавровъ, И. И., актеръ.* Автобіографія. — Харьковъ. 1895. Стр. 7, 18, 19, 21, 22.

П. С. Мочаловъ — въ Харьковѣ. Его вліяніе на провинціальныя артистовъ.

44. *Ленскій, Д. Т.* Павелъ Степановичъ Мочаловъ въ провинціи, вод. въ 2 д. передъ съ французскаго.

45. *Николаевъ, Н. Н.* Драматическій театръ

въ Кіевѣ. Историческій очеркъ (1803 — 1893 гг.). — Кіевъ. 1898. Стр. 25—28.

П. С. Мочаловъ — въ Кіевѣ.

46. *Нильскій, А. А.* Закулисная хроника. 1856—1894. — Спб. 1897. Стр. 272—273.

Воспоминаніе провинціального актера о П. С. Мочаловѣ.

47. *Ярцевъ, А. А.* Мочаловъ въ роли Мочалова. — «Новости дня», 1890, №№ 26 и 65, «Театральные памятные дни».

48—55. См. выше, №№ 15 и 37, и ниже, №№ 65, 67, 68, 69, 73 и 87 библиографическаго указателя.

IV.

Игра, талантъ, и значеніе дѣятельности П. С. Мочалова *).

56. *Аверкиевъ, Д. В.* О драмѣ. Критическое разсужденіе. — Спб. 1893. Стр. 205 и 283.

Объ игрѣ П. С. Мочалова.

57. *Анненковъ, П. В.* Воспоминанія и критическія статьи. — Спб. 1881. Отд. 3, стр. 301—302 и 303.

П. С. Мочаловъ по отношенію къ Вѣлинскому и Станкевичу.

58. *Анненковъ, П. В.* Н. Станкевичъ. — Спб. 1857. Стр. 25, 26, 78, 121.

59. *Беклемишевъ, Н.* Мочаловъ и Каратыгинъ. — «Драматическій Сборникъ», 1860, №№ 4 и 5 (перепечатано изъ «Литературной газеты», 1844).

60. *Бѣлинскій, В. Г.* Сочиненія. — М. 1872—1874.

О П. С. Мочаловѣ говорится въ слѣдующихъ мѣстахъ: т. I, стр. 505—519 (ст. «Объ игрѣ г. Каратыгина»); т. II, стр. 477—587 (ст. «Гамлетъ», драма Шекспира, и Мочаловъ въ роли Гамлета), стр. 587—588 (ст. «Каратыгинъ на Московской сценѣ»); т. III, стр. 131, 132 и 156 (Мочаловъ въ «Лирѣ»), стр. 134 (Мочаловъ въ «Иголкинѣ»), стр. 161 (Мочаловъ въ «Кенѣ артиста»), стр. 162 (Мочаловъ въ «Цыганахъ»), стр. 177 (сравненіе Мочалова съ Каратыгинымъ); т. XII, стр. 186—191 (некрологическая замѣтка).

61. *Галаховъ, А. Д.* Шекспиръ на Руси. — «Русская Спена», 1864, № 4, стр. 77, 78 и 82.

П. С. Мочаловъ — Гамлетъ.

62. *Григорьевъ, А. А.* Сочиненія, т. I. — Спб. 1876.

О П. С. Мочаловѣ: въ статьѣ — «Взглядъ на русскую литературу со смерти Пушкина», стр. 244, 279, 287, 288, 293, 339, 347, 348; въ статьѣ — «Западничество въ русской литературѣ», стр. 528; въ статьѣ — «Парадоксы органической критики», стр. 634.

63. *Григорьевъ, А. А.* Великій трагикъ. Разсказъ изъ книги «Одиссея о послѣднемъ романтикѣ». — «Русское Слово», 1859, № 1, смѣсь, стр. 1—42.

Характеристика игры и таланта П. С. Мочалова.

64. *Дмитріевъ, М.* Мелочи изъ запаса моей памяти. — М. 1869. Стр. 172, 176.

65. *Зотовъ, В. Р.* Художникъ-литераторъ. — «Историческій Вѣстникъ», 1893, № 9, стр. 689.

66. *К(ублицкій), М. Е.* Очерки Европейскихъ театровъ. Изъ писемъ и замѣчаній путешественника. — М. 1848. Стр. 18, 86.

Объ игрѣ П. С. Мочалова.

*) Статьи, напечатанныя подъ отдѣльными заголовками, указаны здѣсь также отдѣльно. Отрывки, помѣщенные въ обще-критическихъ статьяхъ, распределены по журналамъ въ концѣ отдѣла.

67. Матеріали для сценической біографіи Павла Степановича Мочалова.—«Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду», 1839, №№ 25 и 26.

Перепечатка статьи — «Мочаловъ на Харьковской сценѣ», изъ «Драматическаго Сборника».

68. П. С. Мочаловъ.—«Пантеонъ русскихъ и всѣхъ европейскихъ театровъ», 1840, ч. II, № 5, стр. 101—104.

69. М.—*вицъ*, К. Воспоминаніе о П. С. Мочаловѣ.—«Одесскій Вѣстникъ», 1843, № 68, стр. 325—327.

70. Н. Д. Студенческія воспоминанія о Московскомъ университетѣ.—«Отечественныя Записки», 1859, январь, стр. 8—10.

П. С. Мочаловъ, какъ артистъ, и его вліяніе на современное общество.

71. «Отелло». Изъ частнаго письма К. К. К.—«Одесскій Вѣстникъ», 1843, № 51, стр. 245—246.

72. Сиротининъ, А. Н. Очеркъ развитія русскаго сценическаго искусства.—«Артистъ», 1893, январь, № 26.

Характеристика таланта и значенія П. С. Мочалова.

73. Скифъ. П. С. Мочаловъ на Одесской сценѣ.—«Одесскій Вѣстникъ», 1843, № 47, стр. 227.

74. Сцена.—«Московскій Наблюдатель», 1836, ноябрь, кн. 1-я, смѣсь, стр. 123—125.

По поводу перваго представленія «Гамлета»; изложена въ формѣ діалога.

75. Храповицкій, А. И. Дневникъ.—«Русская Старина», 1879, № 2, стр. 341—356.

Отзывъ объ игрѣ П. С. Мочалова.

76. Ш(евиревъ, С.). Бенефисъ г. Мочалова. Представленіе «Ромео и Юліи».—«Москвитининъ», 1841, кн. 1-я, ч. 1-я, № 2, стр. 596—601.

77. Щенкинъ, М. С. Записки и письма.—М. 1864. Стр. 196.

Озывъ Щенкина по поводу смерти П. С. Мочалова.

78. Юрьевъ, С. А. Нѣсколько мыслей о сценическомъ искусствѣ.—М. 1888. Стр. 58, 91.

Къ характеристикѣ свойствъ таланта П. С. Мочалова.

79. «Антрактъ», 1865, №№ 98, 100, 119, 251.

80. «Вѣстникъ Европы», 1823, № 19, октябрь, стр. 232 («Медея»), стр. 233 (письмо къ редактору, за подписью *И-с-р-ва*, объ игрѣ въ «Лукавинѣ»); № 22, ноябрь, стр. 143—144 (Мочаловъ въ комедіяхъ).

81. «Галатея», 1829, № 3 («Севильскій цирюльникъ»), № 5 («Волковъ»), № 6 («Пустодомы»), № 7 и № 20 («Разбойники»).

82. «Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду», 1838, № 15 («Уголино»), № 23 (сравненіе съ В. А. Каратыгинимъ); 1839, № 16 («Ролла»), № 31 («Скопинъ»); 1841, № 139 («Майко»).

83. «Московскій Вѣстникъ». «Драматическое прибавленіе», 1828, № II («Отелло»), № IV («Сынъ любви», «Урокъ женатымъ»), №№ VII и VIII («Аристофанъ», «Пустодомы», «Лукавинъ», сравненіе съ В. А. Каратыгинимъ); 1830, № 1 («30 лѣтъ»), № 2 («Донъ-Карлосъ»).

84. «Московскій Телеграфъ», 1830, № 9 («Аристофанъ»); 1831, № 3 («Пибло»), № 4 («Прародительница»), № 5 («Горе отъ ума»).

85. «Репертуаръ и Пантеонъ», 1844, № 6, стр. 128 (вновь выступилъ въ Мейнау); 1846, № 7, стр. 20 («Екатерина Медичисъ»), № 11, стр. 102 (сравненіе съ В. А. Каратыгинимъ).

86. «Репертуаръ русскихъ и Пантеонъ всѣхъ европейскихъ театровъ», 1842, XI, стр. 26, 27 (сравненіе съ В. А. Каратыгинимъ).

87. «Репертуаръ русскаго театра», 1839, № 9, стр. 2 («Лиръ»), стр. 5 («Иголкинъ»), стр. 9 («Честь или смерть»); 1840, № 1, стр. 15 («Иванъ Рябовъ»), № 3, стр. 37—38 («Линьероль»), № 8, стр. 4—8 (гастроли въ Воронежѣ), № 10, стр. 23, № 11, стр. 3 (вновь вступилъ на сцену); 1841, № 1, стр. 6 («Гамлетъ»), № 2, стр. 8, 9 (сравненіе съ В. А. Каратыгинимъ), № 11, стр. 33 (гастроли въ Кіевѣ).

88. «Телескопъ», 1831, ч. 5, кн. 5, № 20, стр. 593—594 («Горе отъ ума»).

V.

Біографіи. Некрологи.

89. Вольфъ, А. А. Хроника Петербургскихъ театровъ.—Спб. 1877. Стр. 35, 113.

90. Еще одного не стало.—«Пантеонъ», 1848, т. II, апрѣль, кн. 4, смѣсь, стр. 35—37. Некрологическая статья.

91. Некрологъ.—«Вѣдомости Московской Городской Полиціи», 1848, № 63, 19-го марта, стр. 479.

Въ концѣ некролога—стихотвореніе Д. Т. Лепскаго, перепечатанное выше, въ главѣ XXI, стр. 90.

92. Некрологъ.—«Московскія Вѣдомости», 1848, № 34, 18-го марта.

Первое извѣстіе въ печати о смерти П. С. Мочалова.

93. П. С. Мочаловъ (1800—1846).—«Иллюстрированная Газета», 1866, т. 17, № 11, съ портретомъ.

Годъ смерти указанъ не вѣрно.

94. П. С. Мочаловъ.—«Русскій Инвалидъ», 1848, № 73, стр. 289—290.

95. Смерть и похороны Мочалова.—«Московскія Вѣдомости», 1893, № 74, отдѣлъ театральныхъ извѣстій.

96. *Ярцевъ, А. А.* Безумный сынъ Шекспира. (Памяти П. С. Мочалова).—«Театръ и Жизнь», 1889, №№ 297 и 301.

97. *Ярцевъ, А. А.* П. С. Мочаловъ (по поводу чествованія его памяти).—«Московскія Вѣдомости», 1892, № 245.

98. *Ярцевъ, А. А.* Жизнь замѣчательныхъ людей. М. С. Шепкинъ, его жизнь и спеническая дѣятельность въ связи съ исторіей современнаго ему театра. (Биографическій очеркъ).—Спб. 1893. Стр. 64—75.

О П. С. Мочаловѣ.

99. *Ярцевъ, А. А.* Письмо въ редакцію. По поводу біографіи П. С. Мочалова.—«Новости Дня», 1897, № 3137.

Письмо о сообщеніи матеріаловъ. Тоже письмо помѣщено въ газетахъ: «Московскія Вѣдомости», «Новое Время», «Новости Сезона», «Московский Листокъ» и др.

VI.

Могила П. С. Мочалова.

100. Могила артистовъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ.—«Антрактъ», 1864, № 176.

О прежешихъ памятникахъ на могилѣ П. С. Мочалова.

101. Могила Мочалова.—«Московскія Вѣдомости», 1898, № 70, отд. «Театръ и музыка».

102. *Ярцевъ, А. А.* Починъ охраненія «забытыхъ могилъ». Письмо въ редакцію.—«Русскія Вѣдомости», «Русскій Листокъ», «Московскія Вѣдомости», «Московский Листокъ», «Москов-

ская Иллюстрированная Газета», 1892, 24-го марта.

Призывъ къ пожертвованіямъ на возобновленіе могилы П. С. Мочалова.

103. *Ярцевъ, А. А.* Могила П. С. Мочалова.—«Новости Дня», 1892, № 3157, «Театральные памятные дни».

104. *Ярцевъ, А. А.* Поминки по П. С. Мочаловѣ.—«Театральный Мірокъ», 1892, № 36, отд. «Памятки изъ театральной старины».

105. *Ярцевъ, А. А.* Возобновленіе и охраненіе «забытыхъ могилъ». — «Историческій Вѣстникъ», 1893, № 12, стр. 881—891.

VII.

Сочиненія П. С. Мочалова.

106. Черкешенка, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, соч. П. С. Мочалова.

См. выше, приложение II, стр. 115—131. Экземпляръ «Черкешенки» находится въ Центральной бібліотекѣ Императорскихъ театровъ, а списки—въ некоторыхъ частныхъ бібліотекахъ.

107. Стихотворенія П. С. Мочалова.—«Литературный Кабинетъ». М. 1842. Ч. 2, стр. 7, 11—14.

См. выше, приложение I, стр. 106—109.

108. Четыре стихотворенія актера-поэта П. С. Мочалова.—«Репертуаръ и Пантеонъ», 1846, т. 14, кн. 5, стр. 457—461.

См. выше, приложение I, стр. 109—113.

109. Стихотвореніе П. С. Мочалова, посвященное М. Д. Львовой-Синецкой. — «Антрактъ», 1868, №№ 21 и 22, и «Ежегодникъ Императорскихъ театровъ», сезонъ 1895—1896 гг., приложенія кн. 1-я, стр. 132, въ запискахъ С. П. Соловьева.

См. выше, приложение I, стр. 113.

110. Къ дочери. Отрывокъ стихотворенія П. С. Мочалова.—«Историческій Вѣстникъ», 1896, № 11, въ воспоминаніяхъ Е. П. Шутиловой-Мочаловой.

См. выше, приложение I, стр. 113—114

VIII.

Стихотворенія, посвященныя П. С. Мочалову.

111. Григорьевъ, А. А. Искусство и правда. — «Москвитянинъ», 1854, №№ 3—4, февраль, кн. 1—2, смѣсь, стр. 76—82.

Отвѣтъ-эпиграмма на это стихотвореніе напечатанъ въ «Москвитянинѣ», 1854, № 5, мартъ, кн. 1, смѣсь, стр. 20.

112. Дьяковъ, А. Стихотвореніе. — «Историческій Вѣстникъ», 1896, № 11, стр. 477, въ воспоминаніяхъ Е. П. Шумиловой-Мочаловой.

113. Ключниковъ, И. П. Katzenjammer. — «Литературный Журналъ», 1881, февраль, стр. 81—82.

Отрывокъ изъ письма И. П. Ключникова къ Я. П. Полюпожскому и стихотвореніе первого.

114. Ленскій, Д. Т. Стихотвореніе. — «Русская Старина», 1880, № 10, стр. 325—326.

115. Ленскій, Д. Т. Стихотвореніе. — «Русскій Архивъ», 1885, кн. 1, стр. 660.

116. Ленскій, Д. Т. Стихотвореніе. — См. выше, № 91 библиографическаго указателя.

117. Мартыновъ, П. К. Цвѣтъ нашей интеллигенции. Словарь-альбомъ русскихъ дѣятелей XIX вѣка въ силуэтахъ, краткихъ характеристикахъ, надписяхъ къ портретамъ и эпитафіяхъ. — Спб. 1891. Стр. 149.

Въ немъ воплощаются страсть, кипѣли взрывы чувства,
У зрится изъ глазъ оцъ слезы исторгая,
Хотя теоріи и техники искусства,
Какъ самородковъ гениальный, и не зналъ.

118. На игру г. Мочалова въ «Танкредъ». — См. выше, № 28 библиографическаго указателя.

119. Цыгановъ, Н. Г. Посвященіе П. С. Мочалову. — «Литературный Кабинетъ». М. 1842.

Перепечатано въ изданіи писемъ Цыганова (Спб. 1880. Стр. 45—46).

IX.

Портреты П. С. Мочалова.

120. Портретъ П. С. Мочалова въ роли Фингала, въ трагедіи В. А. Озерова «Фингалъ». — «Альбомъ Драматическій на 1826 годъ». М. 1826.

Гравюра пунтиромъ; копія съ нея — см. выше, стр. 114.

121. П. С. Мочаловъ среди своихъ друзей, масляная картина, работы художника Неврева.

Изображаетъ Мочалова декламирующимъ среди своихъ знакомыхъ. Оригиналъ находится въ Москвѣ, въ Третьяковской галлерей; снимокъ съ нея помѣщенъ въ журналъ «Артистъ», 1890, № 10, и во многихъ другихъ изданіяхъ.

122. Портретъ П. С. Мочалова въ роли Мейнау, въ драмѣ А. Коцебу «Ненависть къ людямъ и раскаяніе». Рисованъ съ натуры художникомъ В. Караколпаковымъ. Литографія. — М. 1837.

Портретъ этотъ, изображающій Мочалова съ глазами, устремленными въ небу, съ скрещенными на груди руками, поспой, воспроизводится газет-

нымъ образомъ, при различныхъ статьяхъ о Мочаловѣ. Этотъ портретъ приложенъ также и къ настоящей книжкѣ «Ежегодника». Подъ портретомъ приведены слова изъ 4-го д., 2-го явл.: «Сердце мое подобно давно зарытой могилѣ: пусть истлаивается то, что въ ней скрыто». Насколько этихъ портретовъ существуетъ съ собственноручными подписями Мочалова; таковъ портретъ у г. Мишле, родственника Мочалова по женѣ, и у г. Кочаловскаго. На первомъ изъ нихъ рукою Мочалова написано: «Подарилъ на память посаженной отецъ П. Мочаловъ». На второмъ рукою Мочалова написано: «Прошу принять, какъ знакъ пріятнаго долга, какъ знакъ душевной благодарности за душевное ко мнѣ расположеніе. 1844 годъ, мѣсяца юлія 23-го дня. Павелъ Мочаловъ».

123. Портретъ П. С. Мочалова въ роли Танкреда, въ трагедіи Вольтера «Танкредъ». — См. выше, глава IV, примѣчаніе 31, стр. 14—15.

124. Копія съ портрета П. С. Мочалова въ роли Фингала (см. № 120 библиографическаго указателя). — Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, сост. Д. А. Ровинскимъ. Спб. 1887. Т. II, стр. 1320.

Въ помѣщенныхъ здѣсь біографическихъ данныхъ приведены не вѣрныя даты.

X.

Библиографія.

125. Межовъ, В. И. Русская историческая библиографія. 1800—1854. — Спб. 1893. Стр. 177, №№ 15794—15804.

Статьи и замѣтки по поводу 50-ти-лѣтія со времени смерти П. С. Мочалова.

126. А. Б. Памяти П. С. Мочалова (по поводу 50-ти-лѣтія со дня смерти). — «Жизнь и Искусство», 1898, № 75.

127. *Актёръ*. Клочки воспоминаній (къ 50-ти-лѣтію дня кончины П. С. Мочалова). — «Новости Дня», 1898, № 5312.

128. Б. 50-ти-лѣтіе смерти П. С. Мочалова. — «Кіевское Слово», 1898, № 3657.

129. *Васюковъ*, С. Изъ воспоминаній о П. С. Мочаловѣ. — «Русское Слово», 1898, № 80.
Читало на вечеръ 16-го марта 1898 г.

130. *Гр—въ*, Вл. «Безумный другъ Шекспира» П. С. Мочаловъ (по поводу 50-ти-лѣтія со дня его смерти). — «Волгарь», 1898, № 75.

131. *Знаменскій*, С. Памяти великаго русскаго артиста (къ 50-ти-лѣтію кончины П. С. Мочалова). — «Московскій Листокъ», 1898, № 11, иллюстрированное приложеніе, съ портретомъ.

132. *Карпьевъ*, М. В. Памяти П. С. Мочалова. — «Новое Время», 1898, № 7921.

133. *К—въ*, В. С. П. С. Мочаловъ (по случаю 50-ти-лѣтія со дня смерти). — «Народъ», 1898, № 442.

134. *Lolo*. Страничка изъ письма. Стихотвореніе. — «Новости Дня», 1898, № 5314.

По поводу чествованія памяти Мочалова.

135. *М—скій*, В. Актеръ-романтикъ (по поводу 50-ти-лѣтія со дня смерти П. С. Мочалова, † 16-го марта 1848 г.). — «Русская Мысль», 1898, мартъ, стр. 1—28.

136. *Н. Церинговъ*. П. С. Мочаловъ. — «Южный Край», 1898, № 5912.

137. П. С. Мочаловъ. По поводу 50-ти-лѣтія со дня смерти. — «Жизнь и Искусство», 1898, № 70, приложеніе, съ портретомъ.

138. Павелъ Степановичъ Мочаловъ (по поводу 50-ти-лѣтія его смерти). — «Новое Время», 1898, № 7918, приложеніе.

139. П. С. Мочаловъ. — «Петербургскій Листокъ», 1898, № 75.

140. П. С. Мочаловъ. — «Русское Слово», 1898, № 75.

По статьѣ изъ «Русской Старины», 1898, мартъ.

141. Памяти П. С. Мочалова. — «Петербургскій Листокъ», 1898, № 76, съ портретомъ.

142. Памяти П. С. Мочалова (по случаю 50-ти-лѣтія со дня его смерти). — «Русское Слово», 1898, № 75, отд. «Золотыя слова».

143. Пьеса Мочалова. — «Московскія Вѣдомости», 1898, № 74.

Содержаніе «Черкешени».

144. *Поливановъ*, Левъ. Къ біографіи П. С. Мочалова. — «Русская Старина», 1898, май, стр. 268.

Объ ученіи П. С. Мочалова въ пансіонѣ Терапьевыхъ (1813 г.).

145. С. К. У дочери Мочалова. — «Новости Дня», 1898, № 5312.

Интервью, не давшее новыхъ матеріаловъ.

146. *Селивановъ*, Н. А. Безумный другъ Шекспира. — «Театръ и Искусство», 1898, №№ 11 (съ портр.) 12, 13 (съ портр.).

147. *Сумбатовъ-Южинъ*, князь А. И. П. С. Мочаловъ въ жизни и на сценѣ. — «Курьеръ», 1898, № 114.

Два отрывка рѣчи, произнесенной княземъ А. И. Сумбатовымъ на засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности, 26-го апрѣля 1898 года: Мочаловъ въ роли «Гамлета» и «День Мочалова».

148. *Т—въ*, С. А. Черты изъ жизни П. С. Мочалова (3-го ноября 1800 г., 16-го марта 1848 г.). — «Семья», 1898, № 11, съ портретами.

149. *Х—въ*. П. С. Мочаловъ (по поводу 50-ти-лѣтія со дня его смерти). — «Приазовскій Край», 1898, № 71.

150. *Civis*. Благодарность потомства. — «Московскія Вѣдомости», 1898, № 76, отд. «Маленькая хроника».

По поводу чествованія памяти П. С. Мочалова.

151. *Шенрокъ*, В. П. С. Мочаловъ и В. А. Каратыгинъ. — «Русская Старина», 1898, мартъ и апрѣль.

152. *Якушкинъ*, В. Памяти П. С. Мочалова (3-го ноября 1800 г.—16-го марта 1848). — «Русскія Вѣдомости», 1898, № 74.

153. *Ярцевъ*, А. А. П. С. Мочаловъ, русскій трагикъ (1848—16-го марта—1898 г.). — «Московскія Вѣдомости», 1898, № 74.

XII.

Чествованіе памяти П. С. Мочалова по поводу 50-ти-лѣтія со дня его смерти.

154. Чествованіе памяти П. С. Мочалова.—
«Курьеръ», 1898, № 75.

Панихида на могилѣ П. С. Мочалова, 16-го марта
1898 года.

155. Памяти П. С. Мочалова. (По случаю
исполнившагося 50-ти-лѣтія со дня его кон-
чины). — «Русское Слово», 1898, № 76.

156. У могилы Мочалова.—«Новости Дня»,
1898, № 5313.

157. Мочаловскій вечеръ.—«Новости Дня»,
1898, № 5313.

158. Вечеръ въ память П. С. Мочалова.—
«Курьеръ», 1898, № 75.

159. Вечеръ въ память П. С. Мочалова.—
«Московскія Вѣдомости», 1898, № 76, отд.
«Театръ и музыка».

160. Ярцевъ, А. А. Письмо въ редакцію.—
«Новости Дня», 1898, № 5314.

По поводу прочитанныхъ на вечеръ 16-го марта
вспоминаній о Мочаловѣ (см. № 129).

161. Каталогъ выставки, устроенной Обще-
ствомъ Любителей Россійской Словесности въ

память Павла Степановича Мочалова, 26-го и
27-го апрѣля 1898 года. Съ пятью фототи-
піями.—М. 1898.

162. Въ Обществѣ Любителей Россійской
Словесности.—«Новости Дня», 1898, № 5353.
Отчетъ о засѣданіи въ память Мочалова, 26-го
апрѣля 1898 года.

163. Тоже.—«Московскій Листокъ», 1898,
№ 114.

164. Тоже.—«Русское Слово», 1898, № 114.

165. Тоже. — «Русскій Листокъ», 1898,
№ 114.

166. Тоже.—«Курьеръ», 1898, № 114.

167. Памяти П. С. Мочалова.—«Московскія
Вѣдомости», 1898, № 113.

Отчетъ о засѣданіи въ память Мочалова въ
Обществѣ Любителей Россійской Словесности.

168. Фондъ имени Мочалова.—«Московскія
Вѣдомости», 1898, № 108, отд. «Театръ и
музыка».

Объ образованіи въ Русскомъ Театральномъ
Обществѣ Фонда имени П. С. Мочалова на бла-
готворительныя цѣли, начало коему пожертво-
ваніемъ, присланной въ Общество А. А. Ярцевымъ.

Оглавленіе.

	стр.
Павелъ Степановичъ Мочаловъ. Біографическій очеркъ. А. А. Ярцева	1
Приложеніе I. Стихотворенія П. С. Мочалова	106
Приложеніе II. «Черкешенка». Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, соч. П. С. Мочалова	115
Приложеніе III. Списокъ ролей игранныхъ П. С. Мочаловымъ. Сост. А. А. Ярцевъ	132
Приложеніе IV. «Дѣло» П. С. Мочалова, хранящееся въ архивѣ Московской конторы Императорскихъ театровъ	134
Приложеніе V. Матеріалы для біографіи П. С. Мочалова (Библіо- графическая справка). Сост. А. А. Ярцевъ	137
Портреты П. С. Мочалова: 1) въ роли Мейнау («Ненависть къ людямъ и раскаяніе», драма А. Концебу) и 2) въ роли Фингала («Фингалъ», тра- гедія В. А. Озерова).	

